

МАРИЯ
СЕМЁНОВА

МЫ-
СЛАВЯНЕ!

Мария Семёнова

Мы – славяне!

«Азбука-Аттикус»

1997

Семёнова М. В.

Мы – славяне! / М. В. Семёнова — «Азбука-Аттикус», 1997

ISBN 978-5-389-04288-9

Мария Семёнова – автор знаменитого романа «Волкодав» и множества других исторических и приключенческих книг – увлекательно и доступно рассказывает о древних славянах. Это не научная книга в том понимании, какое обычно содержит в себе любое серьёзное исследование, а живое и очень пристрастное повествование автора, открывшего для себя удивительный мир Древней Руси с его верованиями, обрядами, обычаями, бытом... Читатели совершат интереснейший экскурс в прошлое нашей Родины, узнают о жизни своих далёких предков, о том, кому они поклонялись, кого любили и ненавидели, как умели постоять за себя и свой род на поле брани. Немало страниц посвящено тому, как и во что одевались славяне, какие украшения носили, каким оружием владели. Без преувеличения книгу Марии Семёновой можно назвать малой энциклопедией древних славян. Издание содержит более 300 иллюстраций, созданных на основе этнографического материала.

ISBN 978-5-389-04288-9

© Семёнова М. В., 1997

© Азбука-Аттикус, 1997

Содержание

От автора	5
Мировое Древо: от вершины к корням	7
Кто выстрелит в Прошлое из пистолета...	7
О земном устройении	9
Мать Земля и Отец Небо	13
Даждьбог Сварожич	16
Перун Сварожич	21
Огонь Сварожич	29
Род и Рожаницы	31
Ярила	34
Змей Волос	35
Тёмные Боги	40
Мир человека: между своим и чужим	41
Домовой	41
Овинник, Банник, Дворовый...	44
Лес и Леший	45
Полевик и Полудница	48
Хлеб	49
Вода и Водяной	54
Кузница и мельница	56
Человеческая жизнь: от смерти к рождению	64
Истоки гостеприимства	64
Границы во времени	66
Рождение	68
Имя	70
Взросление	71
Коса и борода	74
Свадьба	79
Звёздный мост	88
Литература	95
Жилище	97
«Что нам стоит дом построить?»	97
Выбор деревьев для строительства	100
Места добрые и недобрые	108
Выбор места для селения	109
Выбор места для дома	113
«Без Троицы дом не строится»	115
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Мария Семёнова

Мы – славяне! Популярная энциклопедия

Автор сердечно благодарит сотрудников Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербургского отделения

Наталию Вадимовну ХВОЩИНСКУЮ

Ольгу Алексеевну ЩЕГЛОВУ

Олега Игоревича БОГУСЛАВСКОГО

Анатолия Николаевича КИРПИЧНИКОВА

Александра Валентиновича КУРБАТОВА

Владимира Александровича НАЗАРЕНКО

Евгения Николаевича НОСОВА

Юрия Юрьевича ПЕТРОВА

Романа Ароновича РАБИНОВИЧА

за бескорыстную помощь и ценнейшие замечания, а также инженера по компьютерам Хокана НОРЕЛИУСА (фирма «NORANA», Швеция) за немаловажное техническое содействие.

От автора

Эта книга посвящена древним славянам – далёким предкам русских, белорусов и украинцев. Речь пойдёт в основном о IX—XI веках, хотя в тех случаях, когда это необходимо, будут привлекаться сведения из других эпох – от первобытного строя до наших дней. Ведь интересно бывает выяснить происхождение того или иного обычая, выражения, термина или материального предмета, а затем проследить, какое развитие он получил в дальнейшем.

Моя работа отнюдь не претендует на всеобъемлющую полноту. Любопытный читатель найдёт в ней разделы, посвящённые языческой религии древних славян, их жилищу, поселению, родственным отношениям, одежде, украшениям, прядению и ткачеству, оружию ближнего боя, луку и стрелам, защитному воинскому доспеху. Легко убедиться, что очень мало или совсем ничего не сказано в ней о торговле, о состоянии естественных наук, о большинстве ремёсел, медицинских познаниях, охоте, земледелии, рыболовстве и ещё о великом множестве не менее важных и интересных вещей.

Следует честно признаться – первоначальный замысел предполагал более широкий охват. Но стоило начать работу над первой же темой, как открылось столько удивительного и необычного, что пришлось пожертвовать широтой: в ином случае забота о краткости привела бы к верхоглядству.

Затрагивая тот или иной пласт материала, я всякий раз убеждалась, что на любую из этих тем можно написать отдельную книгу, объёмную и интересную. Буквально каждый предмет при ближайшем рассмотрении оказывался удивительным и неповторимым. К тому же и история его изучения порой напоминала детективный роман – такие баталии разгорались между учёными, по-разному видевшими проблему. А по многим вопросам и сегодня существует несколько мнений. И это стоит только приветствовать!

Начиная новый раздел, я всякий раз ставила себе очень жёсткие ограничения: рассказывать кратко и не обо всём – лишь о некоторых фактах, способных разбудить любопытство, а то и перевернуть кое-какие представления, утвердившиеся в нашем сознании. Мне хочется, чтобы человек, «сунувший нос» в эту книгу, удивился и пожелал узнать что-то ещё.

Приступая к работе, я просмотрела популярные энциклопедии, посвящённые древним славянам. Как правило, начинаются они с краткого изложения основных событий эпохи, затем следует подробный разбор общественного устройства, и едва ли не в последнюю очередь уделяется внимание таким «малозначительным», с точки зрения составителей, вещам, как одежда, жилище, домашние занятия. А ведь обычного читателя это интересует куда больше, чем, скажем, признаки зарождения у славян феодального строя. Что же касается язычества, ему чаще всего уделяется крохотная главка, содержащая весьма убогую информацию и вдобавок отодвинутая в самый конец издания, как нечто вовсе уж недостойное внимания.

Предлагаемая книга организована совершенно иначе. Из двенадцати её разделов язычеству посвящены целых три, причём идут они самыми первыми. Причина очень проста. Религиозные понятия и нормы столь густо пронизывали всю жизнь древнего человека, что совершенно невозможно судить даже о таких, казалось бы, сугубо материальных предметах, как украшения и оружие, не имея понятия о сложном комплексе верований, определявших изготовление и применение вещи. Вот и получается: отмахиваясь от язычества, мы тем самым лишаем себя столь необходимых ключей к пониманию мира наших предков – и духовного, и материального.

Впрочем, я стремилась к тому, чтобы книгу эту можно было «осваивать» в произвольном порядке, с любой главы – смотря чем в первую очередь заинтересуется любопытный читатель. Этим объясняются определённые повторы, имеющие место в тексте, а также постоянные отсылки к другим главам.

Почти все разделы сопровождается список литературы. Он предназначен для тех, кто всерьёз заинтересуется предлагаемым материалом и пожелает глубже ознакомиться с его проблемами. Сразу оговоримся, что в списках указаны научно-популярные и научные книги, написанные специалистами. Их, вероятно, следует рекомендовать в основном родителям юных читателей, а самим ребятам – на перспективу. К сожалению, очень мало у нас пока литературы, где строгие научные факты излагались бы языком, понятным для школьников. А впрочем, современного школьника, да ещё всерьёз увлечённого, вряд ли напугает самая «учёная» книга!

Что же касается тем, которым не хватило здесь места, – будем надеяться, что мне удастся продолжить работу и эта книга о славянах окажется не последней.

Мария Семёнова

Мировое Древо: от вершины к корням

Кто выстрелит в Прошлое из пистолета...

Сейчас в нашу жизнь возвращается огромный пласт православной культуры. И порою приходится слышать, что религия, достойная называться религией, появилась у нас только после принятия христианства – тысячу лет назад. А до этого, мол, были разве что варварские, примитивные культы, вдобавок порою связанные с человеческими жертвами. Одним словом, «мрак язычества». Духовная первобытность.

Разберёмся, справедливо ли это.

Иногда говорят, будто о славянском язычестве почти ничего не известно. На самом деле так считают лишь те, кому лень было прочесть книги учёных – археологов, этнографов, историков религий, специалистов по верованиям древних славян и смежных с ними народов. А ведь эти учёные уже не первое столетие расшифровывают старинные рукописи, истолковывают обряды, объясняют археологические находки. В научных библиотеках можно найти великое множество книг, в которых эти учёные рассказывают о том, что им удалось выяснить. Одна беда, учёные чаще всего пишут свои книги для таких же, как они сами, специалистов: большинству обычных читателей их очень сложно понять. К сожалению, нет о славянском язычестве просто и доступно написанных книг, подобных тем, какие посвящены древнегреческой, древнеримской и иным мифологическим системам.

Однако древняя религия наших предков, которую некоторые считают забытой, до сегодняшнего дня продолжает жить в наших повседневных обычаях. Доказательства? Сколько угодно.

Спросим себя, к примеру: почему нельзя здороваться за руку через порог? Почему на свадьбе разбивают тарелку? А почему, вселяясь в новый дом, первым в него впускают кота? Многие читатели сейчас ответят: на счастье. Но разве это объяснение?

К сожалению, больше ничего не могли сказать ни школьники, ни взрослые, которым я задавала эти вопросы. А ведь все перечисленные обычаи как раз оттуда, из наших языческих времён. Там, в этом загадочном и необыкновенно интересном мире, коренится наше мировоззрение. Неужели же справедливо, что мы во всех подробностях изучаем египетских, греческих, римских Богов, а своих не знаем даже, как звать?..

Нередко слышишь: а для чего? На что нам Перун и Сварог, Водяные и Лешие, когда вокруг компьютеры и космические корабли? Поставим вопрос по-другому: в чём основное достоинство хорошего современного компьютера? Это – бездонная память, наполненная информацией, плюс способность с нею управляться. Компьютер прекрасно помнит, над чем трудился его электронный разум и вчера, и позавчера. Годится ли человечеству быть глупее машин и не помнить, откуда оно родом?

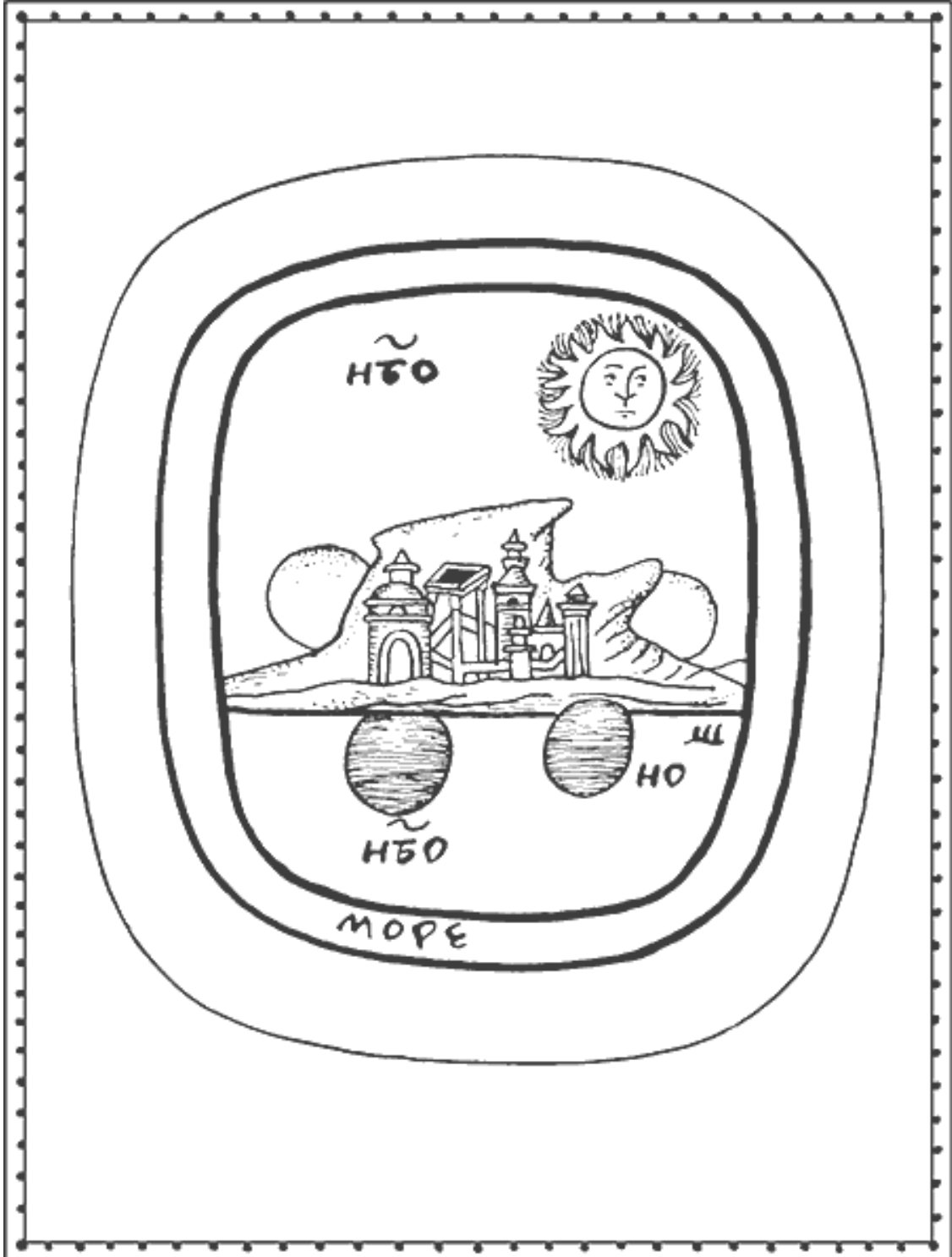
А кроме того, учёные не сомневаются: в эпоху, когда складывались мифы, люди умели думать несколько не хуже, чем теперь. Просто они думали и выражали свои познания на другом языке – на языке мифа. Вот один пример. Много столетий живёт на севере Европы, в тундрах Кольского полуострова, такой народ – саамы.

«Земля – живое существо, – говорили саамы. – Деревья и травы – её волосы. Зелёный дёрн, тундровые мхи – её кожа. Нельзя делать больно Земле, нельзя её ранить...» «Дикое суеверие», – отмахнулись наши современники, учившие высшую математику в институтах. И приехали в тундру на вездеходах и тракторах. А теперь мы хватаемся за голову: оказывается, северная природа очень ранима. Там, где один раз прошёл вездеход, вскоре возникает страшный овраг – незаживающая рана Земли... Между тем саамы знали это всегда. И в просторах северной тундры от века уживались друг с другом Земля, олени и человек. И что с того, если закон этой жизни был записан не на языке формул, а на языке мифа?

Есть такая хорошая поговорка: кто выстрелит в Прошлое из пистолета, в того Будущее выстрелит из пушки...

О земном устройении

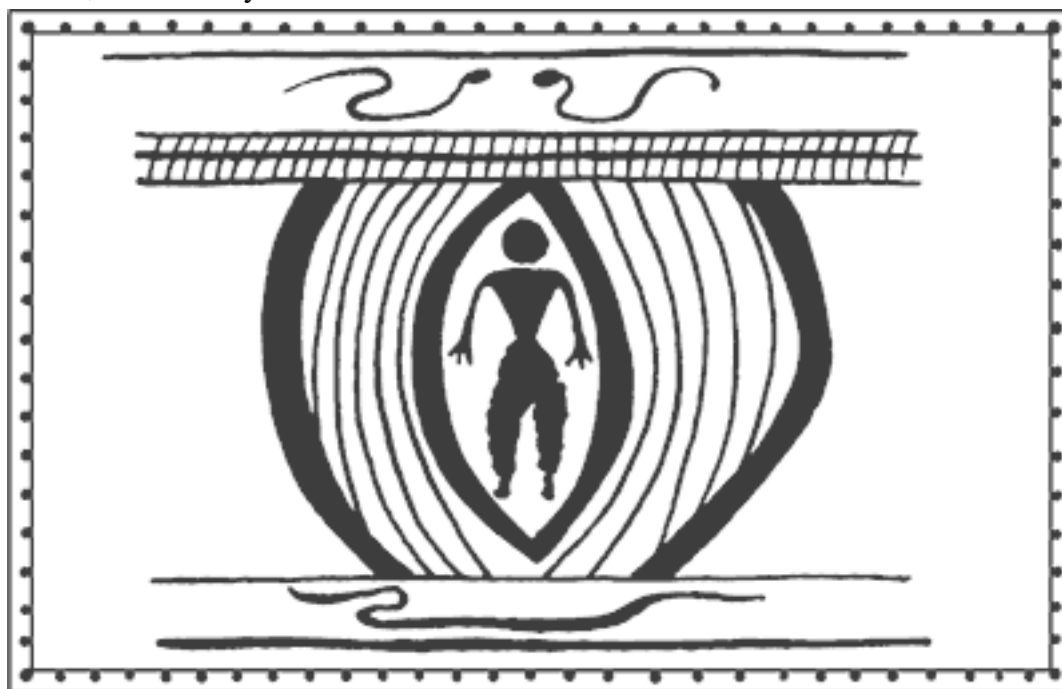
Как представляли себе свой мир славяне-язычники? Учёные пишут, что он казался им похожим на большое яйцо. А у родственных и соседних народов существуют даже сказания о том, как это яйцо было снесено «космической» птицей. У славян же сохранились отзвуки легенд о Великой Матери – родительнице Земли и Неба, праматери Богов и людей. Учёные полагают, что имя Великой Матери было Жива, или Живана.

Миниатюра из русской рукописи «Космография Козьмы Индикоплова», изображающая движение солнца по небу и по подземному, «ночному» морю

Посередине славянской Вселенной, подобно желтку, расположена сама Земля. Верхняя часть «желтка» – наш живой мир, мир людей. Нижняя, «исподняя» сторона – Нижний Мир, Мир Мёртвых, Ночная Страна. Когда там день, у нас царит ночь.

Чтобы попасть туда, надо пересечь Океан-море, окружившее Землю. Или прорыть колодец насквозь, и камень будет падать в этот колодец двенадцать дней и ночей.

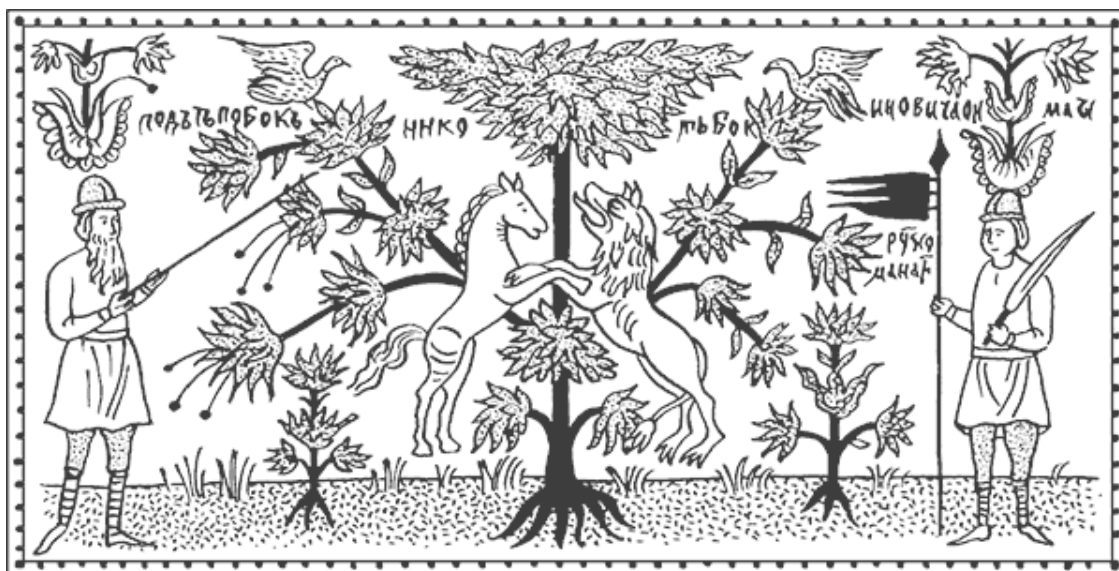
Рождение Бога Неба и Воды (Варуна – Урана) в окружении дождевых потоков и змей. Трипольская культура. III – пер. четв. II тысячелетия до нашей эры

Вокруг Земли, подобно яичным плёнкам и скорлупе, расположены девять разных небес (девять – трижды три – священное число у самых разных народов; но это уже тема для отдельного разговора). Вот почему мы до сих пор говорим не только «небо», но и «небеса». Быть может, нелишне припомнить здесь тропосферу, стратосферу и иные слои, на которые делят учёные воздушный покров нашей планеты?..

Каждое из девяти небес славянской мифологии имеет своё собственное предназначение: одно – для Солнца и звёзд, другое – для Месяца, ещё одно – для туч и ветров. Седьмое по счёту наши предки считали «твердью», прозрачным дном небесного Океана. Там хранятся запасы живой воды, неиссякаемый источник дождей. Вспомним, как говорят о сильном ливне: разверзлись хляби небесные! Чему мы обязаны этим присловьем? Библейской легенде о Потопе, языческим верованиям или тому и другому? Так или иначе, «хлябь», «хляби» – это водный простор, морская бездна. Мы всё ещё многое помним, только сами не знаем, откуда эта память и к чему она относится.

Славяне считали, что на любое небо можно попасть, взобравшись по Мировому Древу, которое связывает между собой Нижний Мир, Землю и все девять небес. Отзвуки этого мифа дошли до нас, например, в сказках о чудесном горохе, выросшем до самой Луны. По мысли древних славян, Мировое Древо всего больше похоже на громадный раскидистый дуб. Однако на этом дубе зреют не одни жёлуди, но также семена всех других деревьев и трав. А там, где вершина Мирового Древа поднимается над седьмым небом, в «хлябях небесных» есть остров, и на том острове живут прародители всех птиц и зверей: «старший» олень, «старший» волк и так далее. Их называли ещё «старыми»: в прежние времена слово «старый» совсем не обязательно означало «дряхлый» и «преклонный годами», как ныне; основным его смыслом было «крепкий», «зрелый», «матёрый». В былинах постоянно встречается выражение: «старый казак Илья Муромец». Имеется в виду его телесная мощь, а вовсе не старость, как иногда думается нам.

Славяне полагали, что именно на небесный остров улетают осенью перелётные птицы. Туда же возносятся души зверей, добытых охотниками, и держат ответ перед «старшими» – рассказывают, как поступили с ними люди. Соответственно, охотник должен был благодарить зверя, позволившего взять свою шкуру и мясо, и ни в коем случае не издеваться над ним, не причинять лишних мучений. Тогда «старшие» скоро отпустят зверя назад на Землю, позволят снова родиться, чтобы не переводились рыба и дичь. Если же человек провинился – не оберётся беды...

Мировое Древо. Роспись крышки сундука. Северная Двина. Конец XVII века

Язычники отнюдь не считали себя «царями» природы, которым позволено грабить её как угодно. Они жили в природе и вместе с природой и полагали, что у каждого живого существа не меньше права на жизнь, чем у человека... Вот бы и нам, нынешним, подобную мудрость!

Чудесный остров на седьмом небе славяне называли «ирием», или «вирием». Некоторые учёные полагают, что от него происходит теперешнее слово «рай», так прочно связанное в нашем понятии с христианством. А ещё ирий называли островом Буяном. Этот остров известен нам по многочисленным сказкам и заговорам как своего рода «генератор жизни», обитель добра, света и красоты. Эту народную традицию продолжил и А. С. Пушкин в своей «Сказке о царе Салтане». Остров Буян в ней не случаен!

А как же восьмое и девятое небеса, служащие ирию крышей? Наверняка древние славяне задумывались, что лежит за их пределами, в бесконечной Вселенной. Быть может, задумывались они и об иных мирах, которые должны были там находиться...

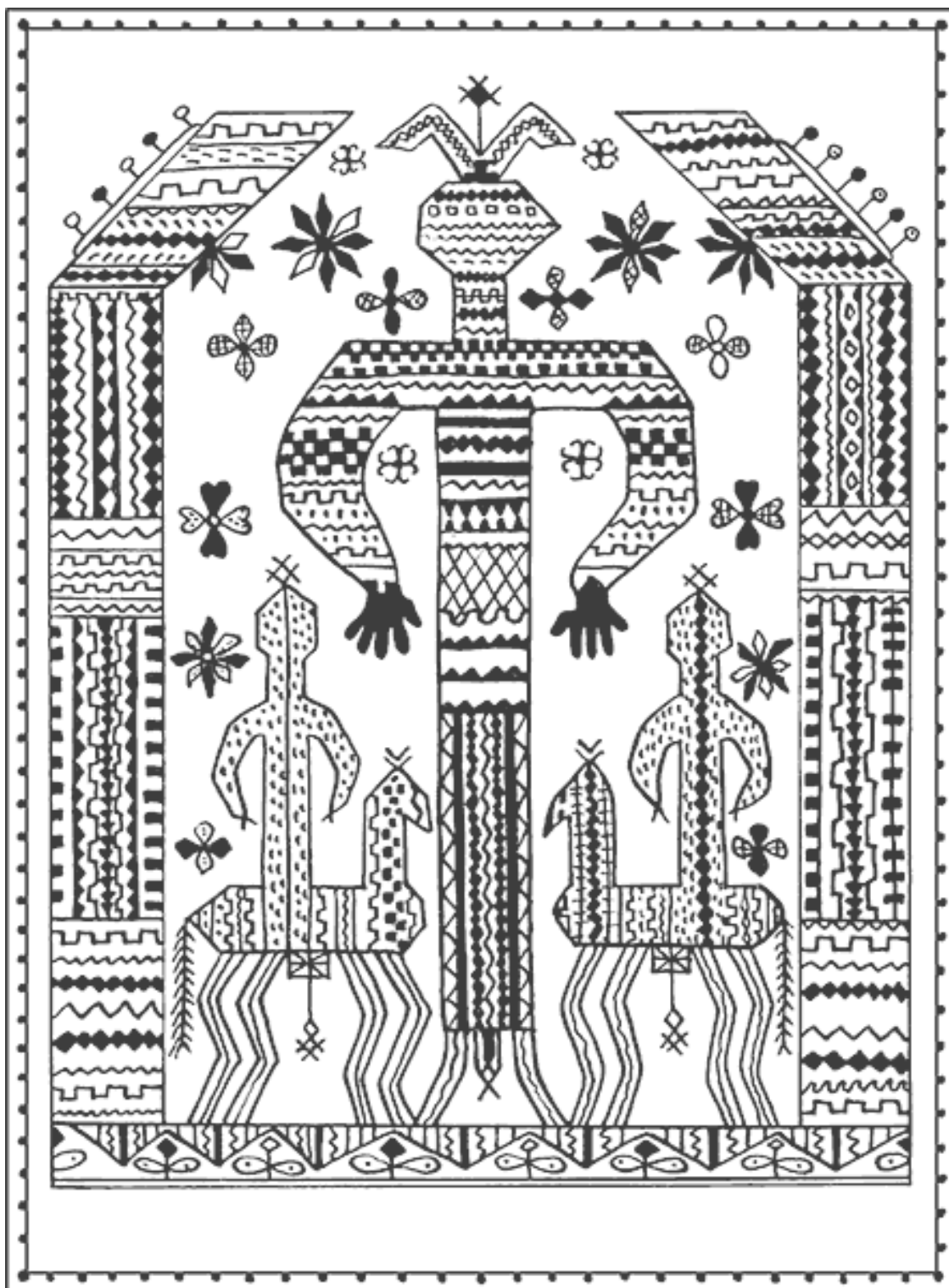
Мать Земля и Отец Небо

Древние славяне считали Землю и Небо двумя живыми существами, более того – супружеской парой, чья любовь и породила всё живое на свете. Бога Неба, Отца всего сущего, называют Сварогом. Это имя восходит к незапамятно древнему слову, означающему «небо», а также «нечто сияющее, блестящее». Учёные отмечают, что другое имя Неба было Стрибог – в переводе на современный язык «Отец-Бог». Недаром дядю по отцу на Руси называли «стрый». Легенда рассказывает, что некогда Сварог подарил людям кузнечные клещи, научил выплавлять медь и железо, а прежде, по мысли славян, – и это вполне созвучно современным представлениям – на Земле царил каменный век, люди пользовались палицами и камнями. К тому же Сварог установил самые первые законы, в частности, велел каждому мужчине иметь только одну жену, а женщине – одного мужа.

В «Слове о полку Игореве» – знаменитом памятнике словесности, созданном в конце XII века, – среди богатейшей языческой символики можно найти иносказательное название ветров: «Стрибожьи внуки». Значит, ветры считались внуками Неба.

Землю мы до сих пор называем Матерью, и это трудно оспорить. Только вот мы далеко не всегда обращаемся с ней, как положено почтительным детям. Язычники же относились к ней с величайшей любовью, и все сказания говорят, что Земля платила им тем же. В одной из былин героя предостерегают, чтобы не вздумал сражаться с таким-то богатырём. Этот богатырь непобедим, а почему? – «Его Земля-Матушка любит»...

Десятого мая справлялись «именины Земли»: в этот день её нельзя было беспокоить – пахать, вскапывать. Земля была свидетельницей торжественных клятв; при этом её касались ладонью, а то вынимали кусок дёрна и возлагали себе на голову, мистическим образом делая ложь невозможной: считалось, Земля не станет носить обманщика. Посейчас мы ещё иногда требуем в качестве нерушимой клятвы: «Ешь землю!» А чего стоит хотя бы горсть родимой земли, которую берут с собой на чужбину!..

Предполагаемое изображение Макоши.
Русская вышивка. Север. Начало XIX века

Как же называли славяне великую Богиню Земли? Некоторые учёные считают, что её имя – Макошь. (Впрочем, другие, не менее авторитетные, с ними яростно спорят.) «Ма-» – понятно, мать, мама. А вот «кошь»? Давайте вспомним: КОШелёк, где хранится богатство, КОШара, куда загоняют живое богатство – овец. «КОШевым» называется предводитель каза-

ков, «КОШем» ещё называли жребий, судьбу, счастье. А также и короб, большую корзину, куда складывают собранный урожай – земные плоды, а ведь именно он составлял богатство, судьбу и счастье древнего человека. Вот и получается: Макошь – Всеобщая Мать, Хозяйка Жизни, Дарительница Урожая. Одним словом – Земля.

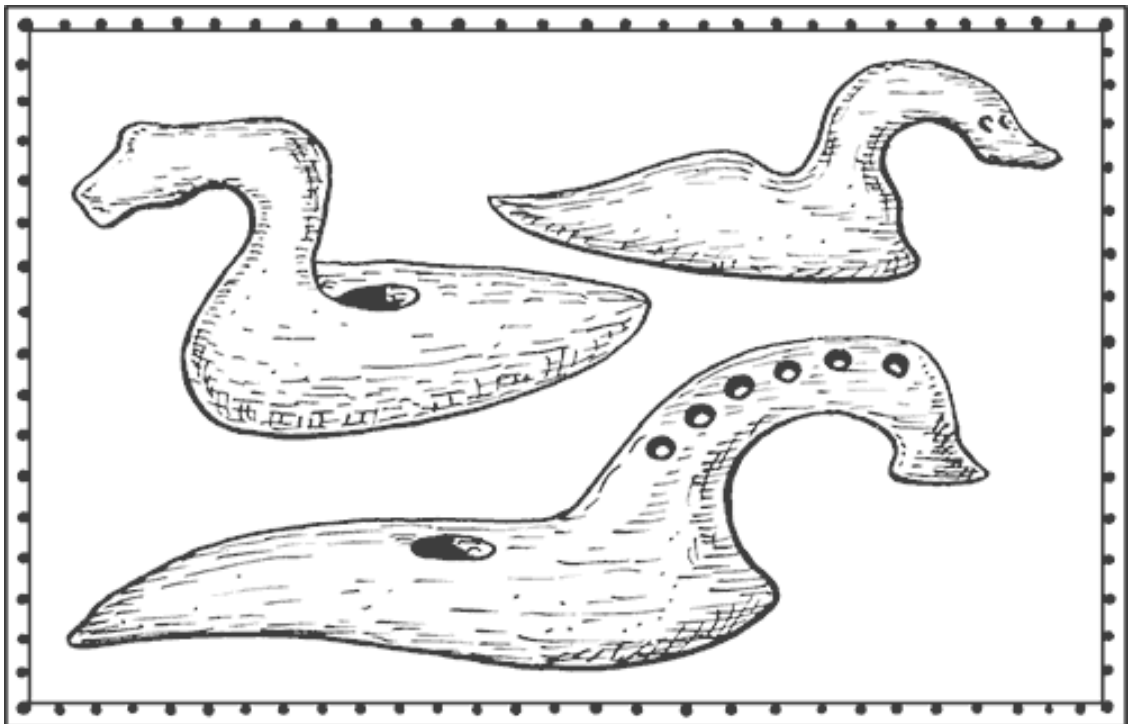
Сидя на уютном пригорке, поросшем цветущими медоносными травами, наш языческий предок чувствовал под собой живые, тёплые колени Матери Земли. А с высоты на него был устремлён строгий и ласковый взгляд Неба – Отца-Бога...

Мог ли такой человек учинить на Земле-кормилице «лунный пейзаж», отравить чистое Небо дымом и ядовитыми газами, как это нередко делаем мы?

Дажьбог Сварожич

Древние славяне считали Солнце, Молнию и Огонь – два небесных Пламени и одно земное – родными братьями, сыновьями Неба и Земли.

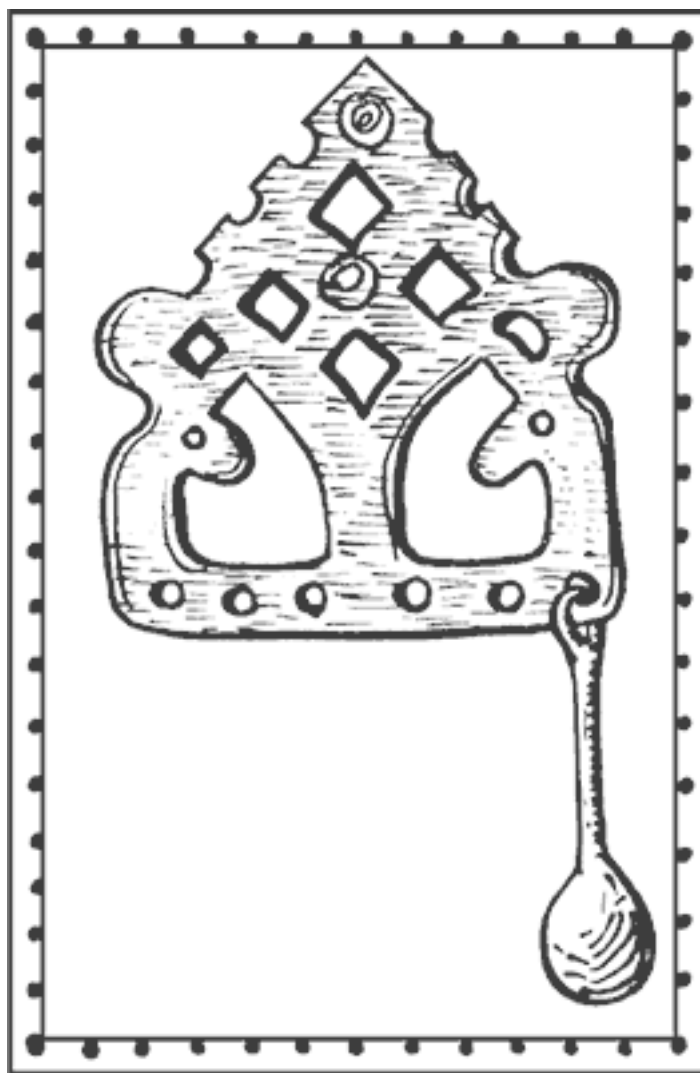
Бога Солнца называют Дажьбогом (или, в другом произношении, Дажьбогом). Это не от слова «дождь», как иногда ошибочно думают, это значит – «дающий Бог», «податель всех благ». Славяне верили, что Дажьбог ездит по небу на чудесной колеснице, запряжённой четвёркой белых златогривых коней с золотыми крыльями. А солнечный свет происходит от огненного щита, который Дажьбог возит с собой. Ночью Дажьбог с запада на восток измеряет нижнее небо, светя Нижнему Миру. Дважды в сутки (утром и вечером) он пересекает Океан-море на лодье, запряжённом водоплавающими птицами – гусями, утками, лебедями. Поэтому наши предки приписывали особую силу оберегам (это слово происходит от глагола «беречь», «оберегать» и обозначает амулет, талисман) в виде утки с головой коня. Они верили, что славный Бог Солнца поможет им, где бы он ни находился – в Дневном Мире или в Ночном, и даже по дороге из одного в другой. В «Слове о полку Игореве» русские люди названы «Дажьбожьими внуками» – внуками Солнца. Хотя повествуется там о событиях, происшедших без малого через двести лет после официального принятия христианства.

Костяные амулеты «утко-кони». XI век

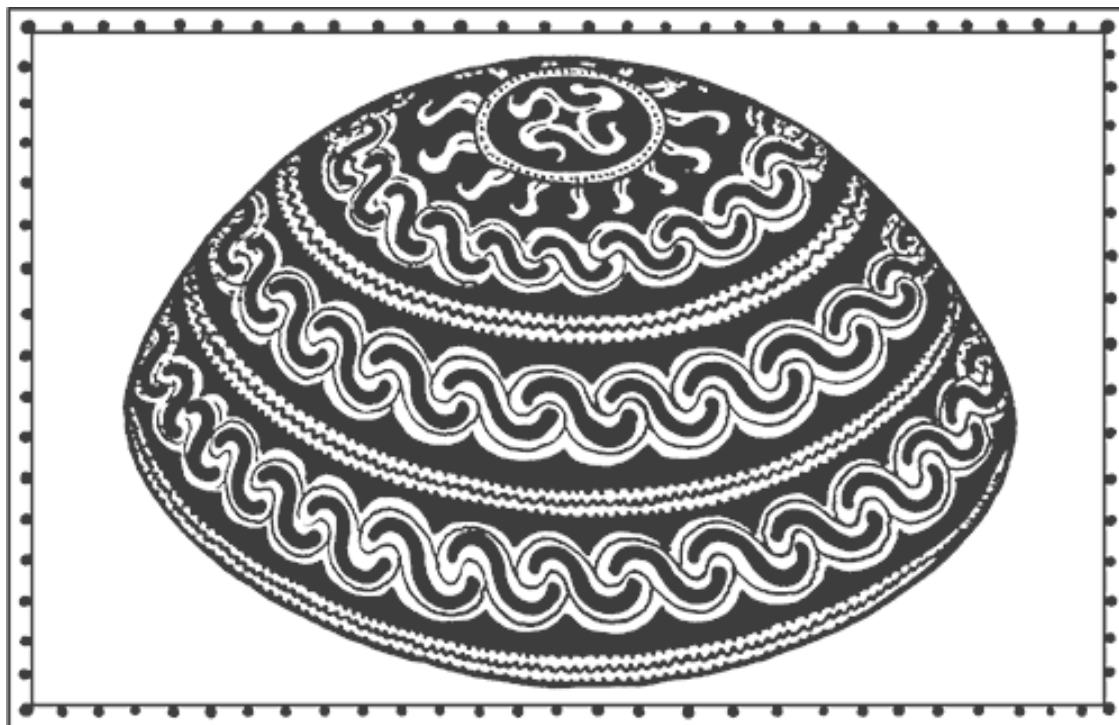
Утренняя и Вечерняя Зори считались сестрой и братом, причём Утренняя Заря была Солнцу женой. Каждый год, во время великого праздника летнего солнцестояния (ныне известного нам как Иванов день), торжественно праздновался их брак.

Славяне считали Солнце всевидящим оком, которое строго присматривает за нравственностью людей, за справедливым соблюдением законов. Недаром во все времена преступники ожидали наступления ночи, скрываясь от правосудия – не только земного, но и небесного.

Костяные амулеты «утко-кони». XI век

А священным знаком Солнца с незапамятных времён был... крест! Его, кстати, нетрудно увидеть, если посмотреть, прищурясь, на Солнце. Не потому ли христианский крест, так похожий на древнейший языческий символ, и прижился столь хорошо на Руси? Иногда Солнечный Крест обводили кружочком, а иногда рисовали катящимся, как колесо солнечной колесницы. Такой катящийся крест называется свастикой. Она бывала обращена в одну или другую сторону, смотря по тому, какое Солнце хотели изобразить – «дневное» или «ночное». Между прочим, не только в славянских легендах колдуны, творя свои заклинания, ходят «посолонь» (то есть по Солнцу) либо «противосолонь», в зависимости от того, добрым или злым будет их волшебство. К сожалению, свастика была использована в фашистской символике и у большинства людей вызывает теперь отвращение: фашистский знак! Однако в древности она весьма почиталась и была распространена от Индии до Ирландии. Часто встречается она и на древнерусских украшениях, найденных археологами. Что же касается «фашистского знака», нетрудно убедиться, что он изображает именно «ночное» Солнце, катящееся по внутренней стороне нижнего неба. Таким образом, настоящим предметом «поклонения» фашистских мистиков оказывается не Солнце, а скорее его отсутствие – ночной мрак...

Чаша с острова Рюген (ныне Германия) с двойной символикой – морской и небесной. Перед нами дно небесного Океана, где хранятся запасы живой воды: большая медуза плавает по волнам. Но приглядимся повнимательней: мы видим знак Солнца (свастику) и само светило, покоящееся среди облаков на одном из небес...

Интересна трактовка свастики в буддийской традиции. Она называется «мандзи» и считается символом совершенства. Вертикальная черта указывает на взаимосвязь Неба и Земли, горизонтальная – на борьбу извечных противоположностей Инь и Ян, сущности которых мы здесь рассматривать не будем. Что же касается поперечных штрихов, – если они направлены влево, то этим, с точки зрения буддистов, олицетворяется движение, мягкость, сострадание, добро; вправо – твёрдость, постоянство, разум и сила. Таким образом, две разновидности ман-дзи дополняют друг друга: любовь и сострадание беспомощны без силы и твёрдости, а бездуш-ный интеллект и сила без милосердия ведут лишь к умножению зла. В общем, «добро должно быть с кулаками», но – именно Добро. Не случайно ман-дзи является эмблемой знаменитого буддийского монастыря Шаолинь, равно как и других центров боевых единоборств, исповеду-ющих принцип: «не убивать противника, а возродить его». То есть заставить его задуматься о своём несовершенстве и дать ему возможность встать на истинный путь. Следует отметить, что приверженцы этих боевых искусств носят на своих традиционных одеяниях именно лево-стороннюю ман-дзи, символизирующую чистоту их помыслов, считая её первичной. Ман-дзи решимости и твёрдости лишь подтверждает первую и заключена в самом человеке, в его силе и мастерстве.

1. Священный знак Солнца с вариантами распространенных изображений. 2. Русские ковши с изображением Солнца, коней и водоплавающих птиц. 3. «Коньки». Священные изображения у печей в русских избах

...Однако возвратимся на Русь, где утки, гуси и лебеди повсеместно пользовались уважением и любовью. Особенно лебеди: в некоторых местах народный обычай строго запрещал охоту на них. И не только потому, что для соседних финно-угорских народов это была священная птица.

Перун Сварожич

Перун – славянский Бог Грозы, Бог грома и молнии. Его представляли себе немолодым разгневанным мужем с рыжей клубящейся бородой. Сразу отметим, что рыжая борода – непременная черта Бога Грозы у самых разных народов. В частности, рыжебородым считали своего Громовержца (Тора) скандинавы, соседи и родственники славян по индоевропейской семье народов. Надо ли говорить, что огненно-золотой цвет бороды Бога Грозы отнюдь не случаен!

Волосы же Бога Грозы уподоблялись грозовой туче. Скандинавские сказания отмечают, что разгневанный Тор «потрясал волосами». Какого цвета были волосы у Тора, определённо не сказано, а вот у славянского Перуна они действительно как грозовая туча – чёрно-серебряные. Недаром изваяние Перуна, стоявшее некогда в Киеве, описано в летописи так: «Голова серебряна, ус злат». Славяне видели своего Бога мчащимся среди туч верхом на коне либо в колеснице, запряжённой крылатыми жеребцами, белыми и воронными. Между прочим, сорока была одной из птиц, посвящённых Перуну, именно из-за своей чёрно-белой окраски.

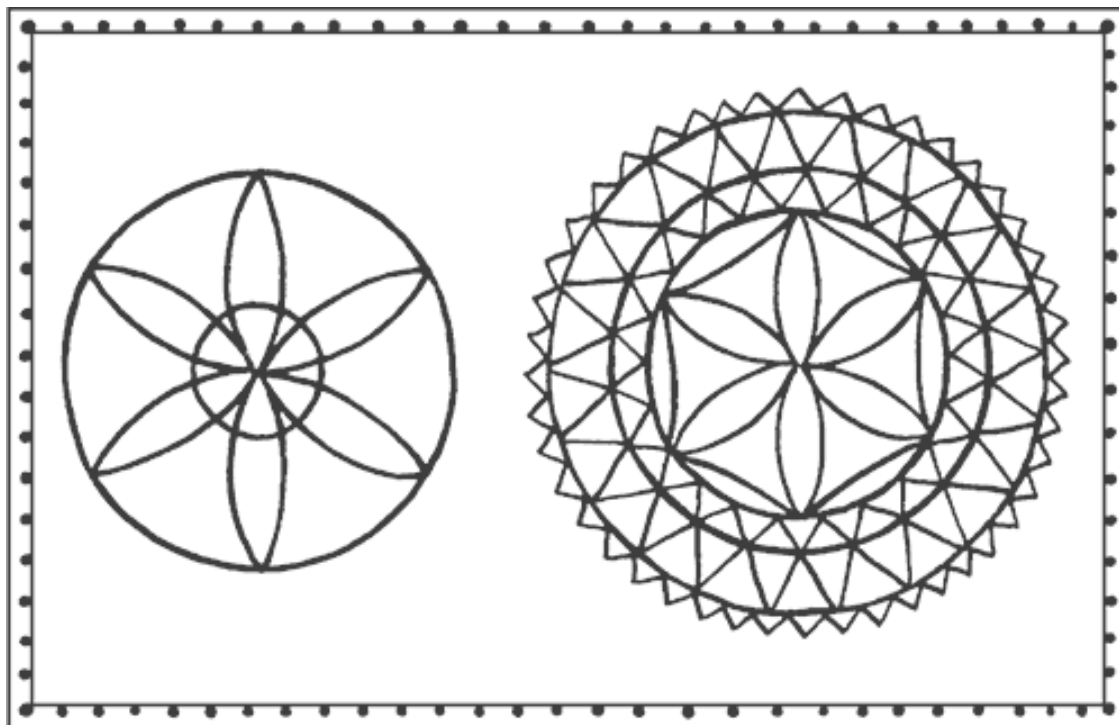
Имя Перуна очень древнее. В переводе на современный язык оно означает «Тот, кто сильно бьёт», «Разящий». Некоторые учёные усматривают связь имени Бога Грозы с такими словами, как «первый» и «правый». Что касается «первого», то Перун действительно был главнейшим Богом в языческом пантеоне Киевской Руси и, вероятно, старшим сыном Сварога. Не лишено смысла и сближение его имени с «правым». Как будет рассказано в главе «Звёздный мост», Перуна считали наши предки учредителем нравственного закона и самым первым защитником Правды.

Отчаянно гремит по неровностям туч несущаяся Перунова колесница – вот откуда гром, вот почему он «прокатывается» по небесам. Впрочем, на сей счёт бытовали разные мнения. Ещё говорили, что гром и молния – эхо и отблеск ударов, которыми Перун награждает небесного Змея, стремящегося снова ограбить Богов и людей – похитить Солнце, скот, земные и небесные воды (об это вечном сражении будет подробнее рассказано в главах «Змей Волос» и «Звёздный мост»). А в отдалённой древности полагали, что на самом деле гром – это «клич любви» на празднике свадьбы Неба с Землёй: известно же, как хорошо всё растёт после грозы...

Согласно некоторым источникам, молнии у Перуна были двоякого рода: лилово-синие, «мёртвые», разящие насмерть, и золотые, «живые», созидающие, пробуждающие земное плодородие и новую жизнь.

Давно замечено, как чист воздух и как легко дышится, когда отгремела гроза. Славяне-язычники и этому нашли объяснение. Всё дело в том, говорили они, что нечистая сила в страхе разбегается перед гневом Перуна, прячется в норы и долго ещё не смеет высунуться наружу!

Перун, в большой степени «ответственный» за плодородие, имеет особое отношение к хлебу. Сохранилась легенда о том, как некая неразумная женщина отправилась в поле работать в праздник Перуна (20 июля), чего по обычаю делать было нельзя. Рассердившийся Перун сдержал поначалу свой гнев. Но когда ребёнок, оставленный на меже, обмарал пелёнки и мать вытерла его пучком хлебных колосьев (по другой версии, осквернению подвергся кусок печёного хлеба) – беда разразилась: поднялся вихрь и унёс в тучу весь урожай. Часть его всё-таки удалось отомолить обратно, но «стоколосым» (по сотне колосьев на каждом стебле) хлеб никогда уже больше не родился...

Громовый знак. Изображения с донца прялки и матицы избы. XIX век

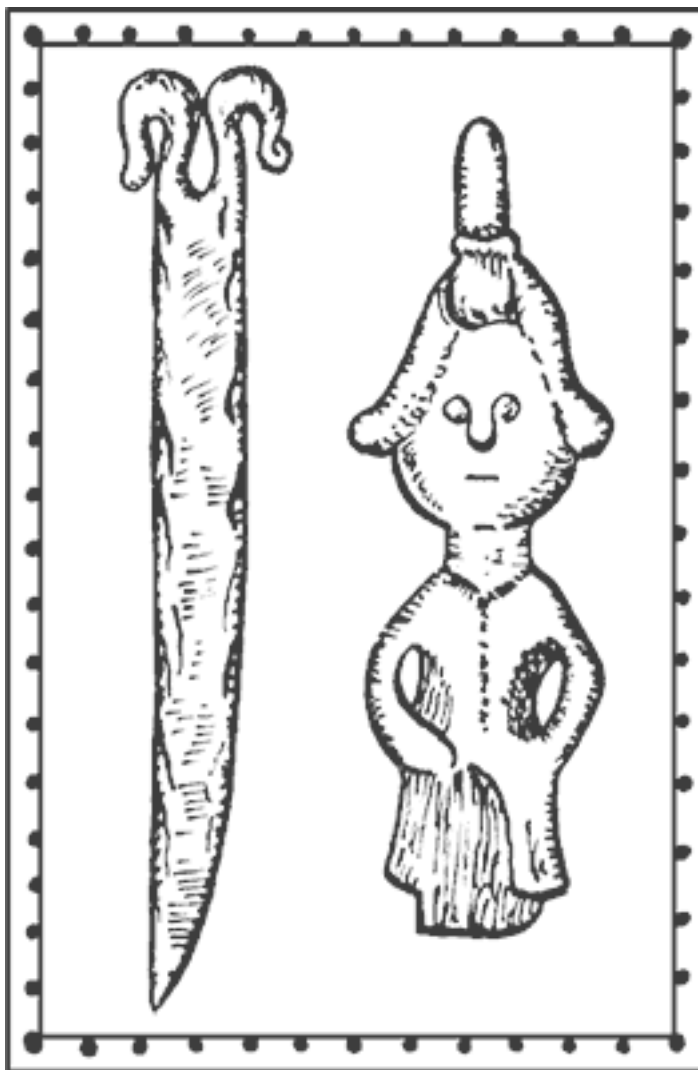
С громом небесным связана и легенда о происхождении жемчуга. Славяне считали, что он зарождается из отражения молнии, запечатлённой в глазах моллюска-жемчужницы в момент, когда тот испуганно захлопывает створки раковины при виде грозы...

Оружие Перуна первоначально были камни, в дальнейшем – каменные топоры и наконец – золотая секира: Боги «прогрессировали» вместе с людьми. Топору – оружию Громовержца – с глубокой древности приписывалась чудесная сила. Топором ударяли по лавке, на которой кто-нибудь умер: полагали, что тем самым будет «подсечена» и изгнана Смерть. Топор крест-накрест перебрасывали через скотину, чтобы она не болела и хорошо плодилась. Топором чертили над больным Солнечный Крест, призывая на помощь сразу двоих братьев-Богов. А на лезвиях топоров часто выбивали символические изображения Солнца и Грома. Подобный топор, всаженный в дверной косяк, был непреодолимым препятствием для злой нечисти, стремящейся проникнуть в человеческое жильё. Поистине не перечислить обычаев и поверий, связанных с топором. Даже всем известный «куриный бог», камешек с отверстием посередине, который заботливые хозяева по сей час стараются повесить в курятнике, – не что иное, как воспоминание о древнем каменном топоре, одном из символов языческого Бога Грозы...

Другой символ Перуна – так называемый громовый знак, похожий на колесо с шестью спицами. Учёные полагают, что древние люди использовали здесь форму снежинки, ведь святилища Перуна устраивались как можно ближе к тучам и Небу – на вершинах гор (во всяком случае, на самых возвышенных местах), где раньше всего появляется снег. Этот знак до сих пор можно видеть на избах старой постройки. Его резали и для красоты, и из чисто «практических» соображений – в качестве громоотвода...

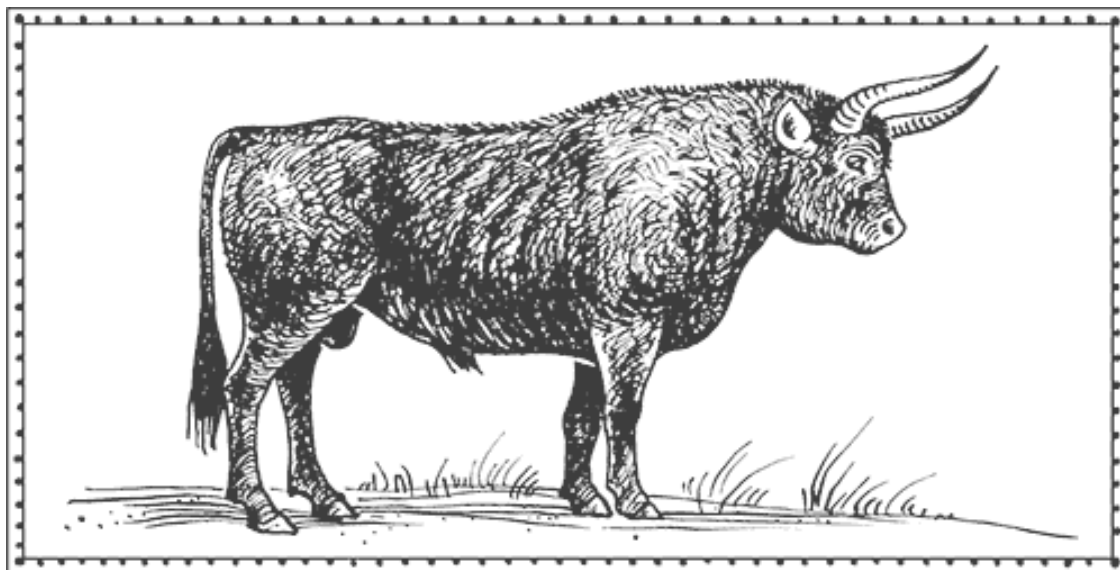
Когда у славян появились князья и боевые дружины, Перуна стали считать покровителем воинов. Поэтому некоторые исследователи теперь пишут, будто Перун – исключительно «дружинно-княжеский» Бог, вовсе не популярный среди простого народа. Вряд ли это было действительно так! Ведь гроза – не только небесная битва, она необходима и пахарю, ждущему

урожая. А главный подвиг Перуна как раз и состоял в том, что он вернул Земле плодородие, вернул Солнце и дождь.

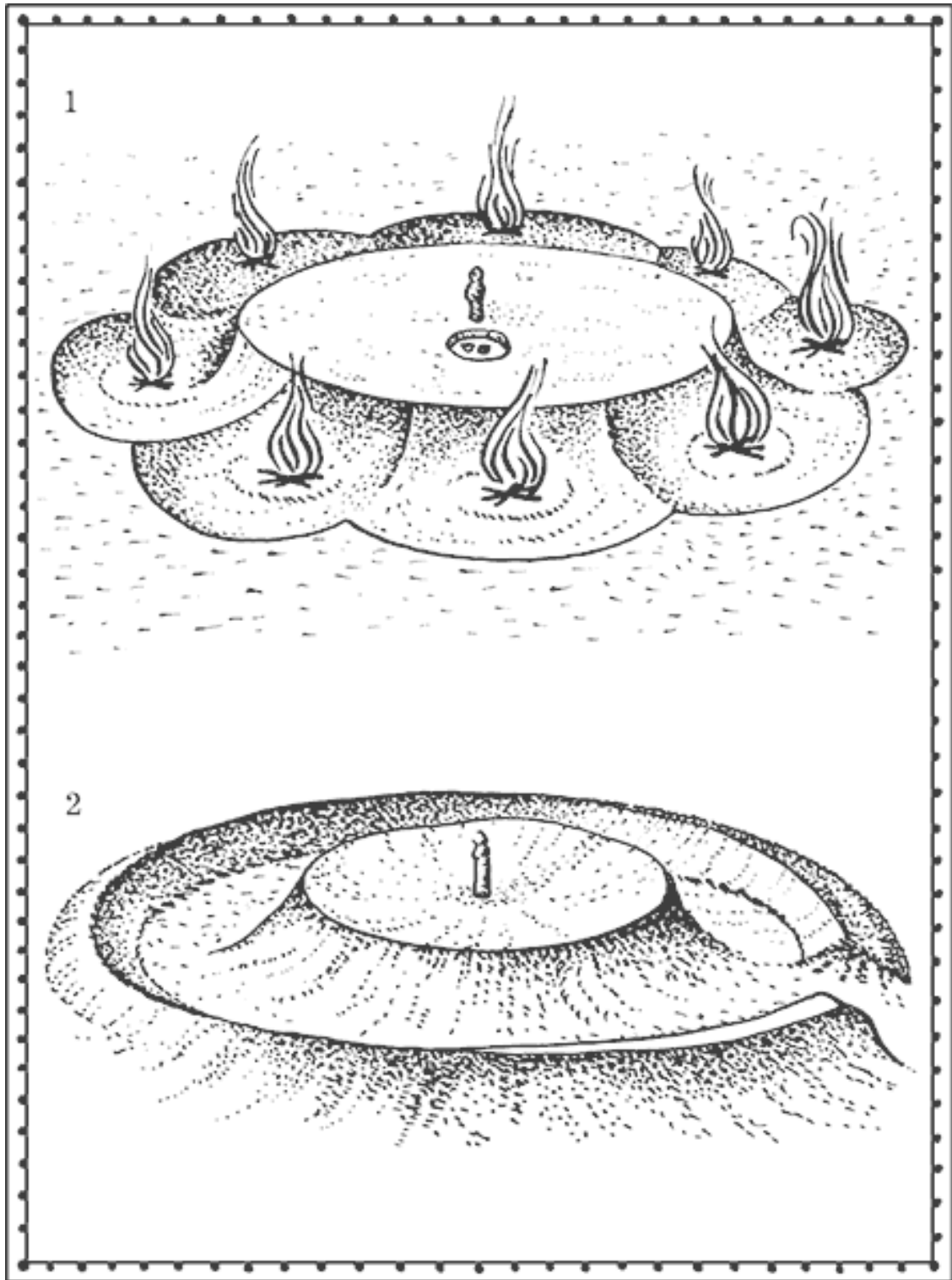
Жреческий нож и бронзовый идольчик

Перуну было посвящено животное – дикий тур, огромный, могучий лесной бык. К сожалению, в дикой природе последний тур был убит ещё в 1627 году и до наших времён дожили лишь прирученные потомки туров – домашние быки и коровы. Туры отличались от них размерами: бык достигал в холке почти двух метров – и ещё цветом: быки были чёрными, с белым «ремнём» – полосой вдоль хребта, а коровы-«турицы» – гнедыми (тёмно-рыжими с чёрными хвостами). Тур был куда агрессивнее самого злого домашнего быка. Хищные звери против него были бессильны, а у людей охота на тура считалась подвигом. Люди верили, что Перун, гуляя по белому свету, охотно принимает облик лесного быка. А 20 июля (мы помним, что это праздник Перуна) туры якобы сами выбегали из леса и позволяли себя заколоть для священного пира. Позже, когда люди прогневали чем-то Богов, туры перестали появляться, и по деревням специально откармливали жертвенных быков. Эта традиция ещё в прошлом веке неукоснительно соблюдалась во многих местах. Только теперь языческий пир устраивали возле церкви, и христианский батюшка его освящал.

Тур. (*Bos primigenius*)

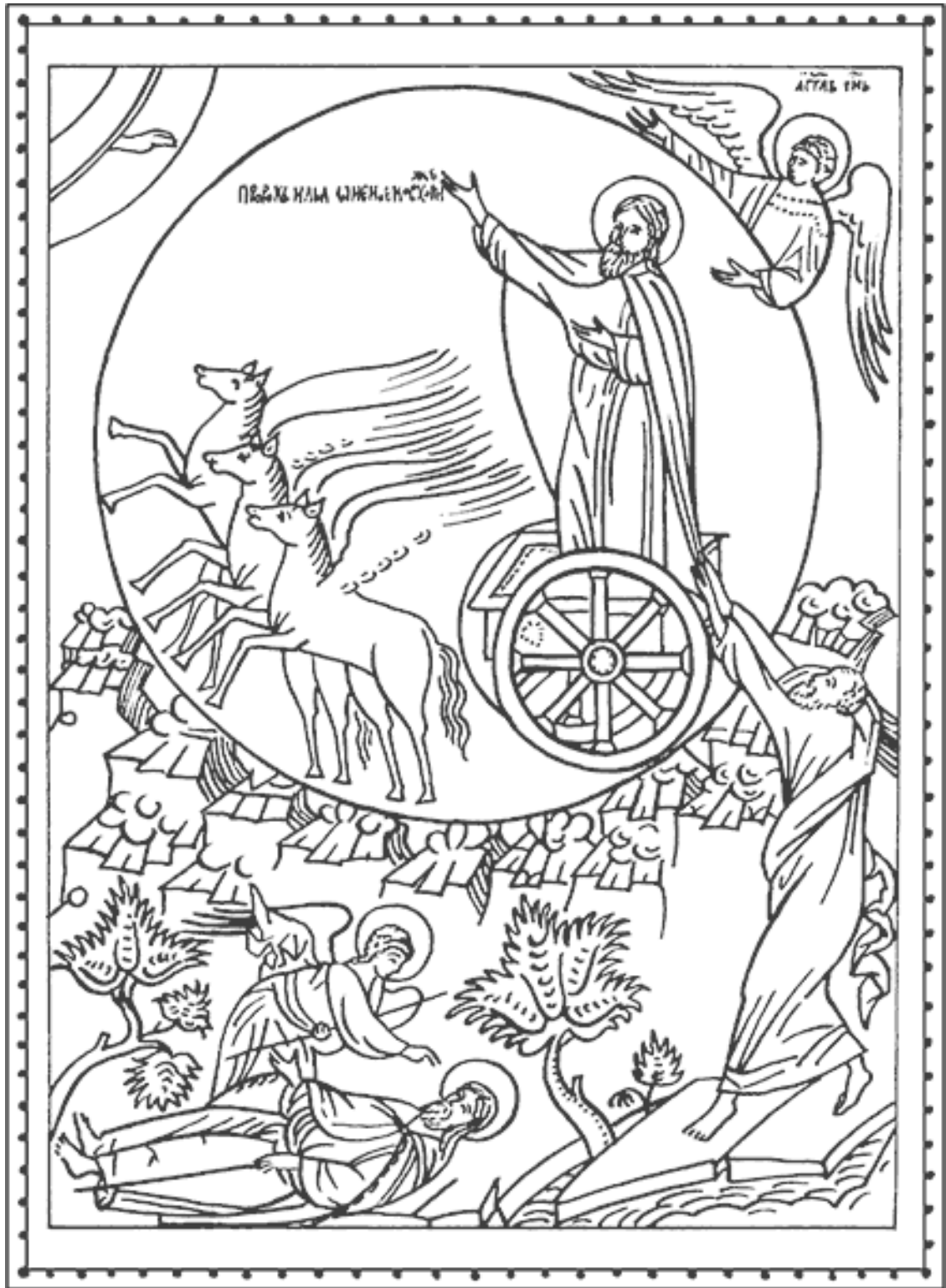
Есть у Перуна своё дерево – дуб, есть и любимый цветок, который в Болгарии до сих пор зовут «перуникой». У него шесть лилово-голубых лепестков (громовый знак!), поросших золотистыми волосками (молния!). Он расцветает весной, когда гремят первые грозы. Цветок этот очень красив, и мы зовём его ирисом – по-гречески «радужным», потому что различные сорта ирисов бывают самого разного цвета. Научное, латинское название перуники – *Iris Germanica*.

1. Святилище Перуна около Новгорода. Реконструкция.
2. Красногорское святилище. Реконструкция

Святилища Перуна устраивались под открытым небом. Они имели форму цветка; в тех святилищах, что раскопаны археологами, «лепестков» обычно восемь, но в древнейшие времена, по мнению учёных, их было шесть. «Лепестки» представляли собой ямы, в которых горели неугасимые священные костры. Посередине ставилось скульптурное изображение Бога.

Теперь слово «идол» имеет в нашей речи несколько презрительный оттенок (вспомнить хотя бы «идолище поганое»), приходится иногда даже слышать, будто древние славяне «верили в идолов». Но это всё равно что утверждать, будто христиане «верят в иконы». Перед изображением Бога помещался алтарь, обычно в виде каменного кольца. Туда складывали приношения, проливали жертвенную кровь: чаще всего – животную, а если народу грозило серьёзное несчастье – то и человеческую. Жизнь во все времена считалась священным даром Богов: человеческое жертвоприношение было чрезвычайным, исключительным актом. И надо ещё учитывать, что, по утверждению учёных, человек, назначенный в жертву, вовсе не обязательно заливался горькими слезами и пробовал убежать. Жертвы бывали и добровольными: человек уходил к Богам, чтобы поведать им о нуждах своего народа, попросить помощи, отвести беду – как мы бы теперь выразились, «закрывал собой амбразуру»...

Огненное восхождение Ильи Пророка. С иконы XVI века. Здесь Илья Пророк удивительным образом напоминает громовержца Перуна...

После принятия христианства Перун отнюдь не был забыт. Здесь рассказано лишь о немногих обычаях, доживших до наших дней; на самом деле их великое множество. Правда, Православная Церковь запретила молиться прежним Богам, и святилища были разрушены с той же ненужной жестокостью, с какой спустя почти тысячу лет воинствующими атеистами

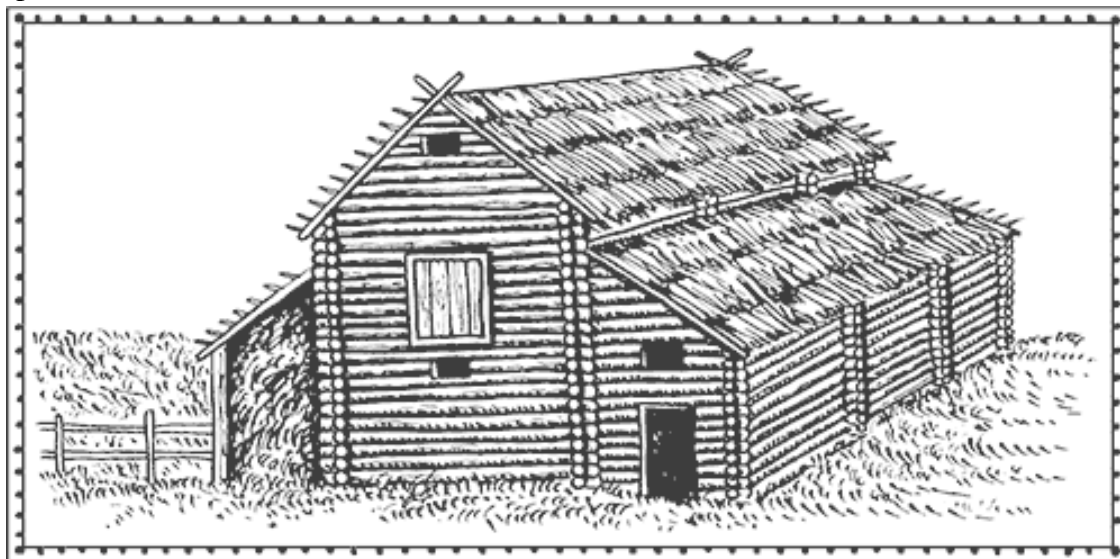
были разрушены церкви. Однако учёные говорят, что христианство не только «громило» язычество, но и пыталось мирно ужиться с ним, подчинив своей иерархии ценностей. Не случайно особо острые конфликты происходили всё-таки редко, ибо со временем возникал своего рода симбиоз. В частности, приняв крещение, вчерашние язычники продолжали чтить старых Богов, только под новыми именами. Вот и Перун «передал» многие свои качества Илье Пророку, одному из самых почитаемых христианских святых. Другой «наследник» Бога Грозы – святой Георгий, змееборец, что так гордо скачет на белом коне по гербу Москвы. Прерывать традиции слишком опасно. Умные люди понимали это во все времена, в том числе и тысячу лет назад.

Огонь Сварожич

Третьим братом Солнца и Молнии, третьим сыном Неба и Земли для древних славян был Огонь. До сих пор мы испытываем особое чувство, говоря об «огне родных очагов» – хотя у большинства из нас дома не очаги, а газовые или электрические плиты. В древние же времена Огонь был поистине центром того мира, в котором проходила вся жизнь человека, да и после смерти его тело нередко ожидал погребальный костёр. В глубочайшей древности Огонь отгонял прочь тьму, холод и хищных зверей. Позже – собирал вокруг себя несколько поколений рода – большую семью, символизируя её нераздельную общность (подробнее об этом см. в главе «В едином хлебе»).

Во время трапезы Огонь угощали первым и лучшим кусочком. Любой странник, совсем чужой человек, становился «своим», стоило ему обогреться у очага. Его защищали, как родного. Нечистая сила не смела приблизиться к Огню, зато Огонь был способен очистить что-либо осквернённое. Огонь был свидетелем клятв, и вот откуда обычай прыгать парами через костры: считалось, если парень и девушка сумеют перелететь через пламя, не расцепив рук, – стало быть, их любви суждена долгая жизнь. Да и саму любовь мужчины и женщины считали подобной Огню. Недаром мы по сию пору говорим: «Любовь вспыхнула в их сердцах...»

Как звали Бога Огня? Некоторые учёные полагают, что западные славяне, жившие по южному берегу Балтийского моря, называли его Радогостем (Радигостом). У этих исследователей есть серьёзные доказательства, у их не менее учёных противников – опровержения, так что решающее слово пока не сказано. Вероятнее же всего, имя Бога Огня было настолько свято (ещё бы, ведь этот Бог обитал не где-нибудь на седьмом небе, а непосредственно среди людей!), что его старались пореже произносить вслух, заменяли иносказаниями. А с течением времени оно просто забылось...

Севернорусский овин – место культа Огня Сварожича

Зато не забылось великое множество примет и поверий, связанных с Огнём. В присутствии Огня считалось немислимым выругаться: «Сказал бы тебе... да нельзя: печь в избе!»

Русская сваха, явившаяся сватать невесту, непременно протягивала руки к печи, грея ладони, в какое бы время года это ни происходило: тем самым она призывала Огонь себе в союзники, заручалась его поддержкой. Новобрачную молодой муж торжественно обводил

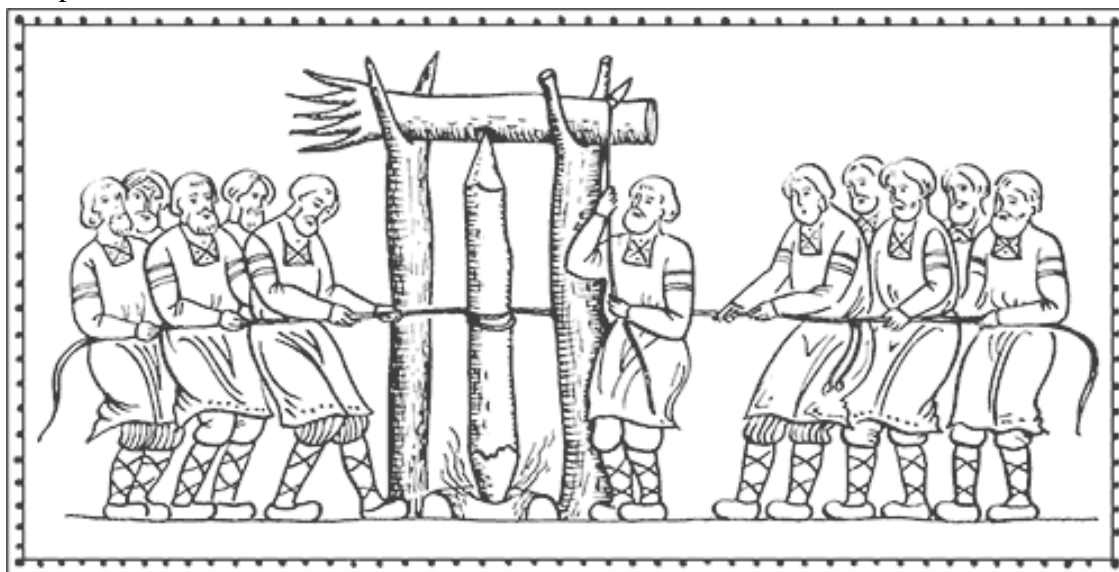
трижды вокруг очага. А если в момент рождения ребёнка Огонь неожиданно угасал, то в этом видели верный признак рождения будущего злодея. И вот, наконец, почему перед новобрачными разбивают тарелку, а прежде разбивали горшок, только что побывавший в Огне: «Сколько кусочков, столько бы и сыночков!»

Теперь чаще всего не помнят смысла этого действия. Одно и могут ответить: на счастье. А обычай живёт.

Особую священную силу приписывали Огню, полученному самым первобытным способом – трением. И здесь, пожалуй, надо сказать несколько слов, почему всё древнейшее пользовалось таким почётом, да и в наши дни ещё пользуется: лучшая реклама – «сделано по старинным рецептам». Дело в том, что всем наиболее древним обычаям, приёмам и ухваткам, как считалось, праотцы и праматери ныне живущих людей научились непосредственно у Богов. Вспомним кузнечные клещи и плуг, «упавшие с небес», или «первые» законы! Соответственно, весь последующий технический и социальный прогресс был отчасти искажением прадедовской «божественной» мудрости, выше которой, по мнению древних людей, ничего не могло быть.

Так вот, Огонь, добытый трением, считался «чистым», не соприкоснувшимся ни с какой скверной. Возжиганием такого Огня всякий раз отмечали наступление нового года. При этом полагали, что все грехи прошлого остаются в минувшем году вместе с угасшим старым Огнём: таким образом, каждый год миру даётся шанс возродиться, сделаться добрее и лучше... Отметим попутно, что начало нового года на Руси неоднократно переносилось, его праздновали то в марте, то в сентябре, но одним из древнейших учёные всё же признают Новый год, справляемый в дни зимнего солнцеворота, 22–23 декабря.

С Огнём славяне-язычники связывали и возникновение людей. По некоторым сказаниям, Боги сотворили Мужчину и Женщину из двух палочек, между которыми возгорелся Огонь – самое первое пламя любви...

Добывание священного «живого» Огня. С реконструкции 1928 года

И это далеко не всё, что можно сказать об Огне. Интересных примеров – великое множество. Откуда, например, появилась наша «ватрушка»? Это от древнего слова «ватра», то есть «очаг».

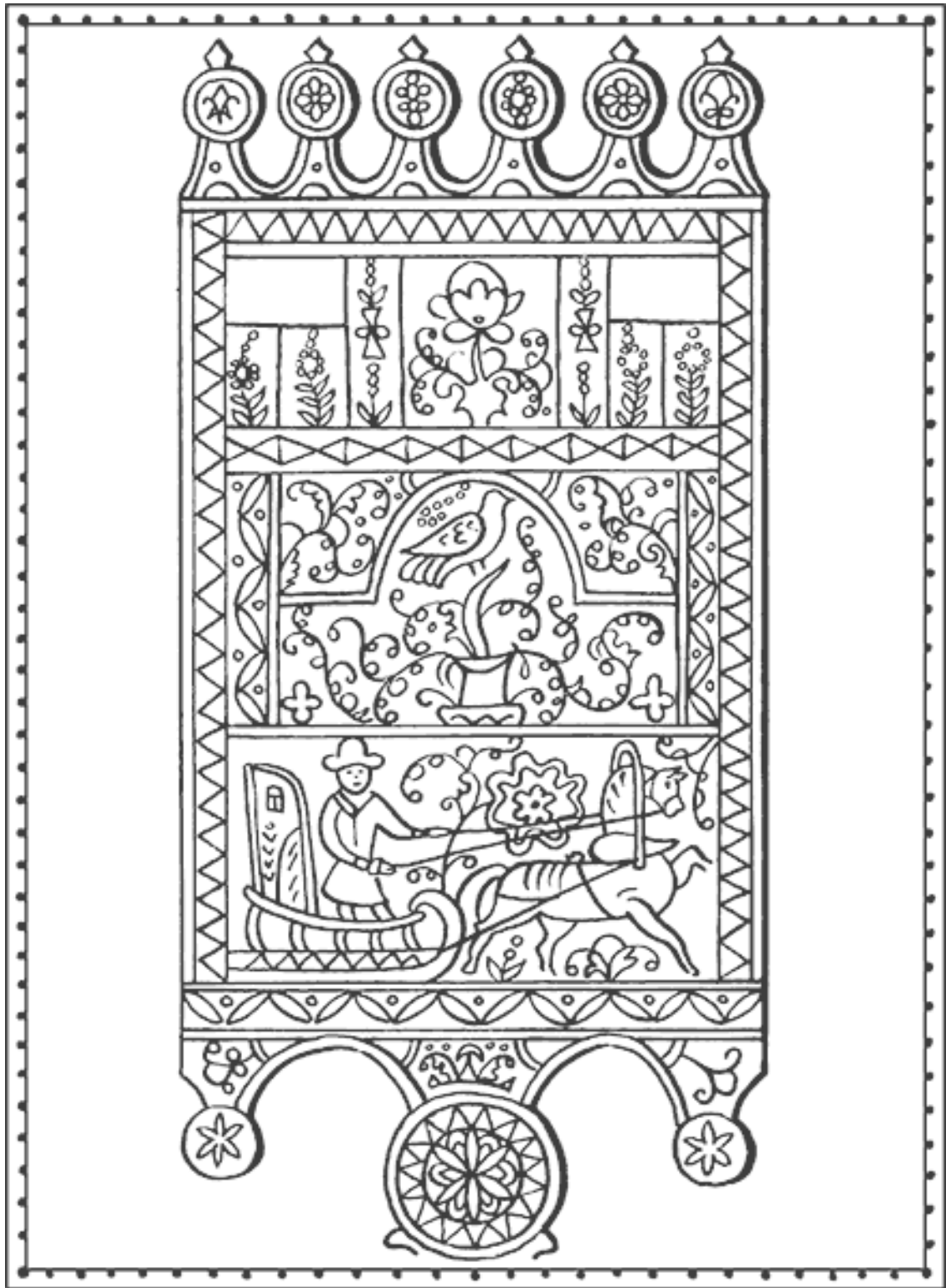
Род и Рожаницы

Уже говорилось, что светлый ирий считался у древних славян источником всяческой жизни, прародиной растений, птиц и зверей. Были и Боги, особо «ответственные» за процветание и приплод всего живого в природе, а также за преумножение рода людского, за брак и любовь между людьми. Это – Род и Рожаницы, упоминаемые в древнерусской литературе.

Учёные давно спорят о том, насколько важную роль отводили славяне Богу по имени Род. Некоторые утверждают, что это мелкое «семейное» Божество вроде Домового (о котором речь пойдёт в одноимённой главе). Другие, наоборот, считают Рода одним из самых важных, верховных Богов, принимавших участие в создании Вселенной: согласно верованиям древних славян, именно он посылает с небес на Землю души людей, когда рождаются дети. Кроме того, исследователи предлагают обратить внимание, сколько важнейших слов происходит от корня «род», созвучного имени этого Бога: РОДня, уРОЖай (а что могло быть важнее для древнего человека!), РОДина, приРОДа. А также «рдеть» и даже родственное ему английское слово «red», означающее «красный». В подробных словарях русского языка (например, в том, что в конце XIX века составил В. И. Даль) перечень этих слов с объяснением смысла занимает не одну страницу.

О Богинях Рожаницах говорят обычно во множественном числе. В древних рукописях о них сказано кратко, лишь упомянуты хлеб, мёд и «сыр» (раньше этим словом обозначали творог), которые приносили им в жертву. Впрочем, рукописи были составлены деятелями православия с целью отвлечь недавних язычников от почитания прежних святынь, так что в них трудно найти подробные и точные описания. Из-за скудости этих сведений некоторые исследователи прошлых лет привыкли видеть в Рожаницах многочисленные, безликие Божества женского пола, помогавшие в различных женских заботах и работах, а также при рождении детей. Однако современные учёные, обработав большой археологический, этнографический, языковедческий материал, обратившись к сведениям, касающимся соседних народов, пришли к выводу, что Рожаниц было две: Мать и Дочь.

Рожаница-Мать связывалась славянами с периодом летнего плодородия, когда созревает, тяжелеет, наливается урожай. Этому вполне отвечает образ зрелого материнства: вспомним – плодоносную Осень художники обычно изображают немолодой женщиной, доброй и полнотелой. Это почтенная хозяйка дома, мать многочисленного семейства. Древние славяне дали ей имя Лада, и с ним связано, пожалуй, не меньше слов и понятий, чем с Родом. Все они имеют отношение к установлению порядка: «ЛАДить», «наЛАЖивать» и так далее. Порядок при этом мыслился в первую очередь семейный: «ЛАДа», «ЛАДо» – ласковое обращение к любимому супругу, мужу или жене. «ЛАДины» – свадебный сговор. Болгарское «ЛАДувань» – гадание о женихах.

Русская прялка с солярными изображениями. Земля же показана на ней красочными жизненными сценами

Но сфера деятельности Лады отнюдь не ограничивается домом. Некоторые исследователи признают Великую Ладу матерью двенадцати месяцев, на которые делится год. А ведь месяцы, как мы знаем, связаны с двенадцатью созвездиями Зодиака, которые, согласно астрологической науке, оказывают влияние на человеческую судьбу!.. Таким образом, к примеру,

Скорпион и Стрелец – достояние не только зарубежной (неславянской) культуры, как мы привыкли считать. А Лада предстаёт перед нами не просто Богиней лета, домашнего уюта и материнства, она связана ещё и со всеобщим космическим законом. Вот вам и «примитивный», «варварский» культ!

...Все, кто слушал оперу Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка», наверняка запомнился один из персонажей, юноша Лель. Опера оперой, но на самом деле, как пишут учёные, у древних славян была Богиня по имени Леля – дочь Лады, младшая Рожаница. Вдумаемся: недаром детскую колыбель часто называют «люлькой», нежное, бережное отношение к ребёнку передают словом «лелеять». Аист, якобы приносящий детей, по-украински – «лелека». А само дитя и сейчас иногда называют ласково «лялечкой». Так родилась славянская Леля – Богиня трепетных весенних ростков, первых цветов, юной женственности. Славяне считали, именно Леля заботится о едва проклюнувшихся всходах – будущем урожае. Лелю-Весну торжественно «закликали» – приглашали в гости, выходили встречать её с подарками и угощением. А прежде спрашивали разрешения у Матери Лады: отпустит ли дочь?

Праздник Рожаниц справляли весной – 22–23 апреля. В этот день приносили жертвы растительными и молочными продуктами, которые торжественно, с молитвами съедали на священном пиру, а потом ночь напролёт жгли костры: огромный, в честь Лады, и вокруг него ещё двенадцать поменьше – по числу месяцев года. Согласно традиции, это был женский и девичий праздник. Парни, мужчины смотрели на него издали.

Что же касается оперы «Снегурочка», она, конечно, прекрасна как художественное произведение, но не как «исторический источник». Например, «берендеи», среди которых разворачивается действие, исторически были совсем не славянами, а кочевниками-тюрьками, выходцами из степей. И Ярила совсем не Бог Солнца, как там поют.

Вот о Яриле мы сейчас и поговорим, а пока очень прошу запомнить: даже если на книге написано «исторический роман», никогда не следует читать её с целью доподлинно выяснить, «как это было на самом деле». С любой художественной книгой или фильмом связана масса тонкостей, начиная от права автора на вымысел и кончая уровнем его личных познаний. Для того, чтобы все же понять, «как это было на самом деле», существуют книги учёных. Притом редко бывает достаточно ознакомиться только с одним мнением, потому что учёные постоянно спорят между собой, и каждый приводит интересные и убедительные доказательства. Истина же обычно находится посередине, а то и вовсе в другой стороне...

Ярила

Что мы подразумеваем под словом «ярость»? В словарях русского языка можно найти: «неистовство; порыв слепой, стихийной, зачастую бессмысленной силы». Яростный – значит неукротимый, озверелый. Ярывать – неистовствовать, забываясь. Ярун – глухарь во время тока, не видящий и не слышащий ничего, не помнящий ни о чём, кроме подруги и ревнивых соперников, которых надо прогнать...

И ещё много родственных слов, и все они рассказывают о сильных эмоциях, неподконтрольных рассудку и часто связанных с идеей плодородия, размножения, физической любви. Вот эта сторона любви, которую поэты называют «страстью кипучей», и находилась «в ведении» славянского Бога Ярилы. Ещё в прошлом веке кое-где в России справляли праздник «ярилки», приуроченный к 27 апреля, к самому пику весеннего буйства природы. Целую ночь по возвышенным местам горели костры, а молодёжь гуляла, пела песни, плясала. По мнению православных священников, эти гулянья, на которых все считались друг другу невестами и женихами, носили «разнузданный» характер. Язычники же, наоборот, полагали, что всеобщий весенний расцвет должен пробуждать в людях нежность и страсть. А людская любовь, в свою очередь, – увеличивать плодородие полей, способствовать урожаю. Ведь, как мы помним, язычники не противопоставляли себя природе и не отвергали её законов. И эти верования, близкие душе земледельца, очень стойко держались в крестьянской среде. До тех пор, пока неумолимое движение истории не разрушило традиционного жизненного уклада деревни...

Ярилу представляли себе юным мужчиной, пылким, влюблённым женихом. Кое-где, желая подчеркнуть его юность и красоту, «Ярилой» наряжали девушку. Её сажали на белого коня, надевали венок из полевых цветов, давали в левую руку колосья, а в правую... символ смерти – изображение человеческой головы. Коня с «Ярилой» водили по полям, приговаривая: «Куда ногою, там жито копною, а куда глянет, там колос зацветает!»

«Житом» в разных местностях называли основную злаковую культуру: на юге – пшеницу, на севере – рожь и даже ячмень. Ибо «жито» – это от слова «жить»: то, от чего зависела жизнь. А изображение головы, которое «Ярила» держал в правой руке, вероятно, связано с тем, что он, подобно египетскому Осирису, принадлежит к ежегодно умирающим и воскресающим Богам плодородия. Прводам, «похоронам» плешивого, состарившегося Ярилы тоже был посвящён праздник. Люди знали: минует зима – и Ярила вернётся, воспрянет. Так же, как зерно, похороненное в земле, воскресает стеблем, колосом и в итоге новым зерном. Не случайно зерновые культуры, которые сеют весной (в отличие от озимых), называют «яровыми»...

Змей Волос

Учёные пишут, что сказка – это миф, который перестал быть священным для тех, кто его рассказывает и слушает. Это миф, в который уже не очень-то верят. (Кстати, в Древней Руси словом «сказка» обозначали достоверный рассказ, притом чаще письменный. А то, что мы теперь называем сказкой, тогда обозначали словом «баснь». От него произошла современная «басня» и выражение «баснословный» – приукрашенный, фантастический, легендарный.)

Так вот, существует множество сказок про Змея Горыныча, который похищает (или ему отдают в дань) девиц-красавиц и с которым борются богатыри и герои – от былинного Добрыни Никитича до Иванушки-дурачка. А ведь это тоже доживший до наших дней отголосок древнего языческого мифа. Мифа о борьбе громовержца Перуна со своим извечным врагом – чудовищным Змеем.

**Битва Еруслана Лазаревича со Змеем
Горынычем. Фрагмент русского лубка. XIX век**

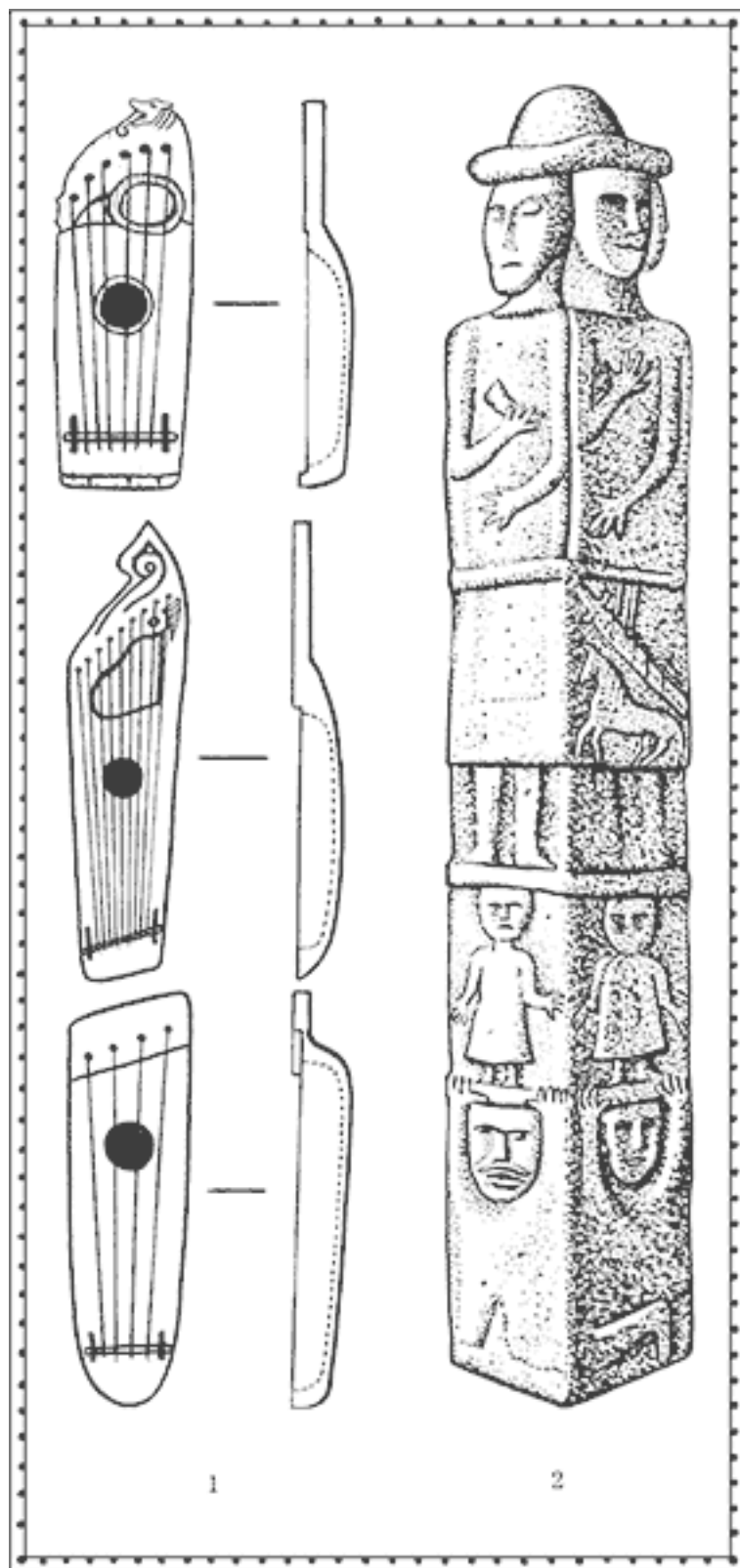
Похожие легенды существуют у многих народов. Все они рассказывают о том, как жадный Змей похитил жену (или невесту) Бога Грозы, а заодно Солнце, земные и небесные воды, стада скота. Самого Бога Грозы, побеждённого в неравном бою, злые силы заточают в мрачное подземелье, лишают божественной мощи, отнимают у него глаза и сердце, заковывают в тяжёлые цепи... Долгие годы длится его плен, между тем как на Земле гибнут люди, а на Небе приходится плохо Богам. Но наконец выросший сын возвращает отцу глаза и сердце, помогает вырваться из неволи. Есть у Бога Грозы и смертные помощники – кузнецы (о них речь впереди). Следует новый поединок со Змеем, и теперь чудовище бежит, пытается прятаться то в дереве, то под камнем, то за спиной человека. И вот Змей повержен, Солнце водворено на небеса, воды проливаются дождём, стада отправляются на пастбища, а спасённая жена Бога Грозы возвращается к любимому мужу. Учёные называют этот миф «основным», потому что он является как бы стержнем в мифологии многих народов. При этом некоторые полагают, что так отразился в памяти человечества какой-то крупный природный катаклизм, вызвавший неблагоприятное изменение климата.

1. Змеевик. 2. Головы ящеров на конструкциях домов и ручках ковшей. Новгород. X–XI века

Но что же это за Змей, с которым сражается Громовержец?

В славянской языческой мифологии известен «скотий Бог» Волос (или Велес), отчётливо противопоставляемый Перуну. Его связь со «скотым» (то есть животным) царством вытекает уже из его имени: Волос – волосатый – волохатый – мохнатый. Возможно, что и слово «волхв» происходит от имени этого Бога и от обычая его жрецов одеваться в вывороченные мехом наружу, «волохатые» шубы для подражания своему Божеству. Между тем имя «Волос» столь же определённо выводит нас в мир змей и червей. Кто хоть раз был летом в деревне, наверняка слышал леденящие душу истории о «живом волосе», который водится в речке у берега и может, укусив, всосаться под кожу. (На самом деле этот червячок «волосатик» абсолютно безобиден и убивать его – бессмысленная жестокость.) А ещё есть поверье, что волосок – звериный или человеческий, особенно от плохого человека, – оброненный в воду или опутавший яйцо, оживает и начинает творить злые дела. Вообще, волосы считались важным вместилищем жизненной силы (об этом подробнее рассказано в главе «Коса и борода»). И не оберёшься беды, если состриженный и брошенный волос подберёт недобрый колдун...

1. Новгородские гусли. XII–XIV века. 2. Збручский каменный идол

Одним словом, много веских причин заставляет некоторых учёных отождествлять Волоса с легендарным Змеем – противником Бога Грозы. Послушаем их рассказ.

Согласно преданиям, Змей Волос каким-то образом сочетает в своём облике мохнатость и чешую, летает на перепончатых крыльях, умеет выдыхать огонь (хотя сам до смерти боится огня, в первую очередь молнии) и очень любит яичницу и молоко. Поэтому другое имя Волоса – Смок или Цмок, то есть Сосун. Здесь уместно вспомнить Смога – злобного дракона из сказочной повести Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит». Это имя выбрано писателем не случайно!

Но если внимательно перечитать народные легенды и сказки, окажется, что Змей в них не столько злобен, сколько неразумен и жаден. Его даже жаль иногда, когда он плачет, наказанный, просит о пощаде. Легко убедиться, что облик Змея «составлен» человеческим воображением из частей, взятых от разных животных. Быть может, в нём воплощены силы первобытного Хаоса, буйные силы неупорядоченной, дикой, необжитой природы, зачастую враждебной древнему человеку, но по сути своей вовсе не злобной?.. А с ними и животные инстинкты самого человека, та область нашей личности, которая не знает слова «надо», только «хочу»? На самом деле ничего дурного, «греховного» в ней нет, надо лишь держать её в повиновении...

Славяне-язычники поклонялись обоим божественным противникам – и Перуну, и Змею. Только святилища Перуна устраивались, как уже говорилось, по высоким местам, а святилища Волоса – в низинах. Есть основания думать, что укрощённый, загнанный в подземелье Волос стал «ответственным» за земное плодородие и богатство. Он отчасти утратил своё чудовищное обличье, сделался более похожим на человека. Не зря же последний пучок колосьев оставляли в поле «Волосу на бородку»! Кроме того, прослеживается связь Волоса-Велеса с музыкой и поэзией, недаром в «Слове о полку Игореве» певец Боян назван «Велесовым внуком»...

В 1848 году в реке Збруч был найден каменный идол, чётко отражающий деление языческой Вселенной на Мир Богов, Мир Людей и Нижний Мир. Так вот, Мир Людей поддерживает снизу коленопреклонённое усатое человекоподобное существо. Вид у него недовольный. На древнем изваянии, конечно, нет пояснительных надписей, но учёные полагают, что это и есть Волос, поселившийся в глубинах Земли...

Тёмные Боги

Жизнь древнего человека далеко не всегда была лёгкой. Случались и горести, и несчастья, наводившие на мысль о злых сверхъестественных существах, стоящих за ними. Ведь и сегодня подобные мысли нас не минуют! У западных славян таким воплощением зла был Чернобог: это имя поистине говорит само за себя. Известно, что его изваяния были чёрного цвета, с серебряными усами. Веровали в него или нет восточные славяне (предки белорусов, украинцев и русских), определённо сказать нельзя. Быть может, и веровали, вряд ли у них было для этого меньше причин, чем у западных собратьев.

А вот злая Богиня по имени Морана (Морена, Марана) совершенно точно была известна и на Западе, и на славянском Востоке. Её связывают с темнотой, морозом и смертью. Действительно, её имя родственно таким словам, как «мор», «мрак», «марево», «морок», «морочить», «смерть» и ещё многим столь же недобрым. От Индии до Исландии известны мифические персонажи, причиняющие всяческое зло: буддийский Мара, искушавший праведных отшельников, скандинавская «мара» – злой дух, способный замучить спящего, «затоптать» его насмерть, Морриган, Богиня древних ирландцев, связанная с разрушениями и войной; наконец, французское слово «кошмар». Ещё можно вспомнить Моргану, Моргаузу и Мордредра из эпоса о короле Артуре и его рыцарях, а также Моргота – Великого Врага из романа Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец». Всё это родственники.

Отзвуки сказаний о Моране прослеживаются в былинах о Добрыне и «Маринке», которая всячески старается погубить богатыря, в частности, превращает его своим колдовством в тура-золотые рога. В тех же былинах рассказывается о нечестивой связи «Маринки» со Змеем. Есть основания видеть древнюю Морану и в болгарской легенде о «злой бабе», «погубившей много людей» и набросившей грязную пелену на серебряный Месяц: с тех-то пор он покрылся тёмными пятнами и, напуганный, стал ходить над Землёй куда выше прежнего (между прочим, учёные-астрономы пишут о вековых изменениях орбиты Луны...). Другие легенды рассказывают, как Морана со злыми приспешниками каждое утро пытается подкараулить и погубить Солнце, но всякий раз в ужасе отступает перед его лучезарной мощью и красотой. Наконец, соломенное чучело, которое и по сей час кое-где ещё жгут во время праздника древней языческой Масленицы, в пору весеннего равноденствия, принадлежит несомненно Моране, Богине смерти и холода. Каждую зиму она ненадолго берёт власть, но навек утвердиться ей не дано: вновь и вновь торжествуют Солнце, Жизнь и Весна...

Мир человека: между своим и чужим

Домовой

Почему «нельзя» здороваться за руку или передавать что-либо через порог? Дело в том, что порог – естественная «граница» избы – был для древнего человека нешуточной границей между мирами: «своим» и «чужим», «хорошо обжитым» и «менее обжитым». Пересечение её таило серьёзные опасности уже само по себе; в те времена ко всем рубежам – как в пространстве, так и во времени – относились необыкновенно серьёзно. Существовали отдельные Боги, ведавшие границами. Ромул, легендарный основатель Рима, убил своего брата-близнеца за то, что тот... перепрыгнул через ров, отмечающий границу будущего города, – это была достаточная причина для казни. Соседи и современники древних славян, скандинавские викинги, хоронили преступников в полосе прилива – в местах, не принадлежавших ни морю, ни суше... О границах во времени мы поговорим позже, но, вероятно, все слышали про особенные свойства полуночи, про то, что понедельник – день тяжёлый, и ещё: чем занимаешься в первый день года, тем будешь заниматься весь год.

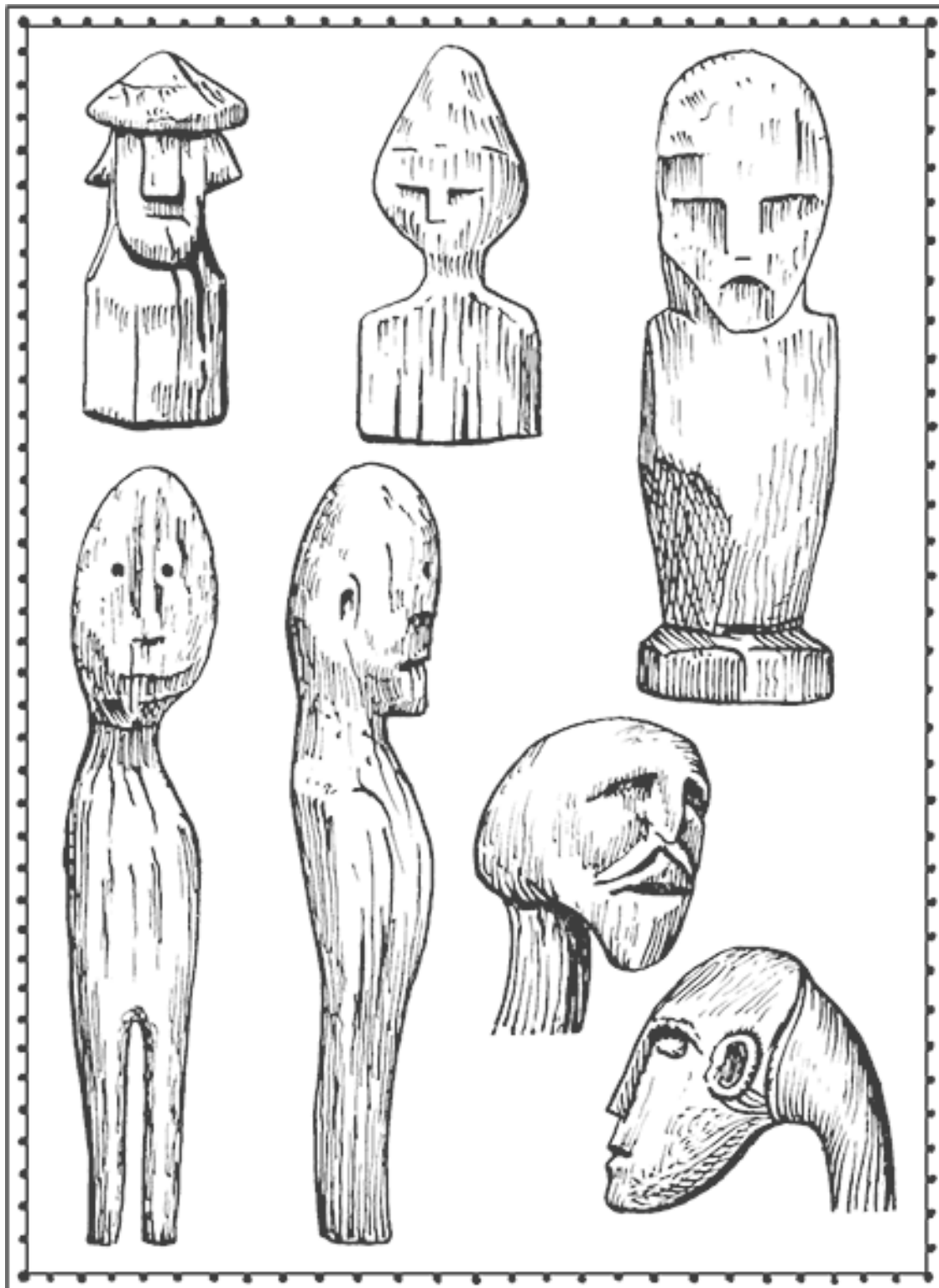
А кроме того, подобное обращение с границей домашнего мира навряд ли понравилось бы Домовому.

Кто такой Домовой и как он заводится в доме?

Домовой – это душа избы, покровитель строения и живущих в нём людей.

Строительство дома было для древних славян исполнено глубочайшего религиозного смысла, ведь человек при этом уподоблялся Богам, создавшим Вселенную. Он тоже строил свой мир, создавал из разрозненных частей и на пустом месте что-то новое, чего не было в природе. Соответственно, огромное значение придавалось выбору времени для начала работ, выбору места для новой избы и, конечно, выбору строительных материалов. Об этом подробно рассказано в разных главах раздела «Жилище». Там говорится и о жертвоприношениях, которые иногда совершались в начале строительства. Так вот, по некоторым представлениям, из души жертвенного животного и возникал Домовой. По другим легендам, Домовой рождался

из душ деревьев, срубленных и использованных для строительства. Согласно народным верованиям, у Домовых бывали и жёны, и ребяташки: стало быть, Домовой для нового жилища мог появиться на свет и «естественным путём».

Домовые. Деревянные фигурки домашних Божеств и наверху деревянных жезлов. XI–XIII века

Впрочем, в некоторых случаях – например, если заново строились после пожара – на новое место брали с собой прежнего Домового. Не оставлять же его на развалинах, чтобы он плакал там ночами, пугая прохожих. Домового с угощением и уговорами переносили в стоптанном лапте или на лопате, которой сажали в печь хлебы.

Домовой устраивался жить в подполе под печью (в позднейшие времена, когда появились потолки, он облюбывал ещё и чердак). Домового обычно представляли себе в виде маленького старичка, похожего лицом на главу семьи, только заросшего до глаз волосами и с коготками на мохнатых лапах. По нраву же Домовой – идеальный домохозяин, вечный хлопотун, зачастую ворчливый, но в глубине души заботливый и добрый. Люди старались поддерживать с Домовым хорошие отношения, не забывали обратиться к «дедушке-суседушке» с ласковым словом, оставить немного вкусной еды. И тогда Домовой платил добром за добро: ухаживал за скотиной, помогал содержать дом в порядке, предупреждал о грозящем несчастье – скажем, мог разбудить ночью: «Вставай, хозяин, пожар!..» – и точно, тлеют рассыпанные угли, вот-вот полыхнёт...

И прежде чем войти в заброшенный дом или в лесную избу-зимовье, выстроенную нарочно для прохожих гостей, надо хотя бы мысленно попросить разрешения у её Домового: «Хозяин, хозяин, пусти переночевать!»

И тогда Домовой, обрадованный вниманием, защитит гостя от любой нечисти, промышляющей в ночи. Если же не уважить, обидеть чем-нибудь душу избы, сварливый маленький «хозяин» будет строить всякие пакости, покуда не повинишься, не помиришься с ним. Впрочем, он и сам иногда, распалившись, переходит границы дозволенного. Скажем, принимается мучить какое-нибудь животное. В этом случае его можно усостыжить – «оговорить»: «Что же ты, дедушка-суседушка, кошку оземь бросаешь! Какое без кошки хозяйство?»

Говорят, помогает. Кстати, точно так же порой реагирует на увещания и современный «барабашка», или, по-немецки, «шумный дух» – «полтергейст». А что, если это заблудившийся, обиженный кем-нибудь Домовой?..

Овинник, Банник, Дворовый...

В первом разделе мы прошлись сверху вниз по Мировому Древу славян, от светлого ирия у вершины до самого Нижнего Мира, где живут Змей Волос, Чернобог и злая Морана. А теперь мы очерчиваем, так сказать, горизонтальную проекцию языческого мира, сплошь населённую мелкими, «низшими» Божествами. Мы начали с самого центра этого мира – с дома и Домового. Домовой, живущий бок о бок с человеком, в наиболее обжитом месте, является потому и самым «добрым» среди многих маленьких Божеств. А уже непосредственно за порогом избы «свой» мир становится всё более «чужим» и враждебным. Выйди дождливой ночью из тёплого и освещённого дома во двор – сразу поймёшь, о чём я говорю.

Дворовый (хозяин двора) был уже чуть менее доброжелательным, чем Домовой. Овинник, хозяин овина, – ещё менее, а Банник, дух бани, стоящей вовсе на отшибе, на самом краю двора, а то и за его пределами, на границе «дикого», неосвоенного пространства, – попросту опасен. По этой причине верующие люди считают баню – символ, казалось бы, чистоты – «нечистой», хотя истинная причина нередко оказывается позабыта. Точно так же забыт и первоначальный смысл прилагательного «нечистый». В древности оно обозначало вовсе не что-то греховное, скверное или злое, а просто «менее чистое» – в смысле «менее священное», то есть более доступное для воздействия злых сил...

О Баннике и в наши дни рассказывают немало жутких историй. Иногда его представляют себе в виде крохотного (но, как и Домового, очень сильного) старичка с длинной, покрытой плесенью бородой. Его злой воле приписывают обмороки и несчастные случаи, порою происходящие в бане. Любимое развлечение Банника – шпарить моющихся кипятком, раскалывать камни в печи-каменке и «стрелять» ими в людей. Может он сделать и кое-что похуже: затащить за горячую печку, содрать клочок кожи с живого. А впрочем, и с ним нетрудно поладить. Знающие люди всегда оставляют Баннику хороший пар, свежий веничек и лоханку чистой воды. И никогда не подгоняют друг друга – этого Банник не выносит, сердится.

Но если не повезло, если всё же попал Баннику под недобрую руку, – надо выбежать из бани вон и позвать на подмогу Овинника или Домового: «Батюшка! Выручи!..»

Овинник и Домовой тотчас примчатся на помощь и сцепятся с Банником, обороняя хозяина. Бывало, Домовой при этом советовал хозяину-христианину: «Сними крестик-то да крестиком его и хлещи...»

Лес и Леший

За оградой двора древнего славянина начинался лес. Воспетого поэтами «русского пейзажа» с полями и берёзовыми перелесками тогда ещё попросту не было. Он образовался намного позже, на месте сведенной под корень дремучей тайги; такая теперь сохранилась только в глухих углах Севера и Сибири. Этот лес, особенно в северных областях, определял весь уклад жизни. Мы привыкли рассуждать о каменном, бронзовом и железном веках человечества, а в мифологии иногда ещё о золотом. Однако традиционное хозяйство многих славянских народов даёт исследователям полное право говорить и о «деревянном веке», причём продолжался он в иных местах чуть ли не до сего дня. А уж в древние языческие времена в славянском доме из дерева делали буквально всё, от самого жилища до ложек и пуговиц, и каждый предмет мастерили из той породы дерева, которая для этого лучше всего подходила. Кроме того, лес давал дичь, ягоды и грибы – в таком количестве и разнообразии, какое нам, нынешним, и не снилось. Учёные пишут, что голод вовсе не был «постоянной приметой»

Священная сосна около деревни Кисельня Тихвинского района

тогдашней жизни, как обычно привыкли считать. Ведь ещё при Иване Грозном армия иногда отправлялась в поход вовсе без продовольственного обоза: зачем, если путь лежит через лес?

В лесу выделялись особые, «почитаемые» деревья, обычно непомерной высоты или толщины, овеянные местными легендами. Предания могли, например, говорить, что на самом деле это вовсе не дуб или вековая сосна, а праведный человек, живший когда-то давно и за беспорочную жизнь удостоенный посмертной награды – превращения в благородное дерево. Подобное дерево считали хранителем и помощником человеческого селения, оно «не пропускало» к нему врагов – проходя мимо, те неминуемо должны были ослепнуть или по крайней мере сбиться с дороги. Такие деревья и по сей день украшают наши леса, только теперь их называют памятниками природы. Они подчас имеют признаки долго сохранявшихся языческих верований и культовых обрядов. Так, оградки, которыми обнесены деревья, нередко находятся точно на месте оградок, установленных ещё при языческих поклонениях. А на дне рек и озёр кое-где лежат затонувшие стволы древних дубов, и в морщинах их окаменелой коры можно обнару-

жить следы от клыкастых челюстей (или сами челюсти) диких вепрей, когда-то укрепленных здесь охотниками...

Современные исследователи пишут, что некоторые породы деревьев по своим биоэнергетическим особенностям и вправду необычайно «доброжелательны» к человеку, «подпитывают» его энергией. Если к такому дереву прижаться ладонями и затылком, ощущается прилив сил, отступает плохое настроение и физическая слабость. Эти-то деревья и почитались в языческие времена: дуб, берёза, сосна, на Украине – каштан. А другие породы (издревле «поганые»), наоборот, ухудшают наше самочувствие и здоровье. Достаточно хотя бы мысленно сравнить «священную дубраву» и заболоченный чёрный осинник пополам с ельником, в котором, согласно поговорке, «хоть удавиться»... Не случайно гласит одна из народных легенд, что «на осине Иуда повесился, с тех-то пор на ней листья дрожат, а под корой – красная кровь»...

К «поганым» причисляют, увы, и тополь, очень распространённый у нас в городах.

Справедливости ради отметим, что и «поганые» деревья иногда помогают, «снимая» у нас вместе с «тёмной» энергией излишнее напряжение, судороги, головную боль. Неспроста заговор от зубной боли произносили «на осину» и тёрли дёсны кусочком этого дерева. Народные рецепты также рекомендуют класть осинное полено в ноги – от судорог, к голове – от головной боли. Осинное полено клали в квашеную капусту, чтобы она не переокисла. Вот вам и очередной образец вполне практической мудрости, записанной не формулами, а языком мифа... А чего стоит знаменитый осинный кол – подчас единственное оружие, способное остановить злобную нежить?

...Но кроме благ, даруемых человеку, дикий лес всегда таил немало загадок и смертельных опасностей. Охотник, вернувшийся с промысла, входил в дом и садился за общий стол только после очистительных обрядов. Эти обряды должны были подтвердить, что он в самом деле человек, а не злой дух, похитивший человеческое обличье. А собираясь в лес, всякий раз надо было быть готовым ко встрече с его хозяином – Лешим...

«Леший» буквально значит «лесной». Внешность Лешего переменчива. Он то представлял великаном выше самых высоких деревьев, то съёживался, прячась за низкорослым кустом. В разных местах о Лешем рассказывают по-разному. Однако чаще всего он похож всё же на человека, но одежда на нём запахнута «наоборот», не так, как обычно носят мужчины (иногда, впрочем, вместо одежды на нём лишь собственный мех). Волосы у Лешего длинные, серо-зеленоватые, зато на лице – ни ресниц, ни бровей, а глаза – как два изумруда, горят в лесных потёмках зелёным огнём. Всего чаще Леший ходит неподпоясанным. А если присаживается на пенёк, то всегда кладёт левую ногу на правую.

Вообще, противопоставление в мифах левой и правой сторон – отдельная тема. Вспомним хотя бы выражение «встать с левой ноги» – неудачно начать день, и ещё «надеть одежду на левую сторону» – то бишь наизнанку. В славянском мировоззрении «левое» всегда означало что-то нехорошее, неправильное, в лучшем случае – странное и непривычное. Зато правая сторона в любой ситуации оказывается права, и это не игра слов. Учёные полагают – причина здесь коренится в определённом «разделении обязанностей» между полушариями нашего мозга – правым и левым. А древние мифы и эту особенность подметили очень давно. Ещё в те времена, когда современной науке лишь предстояло родиться...

Леший может «обойти» неосторожного человека, и тот будет долго метаться внутри волшебного круга, не в силах переступить замкнутую черту. Этот замкнутый круг снова заставляет нас вспомнить о магической силе границ, а также о застёгнутых поясах и даже кольцах, которыми именно в силу их формы всегда приписывались чудесные свойства (не случайно в произведениях Дж. Р. Р. Толкина волшебной властью обладают именно кольца, а не другие предметы). Впрочем, волшебный круг накладывает определённые обязательства и на Лешего: тот берёт «обойдённого» человека под своё покровительство и не позволяет дикому зверю тронуть его. А может Леший принять облик кого-нибудь из наших знакомых, отвлечь разговором

и завести в самую чащу. Ещё любит он пугать тех, кто, ночуя в лесу, устроится спать на тропинке, не попросив на то разрешения. Такой человек заработает пинок под рёбра, и уж во всяком случае спокойно поспать ему не дадут. И никогда не следует в сердцах посылать кого-либо «к Лешему» – не ровен час, Леший как раз случится поблизости и впрямь уведёт с собой...

Как же отделаться от Лешего, если тот всё-таки встретился на пути и принялся морочить? До наших дней дожило поверье, что нужно вывернуть наизнанку одежду, переменить обувь – левый сапожок на правую ногу, правый на левую. Хорошо сгрызть зубок чесноку, а если его нет при себе – хотя бы произнести слово «чеснок». Жгучая пряность за свой вкус и за форму головки считалась связанной с Огнём, которого Леший, конечно, не любит и боится. А ещё один способ прогнать его рекомендует... выругаться покрепче. Некоторые учёные полагают, что ругань и возникла первоначально как своего рода «антимолитва», призванная пугать, отгонять нечистую силу... Годится ли произносить её всеу, без особого повода?

Лешего можно встретить в лесу во всякое время года, кроме зимы. Поздней осенью Лешие впадают в спячку, а перед этим неистовствуют и плачут, досадуя, что кончилось весёлое лето. Так преломились в мифологическом мышлении осенние ветры и бури.

Старинные рассказы про Лешего, как правило, страшноваты. Оно и понятно: могучая лесная стихия, кормившая древнего (да и не очень древнего) человека, в то же время держала его в постоянном напряжении – как бы не пропасть в дремучей тайге, не угодить в зубы хищнику, не стать жертвой злых духов. В наши дни многое изменилось: теперь, того и гляди, человек кого-нибудь «съест»... Для нас сейчас более актуально не «покорять» природу, а жить с нею в ладу. Вот тут и оказывается, что Леший, как и вся живая природа, умеет воздавать добром за добро. А нужно ему лишь одно: чтобы человек, входя в лес, уважал лесные законы. Не губил никого без нужды, не ломал зелёных ветвей, не обижал муравьёв, птиц и зверей, не оставлял горящих костров... И очень обрадуется Леший, если вслух сказать ему спасибо за ягоды и грибы, если оставить где-нибудь на пеньке лакомство, какое в лесу не растёт: пирожок, пряник, подсоленный блин...

Народная память сохранила немало легенд о благодарном Лешем, избавленном от беды человеком и сполна отплатившем за это. Одного Лешего охотник нашёл в лесу связанным и спас, пожалев. Леший в мгновение ока доставил его с добычей домой, а потом ещё и вызвался отбывать вместо избавителя трудную военную службу: в ту пору, когда был записан рассказ, эта служба длилась двадцать пять лет...

Говорят, у Леших есть жёны – лешачихи, или лисунки. Есть дети – маленькие лешачата. И напоследок надо сказать: недавно появились некоторые основания думать, что Леший – не просто плод народной фантазии, как прежде считалось. Все слышали про «снежного человека», который, оказывается, обитает не только на Памире и в Гималаях: встречи с ним происходят повсюду, где есть густые леса. Можно смело предположить, что в прежние времена таких «снежных людей» было значительно больше и видели их куда чаще теперешнего. Недалеком Лешего кое-где представляют в виде рослого мохнатого «человека»... А что, если действительно?..

Полевик и Полудница

Когда люди начали расчищать леса и распахивать «пожоги» под хлеб, новые уголья, конечно, немедленно обзавелись своими собственными Божествами – Полевиками. Вообще с хлебным полем связано не меньше верований и примет, чем с жилищем. Тоже хватило бы на толстую книгу, да не на одну. Неудивительно – всё жизненно важное старательно обставляли охранительными ритуалами, и новая религия – христианство – даже не пыталась что-либо здесь изменить, понимая, что земледельцы этого не примут. Церковь поступила мудро – добавила своё благословение к прежним, языческим...

Вот так дожило до прошлого века своеобразное разделение сельскохозяйственных культур на «мужские» и «женские». Например, хлеб-жито должны были сеять только мужчины, и притом донага раздевшись, а посевное зерно выносили в особых мешках, скроенных из старых штанов. Тем самым мужчины как бы заключали «священный брак» со вспаханым полем, и ни одна женщина присутствовать при этом не смела: иначе Земля «испугается» и не сможет родить. Ещё в XIX веке старики жаловались учёным: урожаи, дескать, были намного богаче, пока соблюдался этот обычай...

А вот репа, напротив, считалась «женской» культурой. И женщины тоже сеяли её обнажёнными, прогнав подальше мужчин и стараясь передать Земле часть своей силы, своей способности к деторождению...

А что, если Земля вправду лучше плодоносит, пока к ней относятся как к живому существу, способному чувствовать и ласку, и боль? Пока её не терзают, а ласкают и холят? Если спросить об этом любого крестьянина, фермера или садовода, – вероятно, они согласятся с древним язычником...

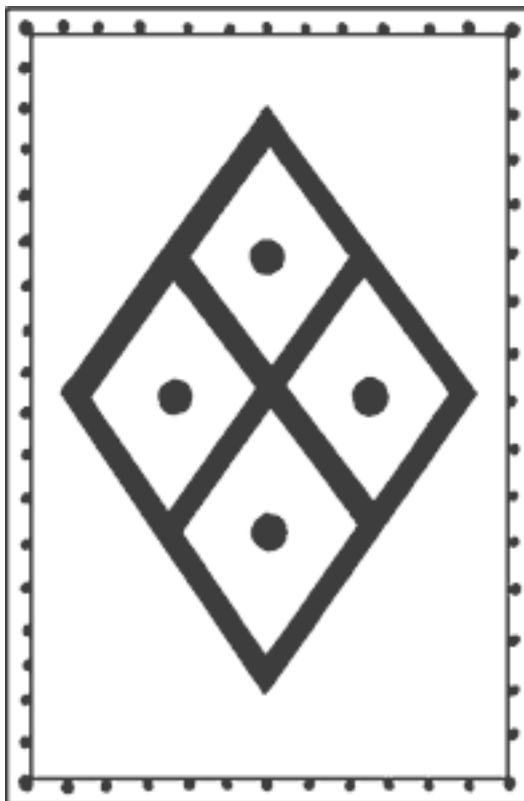
Иногда люди встречали в поле еще и старичка Белуна – невзрачного с виду и донельзя сопливого. Он просил прохожего утереть ему нос. И если не брезговал человек – в руке у него неожиданно оказывался кошель серебра, а старичок исчезал. Может быть, таким образом наши предки хотели выразить простую мысль, что Земля щедро одаривает лишь тех, кто не боится выпачкать рук?

Рабочий день на селе, особенно в страдную пору, всегда начинается рано. А вот полуденную жару лучше всего переждать, позволить себе хоть краткую передышку (заодно отметим, что полдень имел магический смысл не меньший, чем полночь). Было у древних славян и мифическое существо, которое строго присматривало, чтобы в полдень никто не работал. Это Полудница. Её представляли себе девушкой в длинной белой рубахе или, наоборот, косматой страшной старухой. Полудницы (другое имя её было Ржаница) побаивались: за несоблюдение обычая она могла наказать, и жестоко, – теперь мы называем это солнечным ударом. Застигнув в полдень человека на пашне, она порой заставляла его до изнеможения отвечать на мудрёные вопросы, разгадывать загадки. Но Полудница бывала не только грозна. Известна легенда о сироте, что подружилась с красавицей Полудницей, когда пасла в роще коров. И та научила её прясть драгоценную тонкую пряжу, да ещё танцевать всем на зависть...

Хлеб

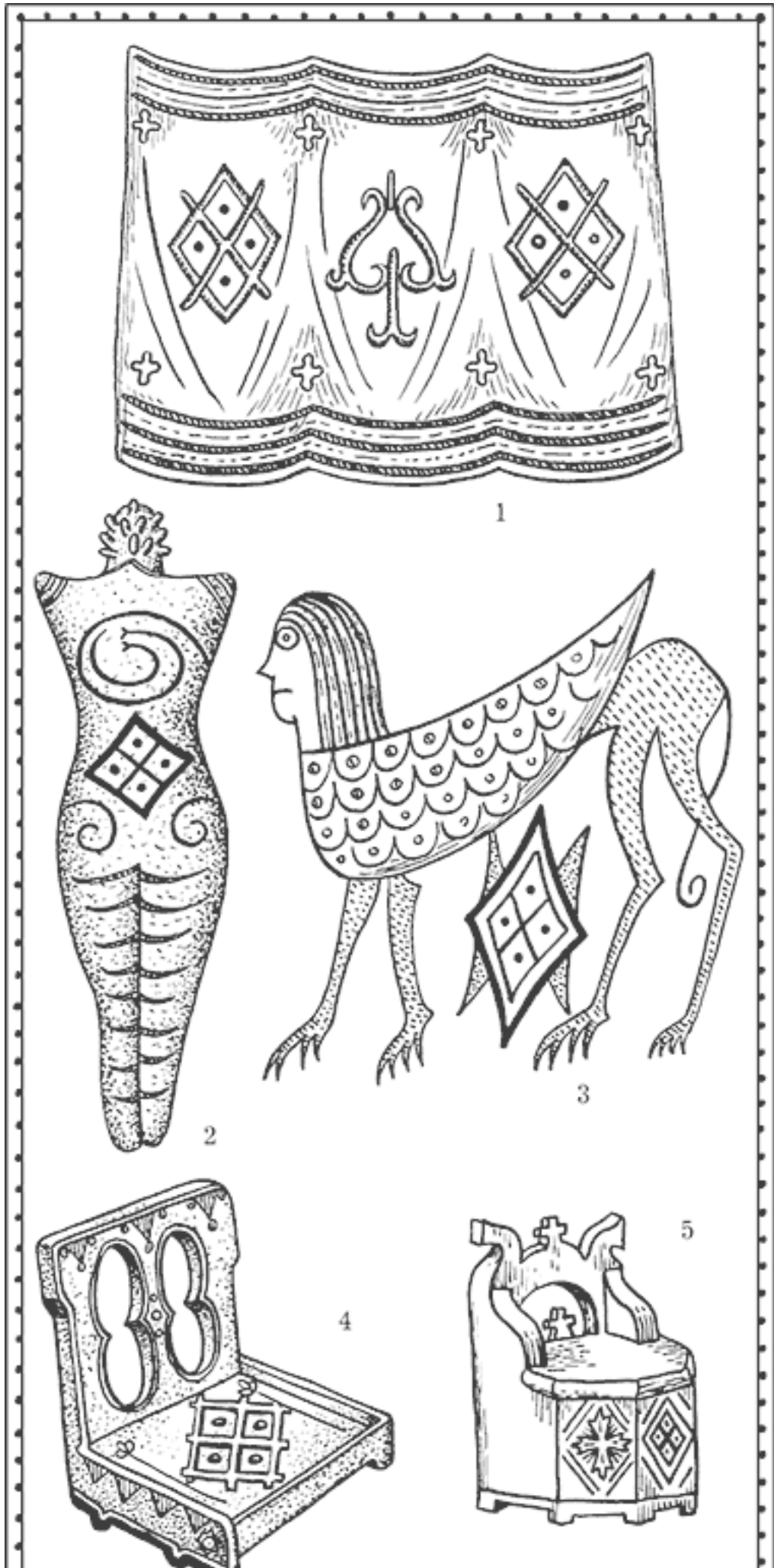
Каждому из нас приходилось слышать о необходимости уважительного, бережного отношения к хлебу. Однако причину при этом называют обычно одну: в хлебе, мол, заключён нелёгкий человеческий труд. Между тем нелёгкий труд вложен во всякую хорошую вещь или продукт питания. Почему же именно хлеб – «всему голова»? Потому, что в прошлые времена было больше нечего есть? Но ведь мы уже видели – это не так.

Дело в том, что теперь просто мало кто помнит о глубоких мифологических корнях, которые имеют наши взгляды на хлеб.

Знак засеянного поля

Выше уже говорилось о том, как относились славяне-язычники к Земле, в частности к хлебному полю. Добавлю ещё, что в изобразительном искусстве древних культур засеянное поле изображается тем же знаком, что и женская беременность. Этот знак дожил до наших времён в традиционных узорах вышивки на одежде. Отсюда уже следует, что хлеб был для славян священным даром Богов. Запрещалось, между прочим, бить по столу кулаком: стол – это Божья ладонь!

Знак засеянного поля: 1 – на средневековой церковной вышивке, 2 – на женской статуэтке, 3 – в античной росписи, 4 – на алтаре для первых плодов, 5 – на русской деревянной солонке

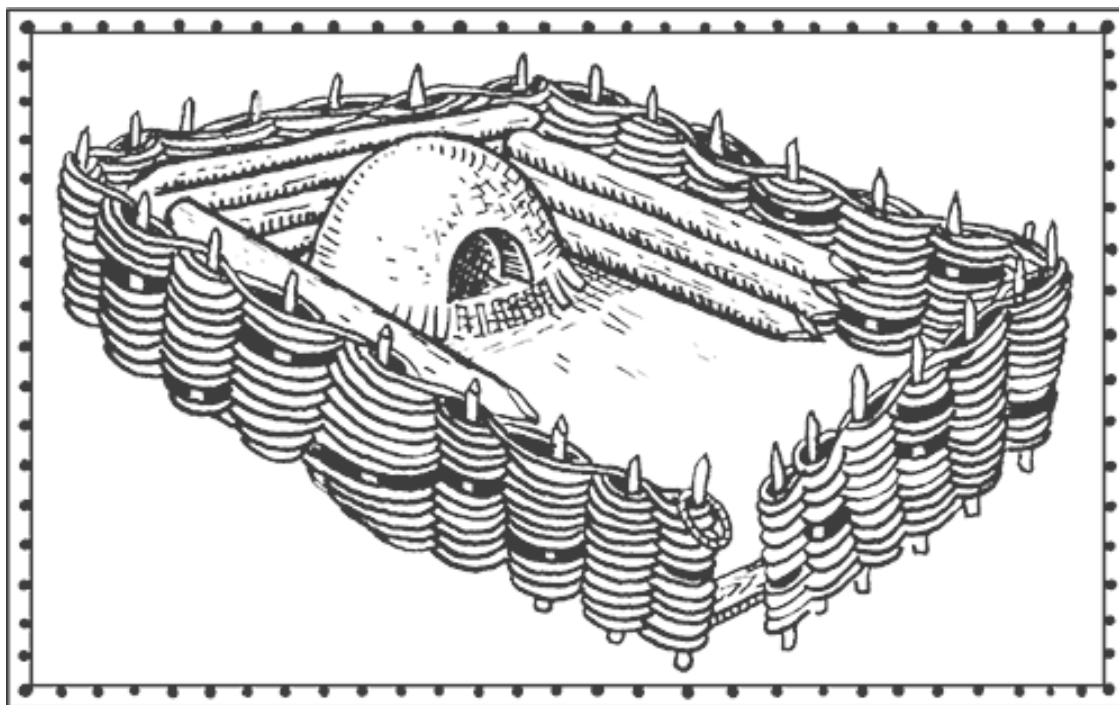
Кроме того, ту же репу, например, можно есть и сырую, а зерно требует тепловой обработки. Его надо хотя бы поджарить. А чтобы сварить простейшую кашу, нужно обеспечить «союз» Огня, Воды и зерна – продукта Земли. Все эти три сути были для славян Божествами, всем трём поклонялись. Сладкая (сваренная на меду) каша, заправленная ягодами, являлась древнейшей языческой ритуальной едой: она несла мощную идею плодородия, победы над Смертью, вечного возвращения Жизни. Уместно напомнить здесь о Яриле и о «воскресающем» зерне, которое только радуется собственным «похоронам». В священной каше с зерном соединяется ещё и мёд – один из символов «живой воды» у самых разных народов, и ягоды, также связанные с идеей «неисчислимого» плодородия. И вся эта символика «прочитывалась» древними так же легко, как мы читаем вот эту книжку, сразу схватывая смысл и не думая про каждую букву!

Стоит ли удивляться, что языческая каша прекрасно вписалась в христианские ритуалы и доныне живёт под названием кутьи, которой угощаются на поминках? Разве что вместо мёда кладут теперь сахар, вместо лесных ягод – изюм, а вместо цельной пшеницы – рис...

Другой древнейшей ритуальной едой с незапамятных пор у славян были блины. Учёные-языковеды пишут, что произношение слова «блин» – искажённое: когда-то оно произошло «млин» и происходит от того же корня, что «молоть» и «мелкий», обозначая таким образом пищу из размолотого зерна. Возможно, первоначально муку или мелко раздробленное зерно заваривали кипятком и ели ложками, потом однажды пролили на раскалённые камни очага и обнаружили, что новая еда очень вкусна. В блинах, как и в каше-кутье, заключены те же священные сути, а кроме всего прочего, румяный, круглый блин отчасти схож с Солнцем, «умирающим и воскресающим» каждую зиму. Вот почему и доныне блины пекут опять-таки на поминках и ещё на Масленицу, когда празднуется победа над злой Богиней Мораной – холодом, смертью и тьмой, празднуется воскрешение Солнца, Жизни, Весны...

Освоив приготовление каш и блинов, древнейшие предки славян так или иначе вышли и на хлеб.

Хлеб унаследовал все священные свойства, о которых только что говорилось, но многое и добавилось. Всем нам случалось видеть (и трогать руками) тесто, приготовленное для пирога. Если же не случалось – полюбопытствуем. Оно кажется совершенно живым – тёплое, нежное, дышащее. О поверьях, связанных с тестом и хлебом, учёными написано множество книг; сколько-нибудь полно пересказать их здесь невозможно. Вот хотя бы некоторые воззрения. Возвращаясь домой с похорон, наши предки старались первым долгом заглянуть в квашню с тестом, чтобы священная сила Жизни изгнала Смерть за порог. На квашню, покрытую подушкой, перед свадьбой усаживали невесту, чтобы новая семья жила весело, богато, дружно и многодетно. Вынимая хлеба из печи, примечали, в какую сторону наклонились макушечки ковриг: если вовнутрь печи – к прибытку в доме, наружу – к разорению и беде. На свадьбах перемешивали хлеб, испеченный в доме невесты, с хлебом, испеченным в доме жениха: быть двум семьям отныне «хлебами из одной печи»... О том, что это было не просто иносказанием, подробнее рассказывает глава «В едином хлебе». А почему молодых осыпали зерном, я думаю, теперь понятно и без подсказки.

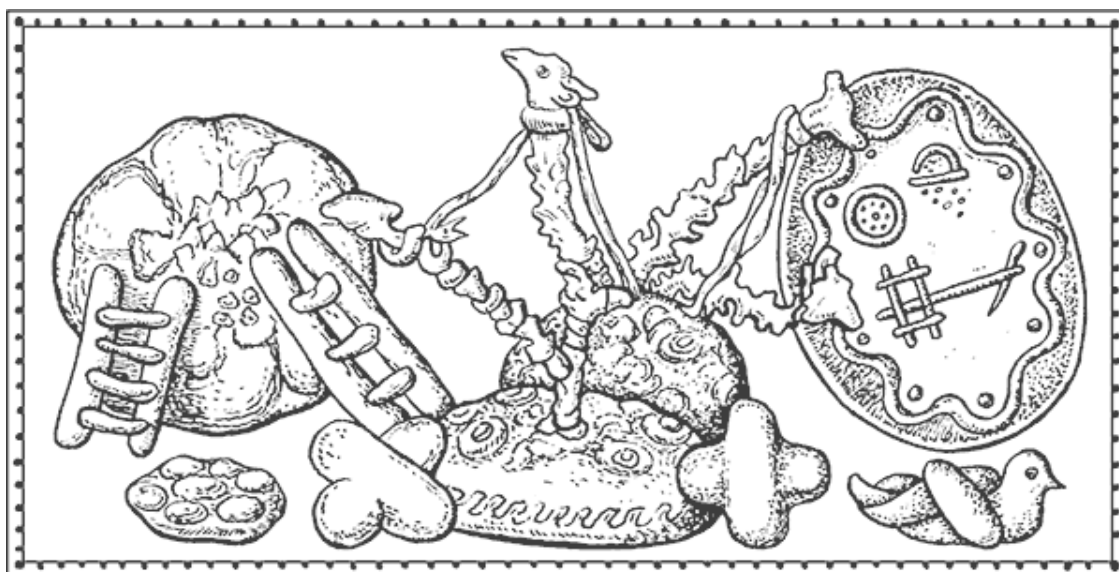

Печь для выпечки хлеба. X век

А вот как в древней Англии определяли преступника: давали подозреваемому съесть сухую корочку хлеба. И если он внезапно давился, – значит, был виноват. Сегодня мы объяснили бы это волнением преступника, боящегося разоблачения, но в древности не сомневались, что святой хлеб сам указывает злодея...

Упомянув об Англии, вспомним два хорошо известных всем слова: «леди» (lady) и «лорд» (lord). Оказывается, они имеют к хлебу самое непосредственное отношение. Вот что можно прочесть в толковых словарях английского языка: «леди» в первоначальном значении – это попросту «та, что замешивает тесто для хлеба»; «лорд» же – «хранитель хлебов». Когда в древней Англии разводилась супружеская пара, муж получал из домашнего имущества весь хлеб, выпеченный к моменту развода. А жена – всё тесто, ещё находившееся в квашне!

А что такое «коровай»? Да-да, это слово правильнее писать именно так, а не «каравай», как мы привыкли. Уже было рассказано, как язычники в необходимых случаях приносили в жертву животных, в частности коров и быков. Однако бывало и так, что требовалось умиловить Богов, а жизнь не позволяла расстаться с коровой-кормилицей. Вот тогда и лепили из теста изображение коровы, а позже – хлеб, увенчанный рожками, «коровай». В первые века русского православия Христианская Церковь порицала «молёные», то есть выпеченные с языческими молитвами, короваи, которые приносили в жертву Роду и Рожаницам. Потом борьба эта утихла, смысл её давно позабылся, а короваи остались. Осталось и наше отношение к хлебу...

Обрядовое печенье «мосты», «козули», «кресты», «жаворонки», «богачи»

Вода и Водяной

Живя в краю, изобильном реками и озёрами, речушками и ручьями, болотами и родниками-«студенцами», древние славяне, естественно, выработали целый комплекс религиозного почитания воды, и в чём-то схожие верования бытуют у очень далёких друг от друга народов.

Кто не слышал выражения: «венчаться вокруг ракитового куста»? Оно обозначает «гражданский», то есть не оформленный официально (прежде – церковным венчанием) брак между женщиной и женщиной. Таким образом русский язык сохранил воспоминание о древнейших языческих браках, заключавшихся у воды, возле священных ракит. Славяне, почитавшие воду, были уверены, что самые нерушимые клятвы – в том числе и клятвы любви – даются близ воды, она им свидетель.

Водой иногда испытывали на суде: истцу и ответчику предлагали войти в воду на семь шагов, при этом виновный, оказавшись перед лицом справедливой и мудрой реки, должен был непременно смутиться и тем себя выдать. Вероятно, именно так нередко и происходило. С помощью воды гадали о будущем и о женихах, наводили и, наоборот, отводили от себя чары... Кстати, сами слова «чародей», «чародейство», по-видимому, происходят от древнейшего обряда вызывания дождя, когда женщины-жрицы поднимали к Небу и выливали на Землю воду из больших «чар» – сосудов. «Чародейство», таким образом, оказывается просто «действием с сосудом, полным воды».

Особой силой наделяли славяне родниковую воду, а всего более воду из родника, возникшего от удара Перуновой молнии. Такие ключи назывались «гремьичими», и это сохранилось в названиях многих источников. Отсюда же идёт обычай расчищать и обихаживать роднички, доживший до сегодняшних дней. Не боясь повториться, скажу: большую книгу можно написать о целительных свойствах, которыми наши предки наделяли воду. Достаточно упомянуть сказочную «живую» и «мёртвую» воду. Кстати, эти целебные свойства – далеко не всегда сплошное суеверие. Сейчас и у нас в стране, и за рубежом выходят научные работы о водолечении – оказывается, вода действительно исцеляет болезни... А вода, обработанная магнитами или электрическим разрядом (вот тебе и Перунова молния)? А про закаливание, обливание холодной водой, купание в проруби (для наших предков обычное дело) вообще стоит ли напоминать?..

Итак, вода – как и другие природные сущности – была для славянских язычников исконно доброй, дружественной стихией. Но, подобно всем стихиям, заставляла обращаться с нею на «вы». Могла ведь и утопить, погубить ни за что. Могла потребовать жертв. Могла смыть весенним разливом деревню, поставленную «без спросу» – мы сказали бы теперь, «без знания местности». Вот почему Водяной, мифический обитатель рек, озёр и ручьёв, часто выступает в легендах как существо, враждебное человеку. Видимо, опытные жители леса заблудиться боялись всё-таки меньше, чем утонуть. Поэтому и Водяной в сказаниях выглядит в общем опаснее Лешего.

Иногда Водяного представляли себе в виде голого обрюзглого старика, пучеглазого и «ластоногого». В других случаях он был вполне похож на человека и от обычного «добротного молодца» отличался в основном тем, что с левой стороны его одежды постоянно стекала вода...

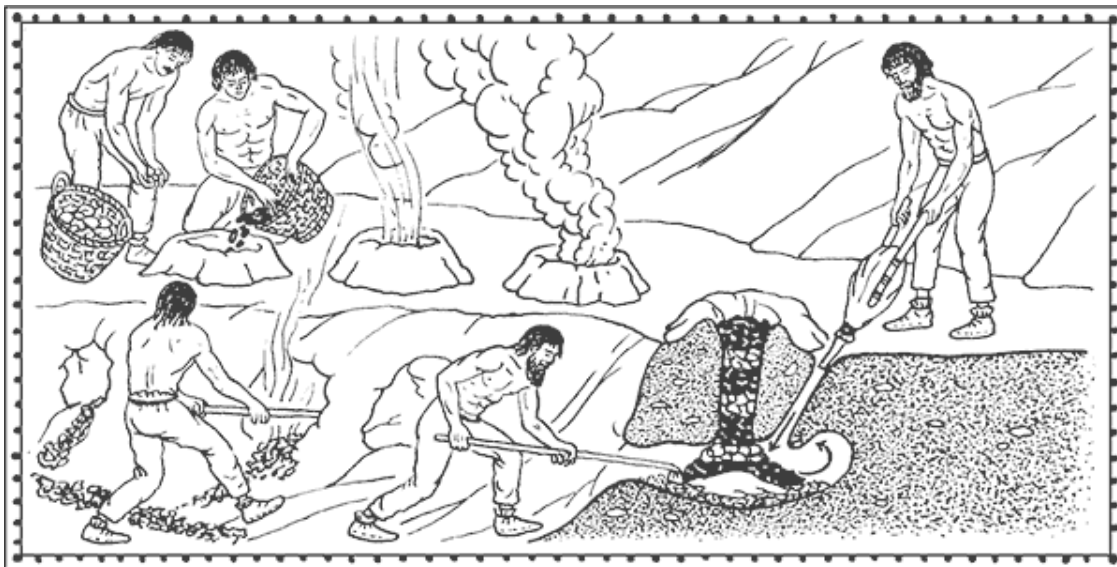
«Страшных» историй про Водяного я здесь пересказывать не стану. И не потому, что боюсь кого-нибудь испугать. Просто, как и в случае с Лешим, для нас, живущих в эпоху могущества Человека, важнее рассказы, где люди и Водяной умеют поладить, выручить друг друга из беды. Таких, по счастью, народная память сохранила тоже немало. Например, о том, как жене Водяного, Русалке, наступил срок разрешиться от бремени и взволнованный муж кинулся на берег – звать прохожую пожилую женщину на помощь жене. Или о том, как Водяной из запруженного ручья попросил человека передать его жалобу своему дядьке – Морскому Хозя-

ину. Или ещё о том, как пришлые Водяные пытались выдворить из омута его исконного обитателя и как опять-таки люди помогли отстоять справедливость...

Эти рассказы хранят для нас древнюю мудрость, великую и простую науку жить во взаимопонимании и мире с природой.

Кузница и мельница

Всякой религии свойственна приверженность старинным, «праотеческим» образцам и настороженное отношение к нововведениям. В главе «Огонь Сварожич» уже говорилось, что это касается не только богослужебных обрядов, но и каждодневных сторон жизни. Ведь в эпоху, о которой идёт речь, буквально всё имело свой мистический смысл: жилище, еда, одежда, семейные и общественные отношения, земледелие, охота и ремесло. В какую сторону ни посмотри – тотчас обнаружишь громаднейший пласт верований, обычаев, легенд...

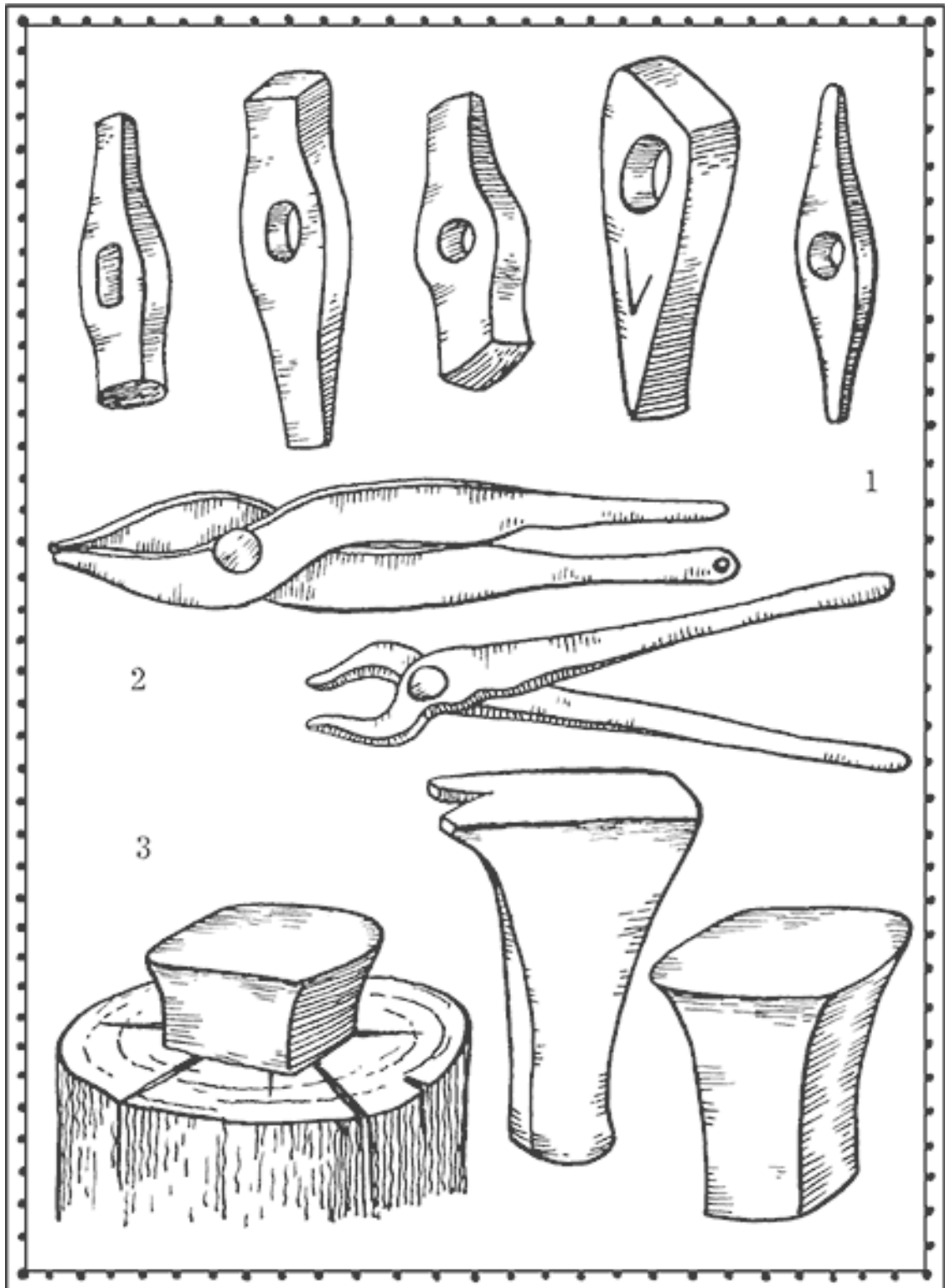

Плавка металла древними славянами

Вот почему во все периоды истории любое новшество непременно наталкивалось на сопротивление, будь то «еретические» мысли об устройстве Вселенной или небывалая форма посуды. Как же, ведь старая вещь «освящена» временем (если не прямым заветом Богов), её реальные и сверхъестественные свойства давно испытаны и известны. А новая – откуда же заранее знать, как она поведёт себя, что станет с людьми, вздумавшими ею пользоваться?..

Вот почему всегда «отцы» ворчали, ворчат и будут ворчать на «детей»: не так, мол, живёте...

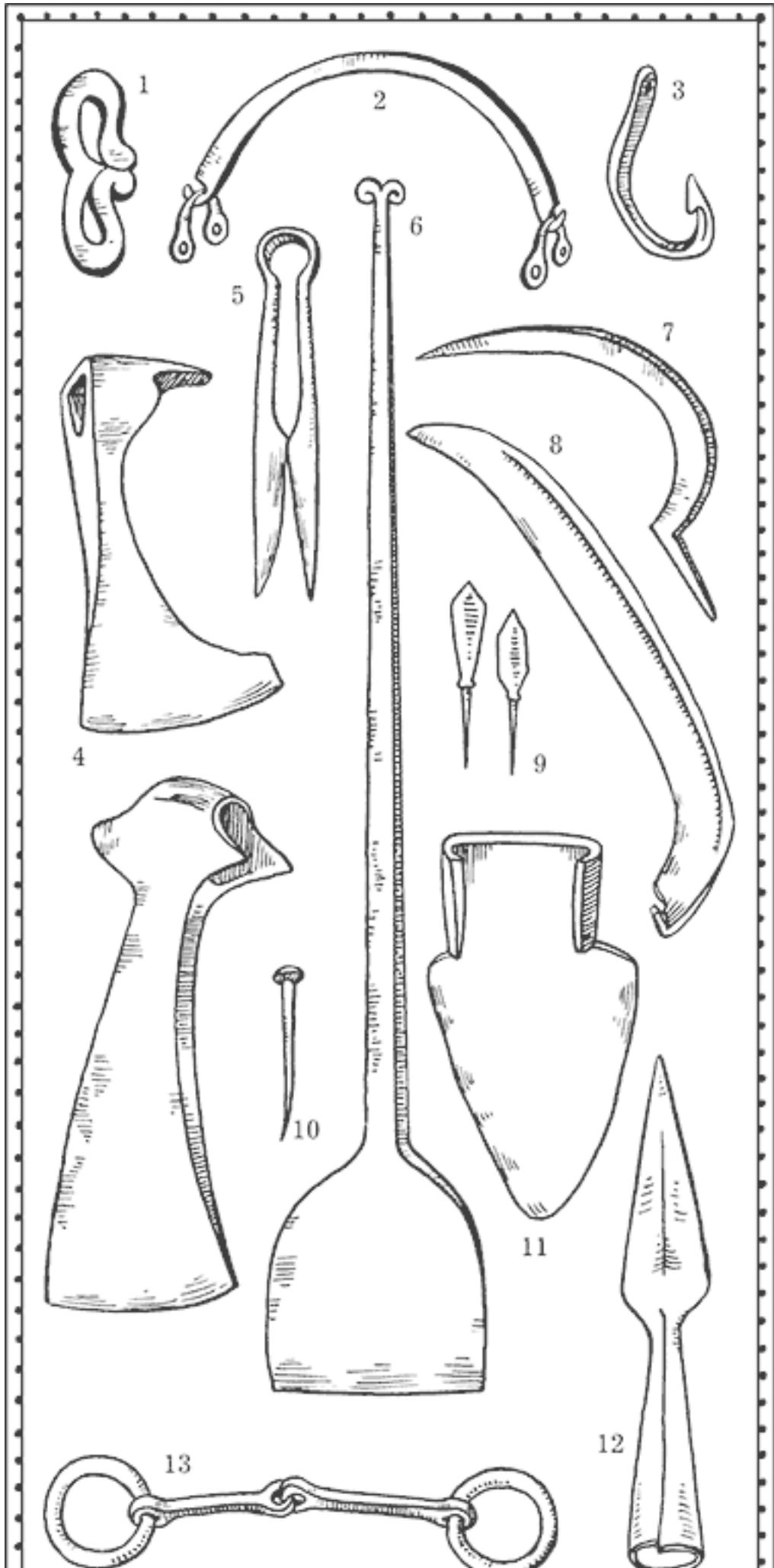
Вот почему ремёсла, связанные с техническим прогрессом, в каждую эпоху (да и теперь) бывали окружены таинственным ореолом, а самих ремесленников сородичи не только уважали, но и побаивались, втихомолку считая их колдунами. На эту тему, как и на все предыдущие, можно говорить без конца. Чтобы не утонуть в потоке легенд, которыми за сотни лет обросло ремесло, заглянем лишь в кузницу и на мельницу, да и то – одним глазком.

Кузнечные инструменты (XI–XIII века): 1 – молотки-ручники, молотки-секачи и молоток для тонкойковки, 2 – кузнечные клещи, 3 – наковальни на подковке, с раструбом и простая

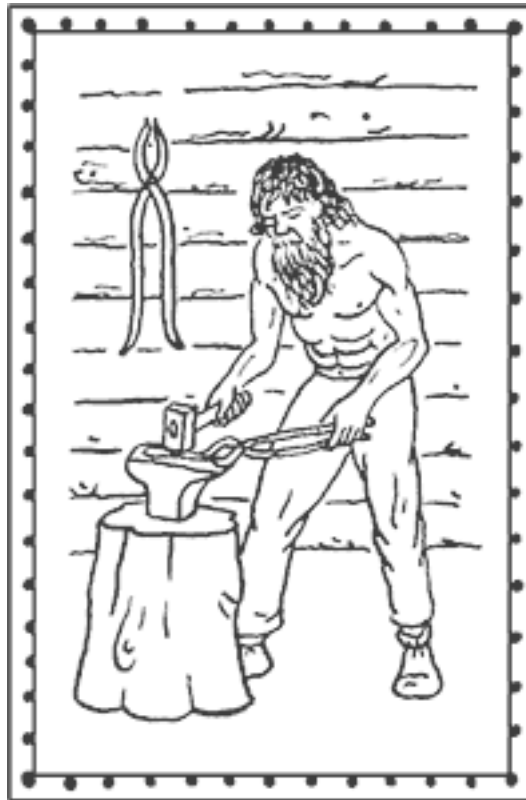
Древние славяне, оказывается, прекрасно знали, что прежде века железа у них ещё были каменный и бронзовый. Таким образом, железо было для них (как и для всего человечества) металлом относительно новым – но тоже, конечно, подаренным людям Богами. Схожие верова-

ния бытовали в Европе и Азии у самых разных племён, при этом железо, как металл исключительно полезный, поистине «главный», неизменно наделялся громадной оберегающей силой. Не случайно мы до сих пор друг другу советуем: «Подержись за железо, чтобы не сглазить!»

Предметы, изготовленные способом простой ковки (XI–XIII века): 1 – кресало, 2 – дужка от ведра, 3 – рыболовный крючок, 4 – топоры, 5 – ножницы для стрижки овец, 6 – железная лопата, 7 – серп, 8 – коса, 9 – наконечники стрел, 10 – гвоздь, 11 – лемех, 12 – наконечник копья, 13 – удила

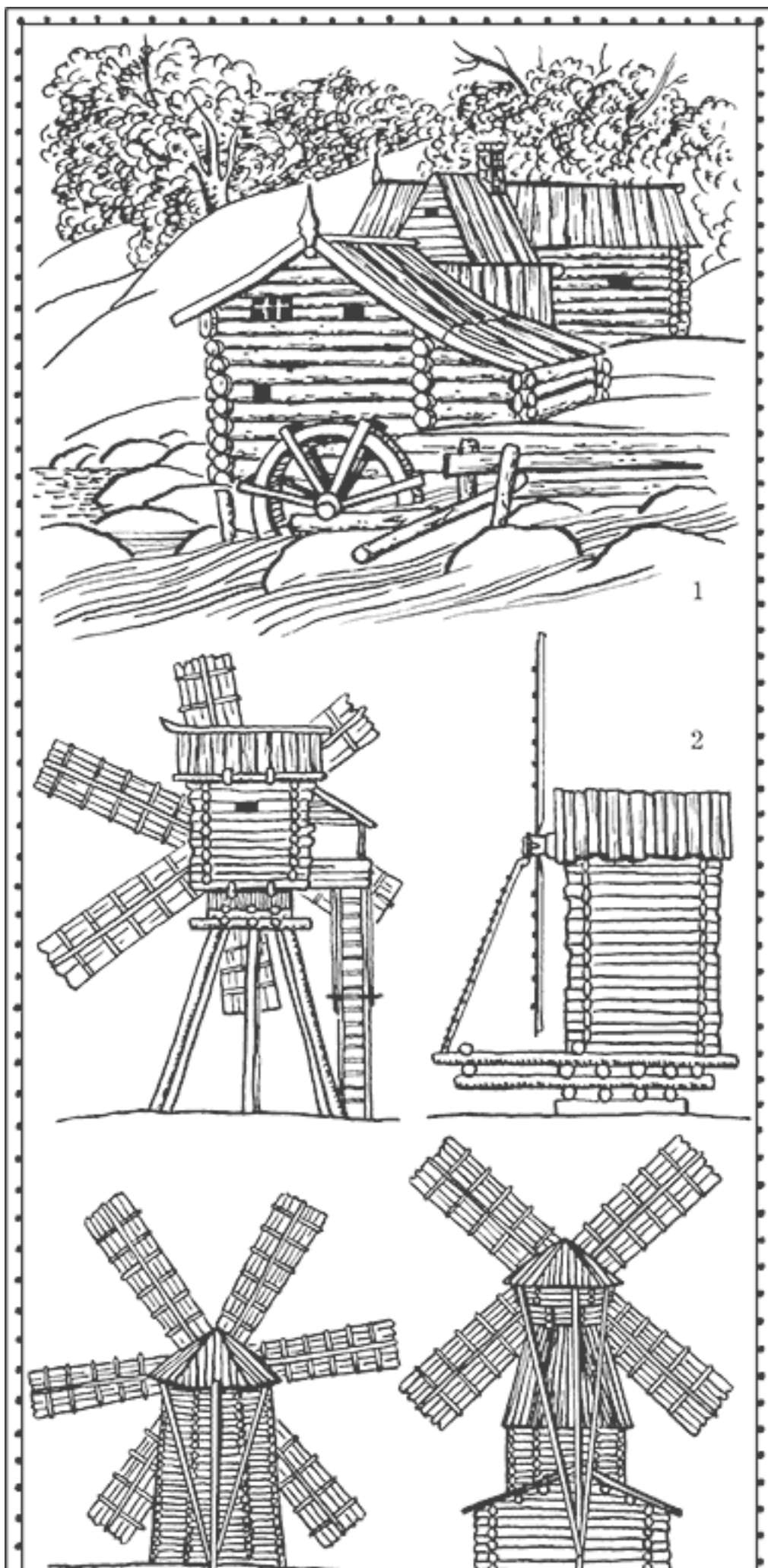
К человеку, держащемуся за железо, никакая нечистая сила не смела даже приблизиться, не то что вредить. Не могла она и проникнуть в двери, закрытые на железный засов. По некоторым славянским воззрениям, злые силы были в древности «заперты» за мифическими Железными Горами. Интересно, что охранительные свойства железа полностью перешли на воинское оружие и снаряжение. В разделе «Доспех» будет рассказано, что кольчуга и шлем не просто спасали воина от вражеских ударов и стрел, они ещё и отражали любое враждебное колдовство. Теперь понятно и трепетное отношение рыцарей к любимым мечам (подробнее об этом рассказывается в главе «Справедливый меч»).

Кузнец за работой

Созидатель-Кузнец, повелитель железа и побратим святого Огня, во всех мифологиях предстаёт светлой фигурой. Он может сковать не только серп или ножницы, но и слово, свадьбу, судьбу. Он участвует в мироздании – выковывает Солнце или, по крайней мере, чинит его, пострадавшее в битвах со Злом. Он возглавляет народные восстания против жестоких правителей (состоящих, как правило, в родстве с чудовищными змеями) либо куёт вождю восставших чудесное оружие, благодаря которому тот и побеждает. Согласно христианизированной славянской легенде, Кузнец наотрез отказался ковать чёрту оружие против Бога, и за это Бог пообещал ему, что ни один кузнец после смерти не отправится в ад. Должно быть, первоначально эта история была связана с преданиями о борьбе светлых и тёмных Богов – Перуна и Змея Волоса, едва не погубившего Солнце. Ведь по легендам, у Перуна был смертный помощ-

ник – Кузнец, без которого справиться со Змеем не удалось бы даже ему. Сохранилось немало сказаний о том, как Кузнец поймал прожорливого Змея горячими клещами за язык, запряг его в плуг и выпахал знаменитые Змиевы валы, до сих пор различимые на украинской земле... Кузнец – союзник Перуна – носил имя Кий, то есть попросту Молот. Связан ли он как-нибудь с историческим лицом, которому легенда приписывает основание Киева? А почему бы и нет?

1. Водяная мельница. XVIII век. 2. Ветряные мельницы: «столбовки» и «шатровки». XVII–XVIII века

Теперь ясно, что совсем не случайно в «Ночи перед Рождеством» Н. В. Гоголя лукавого чёрта одолевает и заставляет служить себе не священник, не воин, а именно Вакула – кузнец...

А вот Мельнику всегда сопутствует дурная слава – и в мифах, и в сказках, и в художественной литературе. Все эти «жуткие» книги и фильмы, где обязательно присутствует злое Чёрная мельница и при ней Мельник – непременно колдун, злой чародей. Примеров тут масса, хотя бы «Князь Серебряный» А. К. Толстого. И даже если никакой мистики в произведении нет, вряд ли героя, попавшего на мельницу, ожидает что-то хорошее. А всё из-за того, что мельница расположена поблизости от воды с её Водяным, совсем не обязательно добрым, да и вращается не иначе, как с его позволения. Кроме того, стихия Воды – вечный противник священного, созидательного Огня, как и Змей – противник Перуна. Уже говорилось, что, поклоняясь воде, славяне считали её стихией не вполне дружелюбной. Ведь и святилища Змея Волоса ставились по сырым змеиным низинам, у лесных озёр и болот...

Вот какой длинный путь прошли в народном сознании эти легенды: от первобытного наблюдения за борьбой огня и воды до мифа о борьбе светлых и тёмных Богов, Зла и Добра.

Человеческая жизнь: от смерти к рождению

Истоки гостеприимства

Всем нам доводилось слышать об этом: войдя в саклю горца или в чум жителя северной тундры, путешественник нередко делается объектом удивительного, на наш взгляд, гостеприимства. Вплоть до того, что стоит ему неосторожно похвалить красивую вещь или даже просто внимательно к ней присмотреться – и хозяин может тут же произнести: «Возьми, теперь это твоё. Иначе обидишь...»

Хотя сам он подчас живёт совсем небогато, а вещь ему дорога.

Мы восторгаемся самоотверженным благородством хозяев, но задаёмся ли вопросом: а почему так? И почему схож обычай народов, живущих очень по-разному и вдобавок столь далеко один от другого? И ведь совершенно такое же обращение с гостем отмечено исследователями на других континентах, в частности у американских индейцев...

Всё дело здесь опять-таки в «своём» и «чужом», в пересечении границы между мирами. Гость является с «чужой» стороны: откуда знать хозяину, кто он таков? Кто подтвердит ему, что этот человек доброжелателен, что он вообще – человек? Известно же, как ловко умеют притворяться людьми разные мифические существа, зачастую опасные. Уж лучше их не гневить...

Вот пример из легенды. Ненастной ночью в избу просится незнакомец, озябший и вымокший. Его впускают, дают обсушиться, радушно усаживают к столу. Утром оказывается, что это был... Леший. «Пусть коровы ходят в мой лес без пастуха, – прощаясь, говорит он человеку. – Ни один зверь не обидит!»

А что было бы, не прояви люди гостеприимства?

Но даже если на пороге стоит самый настоящий человек, и притом не имеющий ни малейшего отношения к чародейству, всё равно ссориться, обижать его опасно. Древние верили: обида и гнев создают вокруг человека нечто вроде сильного и очень вредного энергетического заряда. Куда, в кого «выстрелит» этот заряд – предугадать невозможно. Вот случай, о котором

рассказали учёным в одном из племён Океании. Женщина накричала на мужа. Тот сдержался и промолчал, а вечером неожиданно умерла их любимая дочь. Вот как «выстрелил» повисший в воздухе гнев. Совет старейшин признал женщину виноватой...

Отсюда мягкость и обходительность иных «дикарей», их мудрое стремление уходить от конфликтов и споров (особенно с чужими), чему так удивлялись «цивилизованные» европейцы. Где ж им было знать, что современные экстрасенсы и в этом «предрассудке» обнаружат вполне рациональное зерно!

...У многих народов подобные верования со временем позабылись, превратившись из религиозных запретов и норм – в нравственные. Но разве не интересно узнать, каким образом возник прекрасный обычай?

Теперь становится понятно, с какой целью многие племена, в том числе некоторые соседи славян, устраивали маленькие очажки у входа в жилище. Никакая нечисть не сможет миновать святой Огонь, а гость, который его всё-таки переступит, оставит за порогом всякое зло, хотя бы даже невольное. Вот почему у славян жениху, идущему к дому невесты, метали под ноги горячие угли... Но «своим» в полном смысле слова становился лишь тот, кто делил с хозяевами трапезу, садился с ними за стол.

Отношение древних к еде вообще заслуживает особого разговора. В эпоху, о которой идёт речь, еда была не просто физическим насыщением – это было Причастие. Причастившись одного хлеба, каши, земных плодов или дичи в дальнейшем считали друг друга самыми настоящими родственниками; об этом подробнее говорится в главах «Свадьба» и «В едином хлебе».

Поев в каком-нибудь доме, человек мог рассчитывать на защиту и помощь хозяина, но и сам уже не смел причинять ему зла, если только для него ещё было что-нибудь свято. Таким образом, хлеб-соль, которыми сегодня «по русскому обычаю» встречают приехавшую делегацию, в своей древней языческой сути – не что иное, как мирный договор между хозяевами и гостями...

Ясно теперь, почему и граф Монте-Кристо не притронулся к угощению в доме, где соби-рался мстить?..

Границы во времени

Теперь, вероятно, все убедились, что славянское язычество – это целый необозримый мир, и притом неплохо известный учёным. Самое же интересное, что этот мир жив по сей день, он и не думал умирать, несмотря на тысячу лет христианства и почти столетие навязанного атеизма. Кстати, этот последний некоторые журналисты теперь тоже почему-то именуют «язычеством». Почему – лично мне непонятно. Язычество на Руси как раз отличалось терпимым отношением к иным религиям, в том числе христианской: веруешь по-другому, ну и веруй себе на здоровье, только мне не мешай чтить моих Богов, как я привык... Разве это похоже на те времена, когда у нас в стране поголовно воспитывали «сознательных борцов с пережитками религиозного культа»?

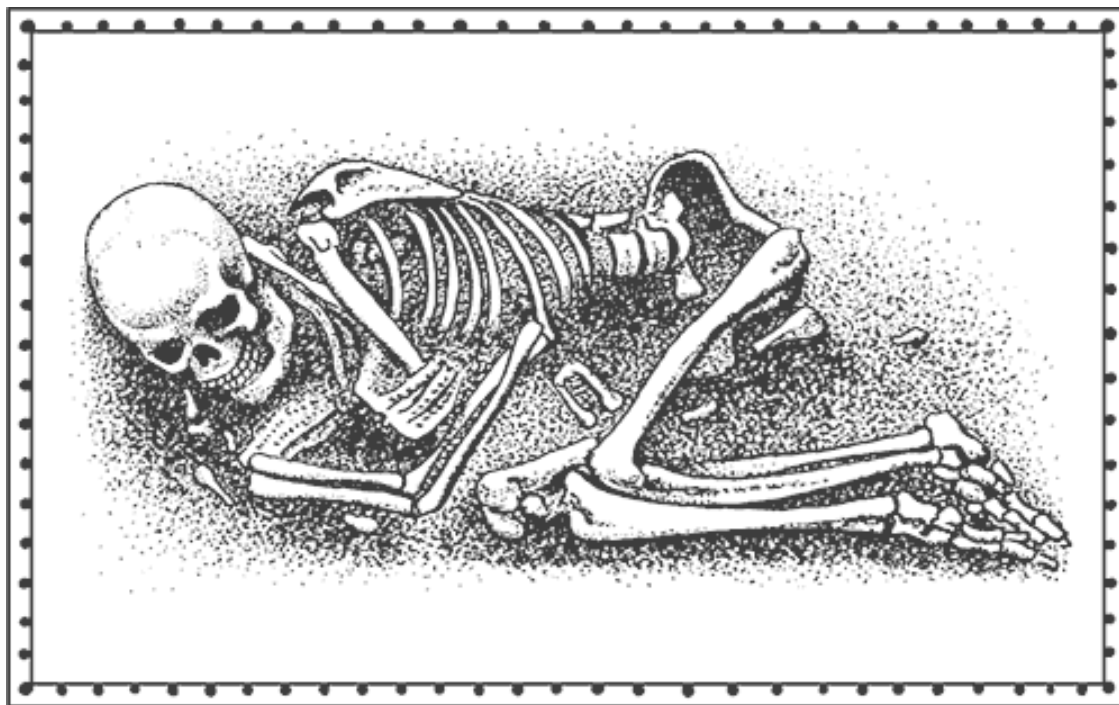
Многие и многие стороны славянского язычества я здесь попросту обхожу стороной, а иные – едва обозначаю, чтобы эти маленькие главы не разрослись до размеров энциклопедий. Необходимо, однако, хотя бы вкратце коснуться, пожалуй, самого важного – цикла человеческой жизни, проследить его от рождения и до смерти. Можно, впрочем, и наоборот: от смерти к рождению. А почему так, пояснит дальнейший рассказ.

Мы и теперь говорим: «дети», «подростки», «молодёжь», «взрослые», «старики». И это не простые слова. За каждым стоит вполне определённая группа людей со своими обязанностями и правами, особенностями поведения и спецификой одежды. Представьте себе седую бабушку в детском платье, самозабвенно играющую в куклы, или мальчика, переодетого «дедушкой». В лучшем случае это просто смешно. А в древности, когда – не забудем! – религиозные воззрения окрашивали решительно всё, границы таких групп (учёные называют их половозрастными) были очерчены гораздо более чётко и естественный переход из одной в другую обставлялся всяческими ритуалами, предназначенными помочь человеку, уберечь его от воздействия злых сил. То же самое касалось и общественного положения.

О границах, разделяющих пространство, уже говорилось в главе «Домовой». Мы помним, как наши предки относились к этим границам. Теперь поговорим о границах во времени.

По мысли древних людей, человек двигался по своему жизненному пути вовсе не так, как движешься, например, по горной дороге, постепенно приближаясь к вершине. Для них всё выглядело совершенно иначе: человек «исчезал» на одном уровне и «вновь появлялся» уже на другом, уже в новом качестве; он «умирал» и «снова рождался». Зная это, легко понять смысл всем известной процедуры посвящения в рыцари с её знаменитым ударом меча плашмя по плечу. Тем самым символизируется настоящий смертельный удар и новое рождение: прежний человек «умирает», а с колен поднимается уже рыцарь. От этих же корней происходят современные ритуалы «посвящения» в студенты, в мастера и так далее.

В знак того, что человек и в самом деле «заново родился», он должен был сменить буквально всё – от одежды до имени. Имя и до сих пор изменяют, принимая монашество. Бывают «тронные» имена у королей, римских пап и иных светских и духовных владык. Бывают псевдонимы – литературные, сценические, спортивные. Пожалуй, особенно характерны конспиративные клички, предназначенные для того, чтобы избежать опасности отнюдь не мистической...

Древнее скорченное погребение. В связи с верой в переселение души умершему при погребении придавалась поза эмбриона, что должно было подготовить его к новому рождению

По сей день существуют виды одежды и её отдельные элементы, присущие только членам определённых групп. Например, военная форма, одеяния священнослужителей, просто приверженцев некоторых религиозных течений или даже кольцо на руке человека, состоящего в браке. Всё это – отголоски языческой древности, когда на протяжении физической жизни «умирали и рождались» несколько раз.

Зато и естественная биологическая смерть не воспринималась язычниками как окончательная гибель, полное исчезновение человека. Смерть была для них ещё одним переходом в новое качество, когда разрушалось тело, но бессмертная душа оставалась неприкосновенной. Кроме того, душа вполне могла возвратиться, войдя в новорожденного младенца. Вот почему во все времена и у всех народов детям старались давать имена прославленных, уважаемых предков (потом эта традиция распространилась и на чужих, но знаменитых людей), и сейчас нередко называют малыша «по дедушке» или «по бабушке». Только теперь чаще всего это для нас простая дань обычаю, который не каждый и объяснит...

Рождение

Забота о ребёнке начиналась задолго до его появления. Испокон веку славяне старались оградить будущих матерей от всевозможных опасностей, в том числе и сверхъестественных. Так, если муж был в отъезде, молодой женщине советовали подпоясываться его поясом и на ночь укрываться чем-нибудь из его одежды, чтобы «сила» мужа охраняла, оберегала жену. В последний же месяц перед родами ей не рекомендовалось выходить со двора, а лучше и из дому, чтобы Домовой и священный Огонь очага всегда могли прийти ей на помощь: жуткие истории рассказывались о злых колдунах, способных своим волшебством похитить дитя прямо из материнского чрева или подменить его детёнышем ведьмы – злобным уродцем... Одним словом, о наступившей беременности и тем более о сроке родов посторонним совсем незачем было знать.

Зато сама женщина, ждущая ребёнка, считалась любимицей Богов, способной приносить счастье. Её охотно приглашали в сады угоститься яблоками: если беременная отведала плода с молодой яблони, впервые принесшей урожай, эта яблоня весь свой век будет обильно плодоносить...

Но вот наступал срок ребёнку появиться на свет. Древние славяне верили: рождение, как и смерть, нарушает невидимую границу между мирами умерших и живых. Понятно, что такому опасному делу незачем было происходить вблизи людского жилища. У многих народов роженица удалялась в лес или в тундру, чтобы никому не повредить. Да и у славян рожали обычно не в доме, а в другом помещении, чаще всего – в хорошо истопленной бане. А чтобы материнское тело легче раскрылось и выпустило дитя, женщине расплетали волосы, в избе же раскрывали двери и сундуки, развязывали узлы, открывали замки. Надо думать, психологически это помогало.

Роженица, невольно «отворяющая дверь» в иной мир, у многих народов из-за этого считалась «нечистой». Уже говорилось, что в современном восприятии это слово неточно, ибо речь идёт не о чём-то нехорошем, а только о повышенной уязвимости для злых сил, всегда ждущих случая наделать людям беды. Находиться рядом с роженицей было просто «опасно». Во все времена перед другими людьми, перед любящим мужем был выбор – помогать женщине или думать только о себе. И конечно, во все времена находились такие, чей выбор был благороден. О них сохранилось немало рассказов.

У славян эпоху строгого уединения роженицы хронисты уже не застали. Здесь будущей матери обычно помогала немолодая женщина, опытная в подобных делах. Непременным условием было, чтобы она сама имела здоровых детей, желательно – мальчишек. Кроме того, при родах нередко присутствовал... муж. Теперь этот обычай возвращается к нам в качестве эксперимента, заимствованного за границей. Между тем древние (и даже не столь древние) славяне не видели ничего необычного в том, чтобы рядом со страдающей, испуганной женщиной был сильный, надёжный, любимый и любящий человек.

Бытовал у наших предков и обычай, сходный с так называемой кувадой народов Океании: муж нередко кричал и стонал вместо жены. Зачем? Смысл кувады обширен, но, помимо прочего, исследователи пишут: тем самым муж вызывал на себя возможное внимание злых сил, отвлекая их от роженицы!

...И вот дитя благополучно родилось. Если это был мальчик, пуповину перерезали на топорище или стреле, чтобы рос охотником и мастеровым. Если девочка – на веретене, чтобы росла рукодельницей. Перевязывали пупок льняной ниткой, сплетенной с волосами матери и отца. «Привязать» – по-древнерусски «повить»; вот откуда «повитухи», «повивальные бабки».

Первой пелёнкой сыну служила отцовская рубаха, дочери – материнская. Вообще, все самые первые действия с младенцем (купание, кормление, подстригание волос и так далее)

были окружены важными и очень интересными ритуалами, которым опять же можно посвятить отдельную книгу. Присмотримся лишь к одному.

В наши дни, желая приобщить новорожденного к христианской религии, родители несут его в церковь, где священник крестит его, опуская в купель с водой. При этом нарекается имя.

Между тем обычаем окунать младенца в воду (или по крайней мере обрызгивать) отмечен у самых разных народов. В частности, так поступали скандинавы в эпоху викингов. Очень долгое время это объяснялось влиянием христианства. Однако потом сходные обычаи были зафиксированы у народов, никогда даже не слышавших о христианстве! В чём же тут дело?

Учёные видят здесь отголосок древнейшего ритуала приобщения нового человека... Космосу. Да-да, ни больше ни меньше. Как это делалось? Отец – глава семьи – торжественно выносил новорожденного и показывал его Небу и Солнцу (не садящемуся, но обязательно восходящему – на долгую жизнь!), Огню очага, Месяцу (опять-таки растущему, чтобы дитя хорошо росло), прикладывал к Земле-Матери и, наконец, окунал в Воду (или обрызгивал, если было холодно). Таким образом малыша «представляли» всем Божествам Вселенной, всем её стихиям, отдавая под их покровительство. Вот тебе и «варварские», «примитивные» культы, «мрак язычества». Нет «примитивных» народов, эпох, культур и религий, у каждой своя мудрость и красота. Примитивными бываем мы сами в нашей собственной лени и невежестве, в нашем нежелании что-либо знать.

Имя

Знакомясь, мы очень редко говорим прямо: «Я такой-то», «Моё имя такое-то». Это необъяснимым образом звучит как-то неловко, и чаще мы представляемся как бы иносказательно: «Меня зовут»... Почему так?

Древние люди считали имя важной частью человеческой личности и предпочитали хранить его в тайне, чтобы злой колдун не сумел «взять» имя и использовать для наведения порчи (подобно тому, как использовали для этого остриженные волосы, клочки одежды, выкопанные куски земли со следами на ней и даже сор, выметенный из избы). Поэтому в древности настоящее имя человека обычно было известно только родителям и нескольким самым близким людям. Все остальные звали его по имени рода или по прозвищу, как правило носившему охранительный характер: Некрас, Неждан, Нежелан. Подобные имена-прозвища должны были «разочаровать» болезни и смерть, заставить их искать «более достойную» поживу в других местах. Так поступали не только славяне. Например, красивое турецкое имя Йылмаз означает «то, что не нужно даже и собаке»...

Язычник ни под каким видом не должен был говорить: «Я – такой-то», ведь он не мог быть до конца твёрдо уверен, что его новый знакомый заслуживает полного доверия, что он вообще человек, а не злой дух. На первых порах он отвечал уклончиво: «Меня называют...» А ещё лучше, если даже и это произносил не он сам, а кто-то другой. Всем известно, что по правилам хорошего тона до сих пор считается предпочтительным, чтобы двоих незнакомых людей представлял друг другу кто-нибудь третий. Вот из какой дали времён пришёл этот обычай. А тому, кто любит фантастику, возможно, попадалась книга Урсулы Ле Гуин «Волшебник Земноморья». Там, в насыщенном магией мире, тоже существует нечто подобное: назвать кому-либо своё имя – значит проявить максимальное доверие, буквально отдать ему в руки свою душу и жизнь. И это не плод богатого воображения автора!

Для тех, кому подобный пример покажется неубедительным, приведём ещё один, на сей раз из скандинавской саги, рассказывающей о реальных исторических событиях. Викинги попадают в плен к норвежскому правителю Эйрику. Их собираются казнить, пощады ждать не приходится. Однако внимание Эйрика привлекает один из пленников – очень красивый парень, к тому же проявивший невероятное мужество. Правитель спрашивает пленника, кто он такой, и викинг отвечает: «Они называют меня Сигурдом. И мне сказали, что я – сын Буи...»

Вот так: не «я – Сигурд, сын Буи», а «они называют меня» и «мне сказали». Человек нипочём не желает говорить о себе прямо. А ведь дело происходит во вполне исторические времена – в XI веке!

Взросление

Детская одежда в Древней Руси, как у мальчиков, так и у девочек, состояла из одной рубашонки. Притом сшитой не из нового полотна, а обязательно из старой одежды родителей. И дело здесь не в бедности или скупости. Просто считалось, что ребёнок ещё не окреп как телом, так и душою, – пусть же родительская одежда его защитит, убержёт от порчи, сглаза, недоброго колдовства... Право на взрослую одежду мальчики и девочки получали, не просто достигнув определённого возраста, но только когда могли делом доказать свою «взрослость».

Лет с пяти-семи детей приучали к хозяйственным мужским и женским работам, а также вводили в мир легенд, верований и традиций, – как мы бы теперь выразились, ребёнок проходил ещё и духовную школу. В глубочайшей древности для этого существовали особые дома – мужские и женские, и всё, что там совершалось, окутывала тайна, на которую не имели права представители противоположного пола. Исследователи пишут, что хоромы «семи богатырей» из «Сказки о мёртвой царевне» – не что иное, как воспоминание о таком мужском доме, расположенном в глухой лесной чаще. Но это вновь отдельная тема, и мы её лишь обозначим.

Девочка, девушка, женщина

Когда мальчик начинал становиться юношей, а девочка – девушкой, им приходила пора перейти в следующее «качество», из разряда «детей» в разряд «молодёжи» – будущих женихов и невест, готовых к семейной ответственности и продолжению рода. Но телесное, физическое взросление ещё мало что значило само по себе. Надо было выдержать испытание.

Учёные называют его «инициацией» – «обновлением», «приведением в начальное состояние». Это был своеобразный экзамен на зрелость, физическую и духовную. Юноша должен был вытерпеть жестокую боль, принимая татуировку или даже клеймо со знаками своего рода и племени, полноправным членом которого он становился отныне. Для девушек тоже были испытания, хотя и не такие мучительные. Их цель – подтверждение зрелости, способности к свободному проявлению воли. И самое главное – те и другие подвергались ритуалу «временной смерти» и «воскрешения».

Это была не игра. Это происходило абсолютно всерьёз!

Вероятно, жрецы и жрицы применяли при этом какие-нибудь одурманивающие напитки, а то и гипноз. Также вполне вероятно, что разыгрывалась целая пантомима «проглатывания» детей мифическим животным – тотемом, «прародителем» и символом племени – с последующим «рождением» из его брюха. Некоторые исследователи полагают, что всем известная сказка о Красной Шапочке содержит отголоски подобных обрядов...

Итак, прежние дети «умирали», а вместо них «рождались» новые взрослые. В древнейшие времена получали они и новые «взрослые» имена, которых опять-таки не должны были знать посторонние (а иногда это было первое наречение имени). Вручали и новую взрослую одежду: юношам – мужские штаны, девушкам – понёвы, род юбок из клетчатого полотна, которые носили поверх рубахи на пояске. Понёвам будет посвящена отдельная глава в разделе «Одежда». Пока только отметим, что с момента надевания взрослой одежды девушку можно было сватать. А расцветка клеток понёвы была своя у каждого славянского племени, у каждого рода – точь-в-точь как и в национальном шотландском костюме, мужской юбке «килт», о которой мы читали в приключенческих романах Р. Л. Стивенсона.

Так начиналась взрослая жизнь.

Коса и борода

Если раскрыть на любой странице испанский эпос «Песнь о Сиде», пожалуй, первое, что бросится в глаза, – это похвала знаменитому воину: «...мой Сид, бороною славный...» В других местах говорится, что Сид «не побоялся» отрастить длинную пышную бороду.

Спрашивается, чего было бояться?

Различные типы бород

А у нас, на Руси, о жестоко осрамившемся человеке говорили: «собственную бороду оплевал»...

Почему?

Дело в том, что борода считалась у взрослых мужчин важнейшим символом чести. Дёрнуть за бороду и тем более плюнуть в неё было ужасным оскорблением, за которое могли вызвать на поединок, если не убить на месте. Из средневековой истории известны случаи, когда сражение между армиями откладывалось до тех пор, пока воины с обеих сторон не подвяжут особым образом свои бороды, уберегая их от осквернения. Посол, которому при исполнении его миссии подпалили бороду, не докладывал своему государю об объявлении войны – тот видел это и так. А учёные-историки пишут, что древние римляне завели обычай наголо сбривать бороды именно ради того, чтобы устранить возможный источник конфликтов: нет бороды – и дёрнуть не за что!

Теперь понятно, как расшифровывается похвала испанского певца отважному Сиду: «Твоя доблесть так велика, что ни у кого не хватит смелости с тобою повздорить». Понятно и то, почему наши богатыри, ссорясь, брали друг друга за бороды. Понятны, наконец, нешуточные страдания и яростные протесты русских бояр, которым Пётр I велел начисто бриться на западноевропейский манер...

А коренится всё это в древнейших воззрениях на волосы, как на одно из средоточий жизненной силы в человеке. Вспомним хотя бы Змея Волоса, живой волос в речке, библейского богатыря Самсона, чья сила помещалась в «семи косах головы его», и остриженные волосы, которым незачем попадать в руки злым колдунам. (Заметим, что другим обиталищем жизненной силы считались рёбра, и именно поэтому древние скандинавы называли «хладнорёбрами» каменных великанов, а христианский Бог создал Еву именно из ребра...)

Не случайно старик Хоттабыч выдёргивал волоски из своей бороды – без этого магия не срабатывала. Не случайна и удивительная борода Черномора в пушкинской сказке...

А что можно сказать о косе?

Девушку, идущую по улице с распущенными волосами, ещё совсем недавно провожали неодобрительные взгляды пожилых женщин: «Бесстыдница!.. В наше время так не носили!..»

1. Девушка с распущенными волосами в налобной повязке. Начало XIX века. 2. Девушка с косой в венце-«ряске». Начало XIX века

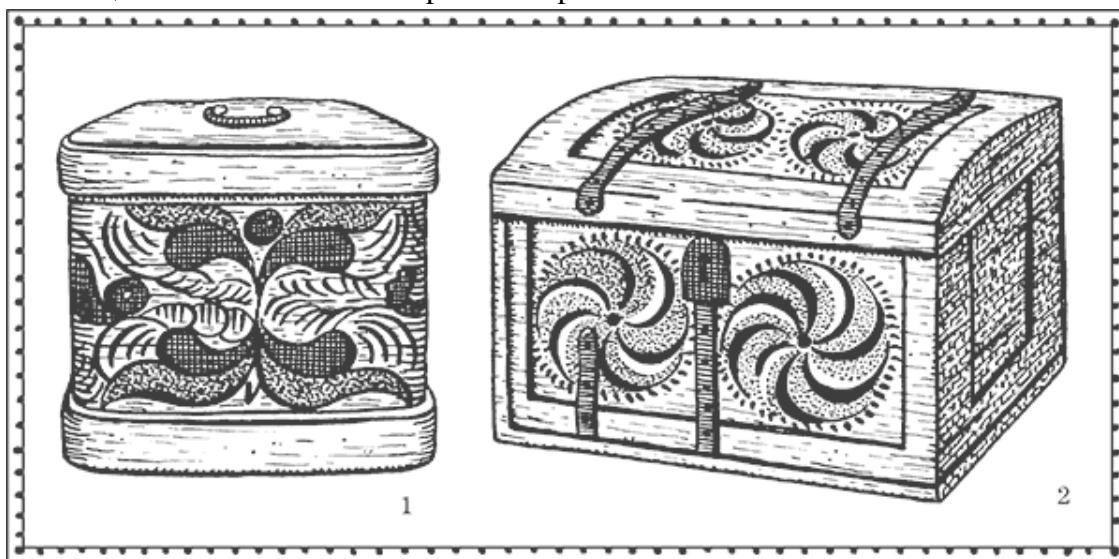
Между тем этнографы свидетельствуют, что именно такой была на Руси древнейшая девичья причёска, так что ничего особенно нового модницы не изобрели. Однако эта причёска

имела характер, скорее, торжественный и ритуальный. Попробуй-ка шить, готовить еду, стирать, ухаживать за скотиной, распустив густые волосы длиной по колено. И девушки стягивали их налобной повязкой, заплетали в косу – непременно одну (в знак того, что пока холостая, «одна»). Пряди волос в косе укладывали тоже строго определённым образом: одну поверх другой. Две косы и обратное плетение обычаем запрещались, это была принадлежность замужней.

Девичья коса считалась не меньшим символом чести, чем борода у мужчин, и отношение к ней было точно таким же. Дёрнуть за косу значило оскорбить: неплохо бы помнить об этом нашим школьникам, когда они озорничают на переменах. А уж отрезать косу!.. В одном из музеев сохранился документ – жалоба крестьян на барина, оскорбившего таким образом служанку. К письму приложено и вещественное доказательство – жиденькая девчоночья косичка. Говорят, чиновники дали ход делу и барина оштрафовали... Надо думать, в эпоху язычества он нажил бы себе куда большие неприятности. А впрочем, и девушки в те времена неплохо умели за себя постоять. Не были они такими беспомощными созданиями, которых в книгах и фильмах положительные герои только поспевают спасти...

Свадьба

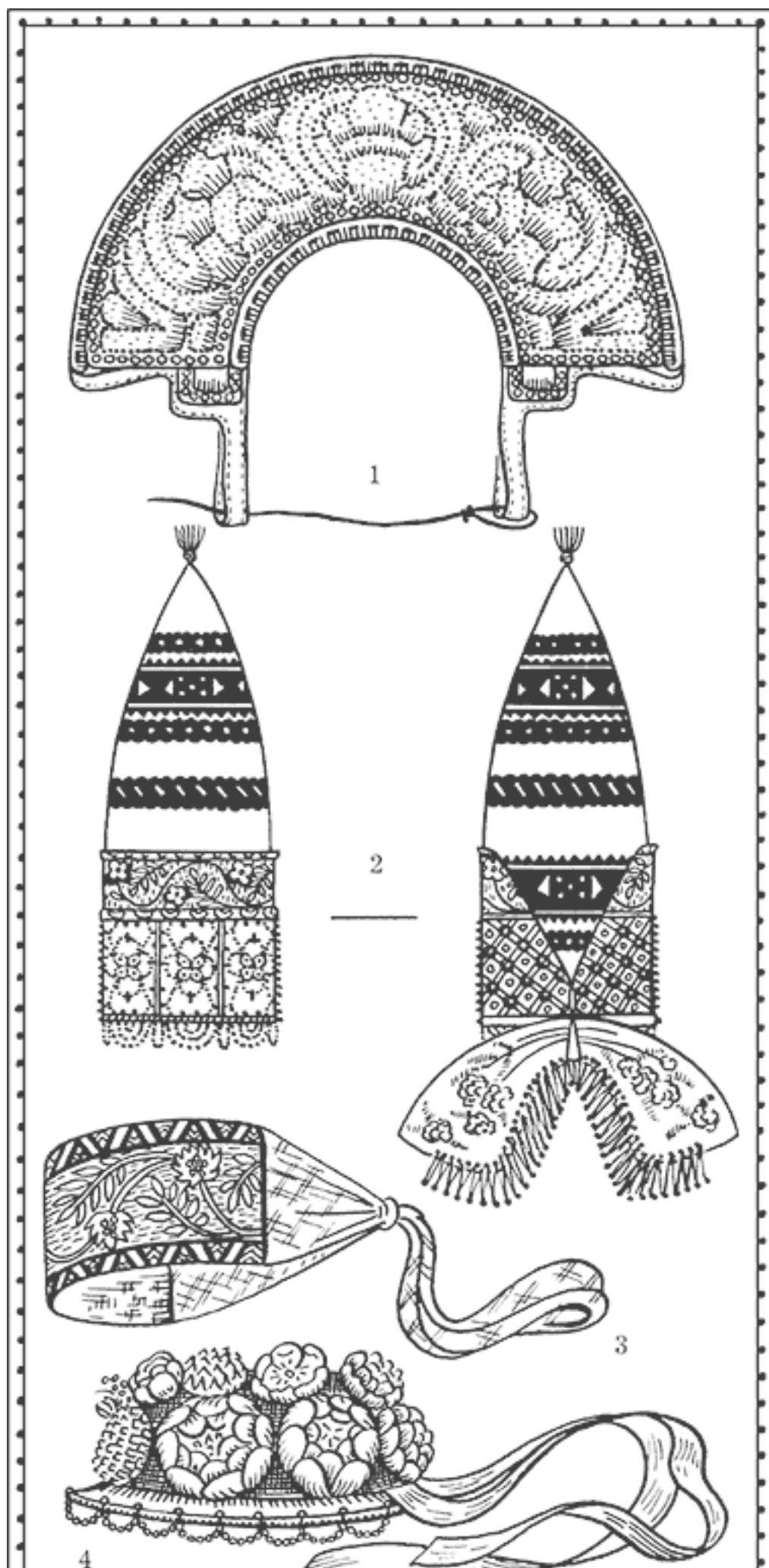
Старинную русскую свадьбу исследователи по всей справедливости называют очень сложным и очень красивым спектаклем, длившимся несколько дней. Причём в этом спектакле ничего не делалось «просто так»: любое движение или слово, любая деталь одеяний были исполнены глубокого смысла – смысла зачастую очень древнего, уходящего корнями в язычество. И вот что интересно. Ещё в прошлом веке в крестьянской среде бытовало такое воззрение: если был соблюден православный церковный обряд, но не было сватовства, «закрывания» невесты и обязательного «пира на весь мир» – сиречь на всю деревню (то есть типично языческих элементов), – общественное мнение упорно отказывалось принимать этот брак, считать свадьбу действительной. И наоборот: если «языческие» элементы были исполнены честь честью, то с церковным венчанием, считалось, можно и повременить, приурочить его, например, к освящению новой избы или крестинам ребёнка...

Утварь для хранения приданого (XIX век): 1 – короб, 2 – сундук

Рассказать подробно о свадьбе здесь невозможно. Учёными написано о ней такое количество книг, что мы сразу захлебнёмся в поверьях, обычаях и просто интересных подробностях. Да и задача моя вовсе не в том, чтобы рассказать абсолютно всё о язычестве древних славян и его современном наследии. Я хочу лишь разбудить любопытство, хочу, чтобы почаще звучало «почему?» и открывались умные книги, которые если и не сразу всё объясняют, то, во всяком случае, подсказывают, где искать.

Свадьбу видел каждый из нас, хотя бы в кино. Но вот многие ли знают, почему на свадьбе главное действующее лицо, центр всеобщего внимания – невеста, а не жених? А почему на ней белое платье? А почему она надевает фату?

Головные уборы невест (XIX век): 1 – *головодец, Архангельская губерния, 2 – повязка с колпаком (вид спереди и сзади), Вологодская губерния, 3 – «лента», Новгородская губерния, 4 – «девичья краса», Псковская губерния*

Попробуем разобраться.

В разделе «Мой род – моя крепость» будет подробно рассказано, что в древности каждый человек осознавал себя в первую очередь членом определённого рода. Дети принадлежали к роду родителей, а вот дочь-девушка, выходя замуж, переходила в род мужа. (Именно поэтому замуж «выходят» – в смысле, выходят из своего рода, покидают его.) В главе «Границы во времени» уже говорилось о том, что означал для язычников такой переход. Девушка должна была «умереть» в прежнем роду и «снова родиться» в другом, уже замужней, «мужатой» женщиной. Вот какие сложные превращения происходили с невестой. Отсюда и повышенное внимание к ней, которое мы сейчас видим на свадьбах, и обычай брать фамилию мужа, ведь фамилия – это знак рода. Отсюда и сохранившееся кое-где обыкновение звать родителей мужа «мамой» и «папой», чем, кстати, пожилые люди нередко весьма дорожат, хотя, откуда взялся такой обычай, объяснить толком не могут. «Вошла в семью» – и всё тут!

**Подвенечный наряд невесты. Каргопольский
уезд Олонецкой губернии. XIX век**

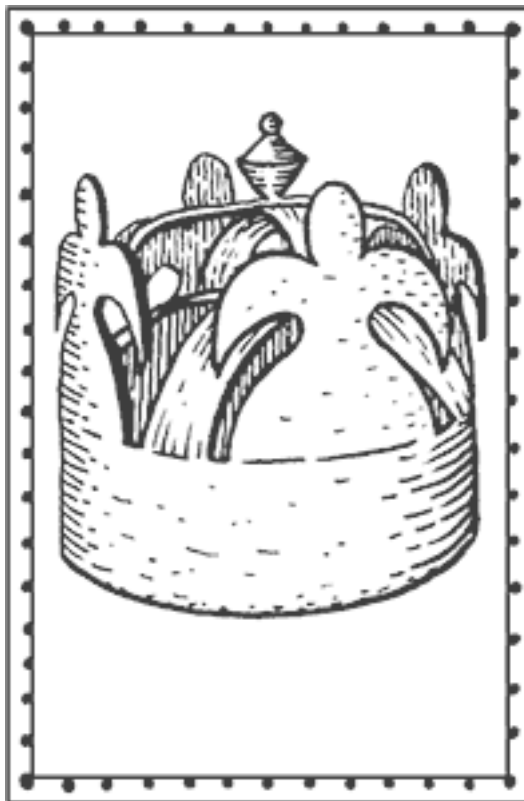
Теперь нам ясно, почему жених старается внести невесту через порог своего дома обязательно на руках: ведь порог – это граница миров, и невесте, прежде «чужой» в этом мире, надлежит превратиться в «свою»...

Костюм новобрачной. Торонецкий уезд Псковской губернии. XIX век

А что белое платье? Иногда приходится слышать, будто оно, дескать, символизирует чистоту и скромность невесты, но это неправильно. На самом деле белый – цвет траура. Да, именно так. Чёрный в этом качестве появился сравнительно недавно. Белый же, как утверждают историки и психологи, с древнейших времён был для человечества цветом Прошлого, цветом Памяти и Забвения. Исполон веку такое значение придавали ему и на Руси. А другим

«траурно-свадебным» цветом был... красный, «чермный», как он ещё назывался. Его издавна включали в одеяние невест. Есть даже народная песня: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан» – песня дочери, которая не хочет уходить из родного дома к чужим людям – замуж. Итак, белое (или красно-белое) платье – это «скорбное» платье девушки, «умершей» для своего прежнего рода.

Русский брачный венец из луба. Верхняя кромка его обруча украшена четырьмя фигурами, напоминающими женские, столь характерные для вышивок на севере Руси. Начало XIX века

Теперь про фату. Ещё совсем недавно это слово означало просто «платок». Не теперешнюю прозрачную кисею, а настоящий плотный платок, которым наглухо закрывали невесте лицо. Ведь с момента согласия на брак её считали «умершей», а жители Мира Мёртвых, как правило, невидимы для живых. И наоборот. Не случайна знаменитая фраза из «Вия» Н. В. Гоголя: «Подымите мне веки: не вижу!» Вот и невесту никому нельзя было видеть, а нарушение запрета вело ко всевозможным несчастьям и даже к безвременной смерти, ибо в этом случае нарушалась граница и Мёртвый Мир «прорывался» в наш, грозя непредсказуемыми последствиями... По той же причине молодые брали друг друга за руку исключительно через платок, а также не ели и не пили (по крайней мере невеста) на всём протяжении свадьбы: ведь они в этот момент «находились в разных мирах», а касаться друг друга и тем более вместе есть могут только люди, принадлежащие к одному миру, более того – к одной группе, только «свои»...

В наши дни молодым тоже не рекомендуют усердно угощаться на собственной свадьбе и тем более пить хмельные напитки, но уже совсем по другой причине. Им надлежит в скором времени стать Матерью и Отцом, а могут ли у пьяных супругов родиться полноценные дети?

Надо упомянуть и ещё об одном интересном обычае, связанном с совместной едой жениха и невесты. В старину на Руси говорили: «Не женятся на тех, с кем вместе едят». Казалось бы, что в том плохого, если парень и девушка дружно работают или охотятся и едят из

одной миски, как брат и сестра? Вот именно – как брат и сестра. Мы уже знаем, что совместная трапеза делала людей «родственниками». А браки между родственниками не поощрялись – опять-таки в интересах потомства... Подробнее о значении совместной трапезы говорится в главе «Истоки гостеприимства» и в разделе «Мой род – моя крепость».

...На русской свадьбе звучало множество песен, притом большей частью печальных. Тяжёлая фата невесты понемногу набухла от искренних слёз, даже если девушка шла за любимого. И дело здесь не в трудностях жизни замужем в прежние времена, вернее, не только в них. Невеста покидала свой род и переходила в другой. Стало быть, она покидала духов-покровителей прежнего рода и вручала себя новым. Но и бывших незачем обижать и сердить, выглядеть неблагодарной. Вот и плакала девушка, слушая жалобные песни и изо всех сил стараясь показать свою преданность родительскому дому, прежней родне и её сверхъестественным покровителям – умершим предкам, а в ещё более отдалённые времена – тотему, мифическому животному-прародителю...

Костюм жениха. Воронежская губерния. XIX век

Вот какую глубину исторической памяти открывает нам лишь один обычай, истоки которого к тому же мало кто знает.

А теперь вспомним русские (и не только русские) сказки, в которых сочувствие рассказчика, да и всех добрых людей, всегда на стороне младшей сестры. Уж она-то и умница, и красавица, и рукодельница, в то время как старшие (обычно две) – глупы, сварливы и безобразны...

Это связано со старинным обычаем: пока не выданы замуж старшие сёстры, младшим нельзя было не то что принимать сватов, но даже красиво одеться и пойти в хоровод или на посиделки – тоже своего рода выставки невест. А если старшие сёстры, как в «Золушке» или «Аленьком цветочке», злые да ленивые, которых никто замуж за себя не возьмёт? Вот вам сразу источник семейных ссор и конфликтов. И младшей сестре вовсе не обязательно быть «падчерицей», этот мотив появился позже, когда истинная причина начала забываться. Младшая сестра и так оказывалась на побегушках у старших и ходила в обносках – особенно если была вправду красивее: страшно подумать, вдруг кто-нибудь обратит на неё внимание и посватается, минуя старших! Случись такое – и старшие сёстры окажутся навек опозоренными, замужем им почти наверняка уже не бывать. Так что Золушка не просто торжествует в конце. Она воистину совершает «страшную месть»!..

Следует ещё раз вспомнить и про «косу – девичью красу». С языческих пор сохранился обычай прощаться с нею навеки и заплетать молодой жене две косы вместо одной, притом укладывая пряди одну под другую, а не поверх (об этом уже упоминалось в главе «Коса и борода»). Если же девушка убежала с любимым против воли родителей (именно такой брак назывался «браком против воли», воля имелась в виду исключительно родительская, а не самой невесты, как думают иногда), молодой муж обрезал драгоценную девичью косу и предъявлял её новоиспечённому тестю и тёще вместе с выкупом за «умыкание» девушки. И в любом случае замужняя женщина должна была прикрывать свои волосы головным убором или платком (чтобы «сила», заключённая в них, не повредила новому роду). «Опростоволосить» женщину, то есть сорвать с неё головной убор, значило нанести колдовской ущерб её семье, оскорбить её саму и нажить серьёзные неприятности – штраф, если не кровную месть. А свадебный выкуп назывался в Древней Руси «вено», и это слово родственно словам «венюк» и «венец» – девичий головной убор...

И опять: стоило тронуть одну какую-то деталь, как открылись такие пласты, такие неведомые глубины... Замечательные всё же слова произнёс в V веке до нашей эры греческий философ Сократ: «Я знаю только, что я ничего не знаю. – И добавил: – А другие не знают даже и этого». Чем глубже «влезает» во что-то, чем больше узнаёшь, тем шире раскрываются горизонты непознанного...

Завершая разговор о свадьбе, надо сказать несколько слов на одну деликатную тему. Почему-то полагают, будто в старой России и «тем более» в Древней Руси девушка, родившая ребёнка до брака, считалась непоправимо опозоренной. Не перечить «исторических» фильмов и книг, где несчастных юных матерей преследуют ужасные несчастья: они топятя, вешаются, сходят с ума, женихи отказываются от них, родители проклинаят, гонят из дому...

Что ж, в некоторых областях России за девичьим целомудрием действительно очень строго следили. Но столь же часто всё выглядело решительно наоборот. Добрачные дети ни в коем случае не оказывались помехой для свадеб – отнюдь! Их-то матери как раз и считались «первыми невестами на деревне». Ведь каким было со времён глубокой древности главное требование к женщине? Чтобы могла выносить и родить здоровых, крепких детей. Вот и сватались парни наперебой к молодым матерям, уже доказавшим свою женскую полноценность. Когда же замуж шла девушка – как знать, не «пустоцвет» ли попался?..

Так было, в частности, на Русском Севере, у старообрядцев. Порою добрачных детей заводили даже нарочно, с тем чтобы вернее засватали, чтобы не остаться безмужней...

А если отцом добрачного ребёнка был знатный воин, боярин, сам князь (именно над такими ситуациями мы всего чаще и рыдаем в кино) – юную мать не только не проклинали, её на руках носили и в своём роду, и в роду жениха: счастье в дом приманила! Все знали, что воинов, особенно знатных вождей, осеняла милость Богов. В Древней Руси рабыня, родившая дитя от хозяина, освобождалась из рабства...

...Вот как далеко завели нас фата и белое платье. А ведь я не рассказала и сотой доли того, что написано учёными о русской свадьбе и её языческих корнях.

Звёздный мост

Когда умирает кто-то из близких, мы жалеем покойного и одновременно... боимся его! Даже те из нас, кто слыхом не слыхивал ни о славянском язычестве, ни о христианстве или другой религии. Почему?

Учёные утверждают: мифологические воззрения самых разных народов так или иначе выводятся из законов психологии, общих для всего человечества. Если китайцу и шведу показать красный цвет, пульс участится у обоих – вот на каком глубочайшем уровне, на самой границе «одушевлённого» и «неодушевлённого» лежат корни религиозных представлений. Потому-то мифы весьма удалённых друг от друга племён бывают удивительно схожи, и нам порою легко понять даже мифы австралийских аборигенов, хотя мы живём на другом конце планеты...

Многим приходилось сталкиваться с тем, как разбегаются дети от своего товарища, до крови поранившегося в игре. Мне, например, было лет пять, когда я свалилась с забора и распоролла ногу о гвоздь. Двор, только что полный играющих, вмиг опустел. И что характерно – ответ на расспросы взрослых (почему никого не позвали?) был только один: мы не видели, мы тут ни при чём.

Испуг? Боязнь крови? А что её бояться?

Но точно так же порой поступают и жители африканских джунглей, бесстрашные воины, охотники на свирепых зверей. И вот как они объясняют своё поведение учёным-этнографам, приехавшим изучать обычаи племени: «С человеком никогда ничего не случается просто так. Всё, что происходит, – знамение Богов, злых или добрых. Если кто-то внезапно поранился – это значит, что злые духи и сама Смерть готовы им завладеть. Опасно оставаться рядом с таким человеком, несчастье заразно и всех втягивает, подобно водовороту...»

Так мифологическое сознание преломляет естественный испуг и детское рассуждение: «Если я чего-то не видел или притворился, будто не видел, значит, этого как бы и не произошло...»

Отсюда наш страх перед умершим: а что, если он и меня утащит туда же – на тот свет, за грань между мирами, которую нарушила Смерть?..

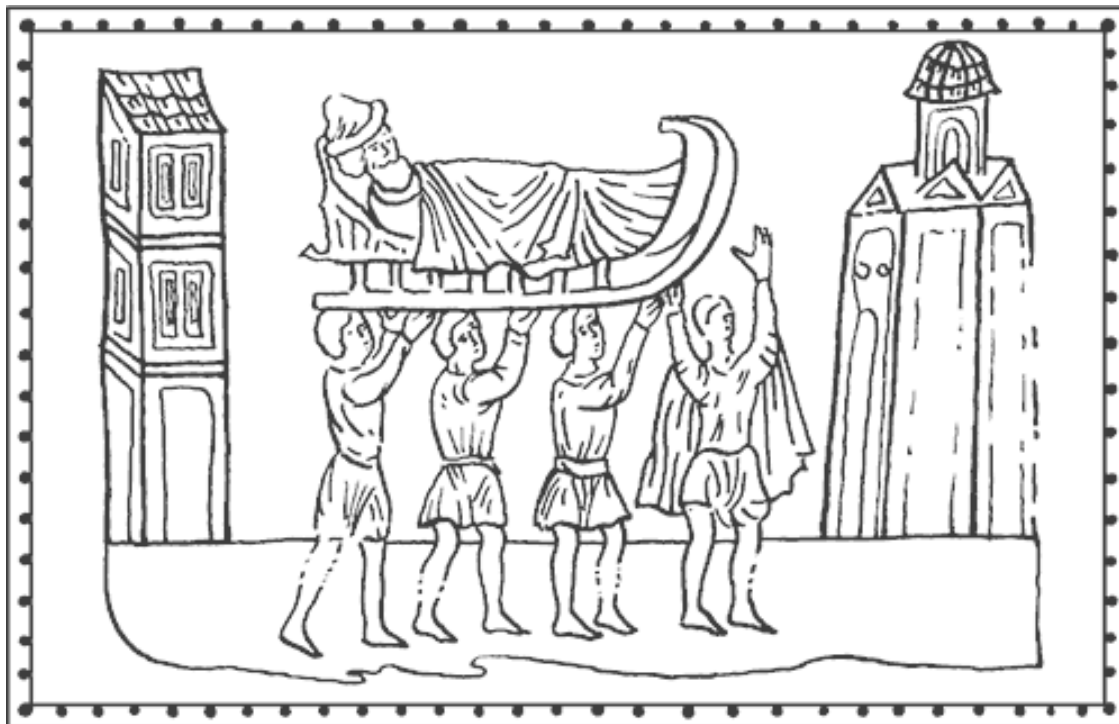
Поэтому традиционные русские похороны содержат огромное количество ритуалов, призванных отдать умершему последнюю дань уважения и вместе с тем победить, изгнать подальше ненавистную Смерть. А ушедшему пообещать воскрешение, новую жизнь. И все эти обряды, частью сохранившиеся до сего дня, имеют языческое происхождение.

В главе «Рождение» было рассказано, как новорожденного приобщали ко всем природным стихиям. Теперь, уходя из этого мира, человек с ними прощался. Почувствовав приближение смерти, старик просил сыновей вывести его в поле и кланялся на все четыре стороны: «Мать сырая Земля, прости и прими! И ты, вольный свет-батюшка, прости, коли обидел...»

Потом ложился на лавку в святом углу, и сыновья разбирали над ним земляную крышу избы, чтобы легче вылетела душа, чтобы не мучила тело. А также – чтобы не вздумала остаться в доме, беспокоить живых...

Даже краткий обзор языческих погребальных обрядов мог бы увести нас так же далеко, как и знакомство с некоторыми деталями свадебного обряда. Кстати, в народной культуре, в частности в песнях, смерть постоянно уподобляется свадьбе. Почему так, подробно говорилось в главе «Свадьба». Но в древности это было не просто поэтической метафорой. Когда умирал знатный мужчина, вдовый или не успевший жениться, с ним в могилу нередко шла девушка – «посмертная жена». Когда такой ритуал пытаются воссоздать в «исторических» книгах и фильмах, обычно получаются жуткие и жестокие сцены. А между тем девушка зачастую шла на смерть добровольно, вызывая зависть подруг и предвкушая будущее блаженство на

«седьмом небе» со знатным супругом. Конечно, нам теперь трудно такое понять. Но если мы желаем правильно представлять себе поведение наших предков, лучше узнать свою историю, то разобраться в этом необходимо.

**Погребение святого Бориса. Миниатюра Жития
святых мучеников Бориса и Глеба. XIV век**

Воззрения древних славян на загробную жизнь, к сожалению, известны нам хуже погребального ритуала. Небогаты сведения о том, каково, по языческой вере, было воздаяние умершим за грехи и добродетели их земной жизни. Поэтому иногда говорят, будто славяне вообще научились различать зло и добро только после принятия христианства. Серьёзные учёные утверждают, что это, конечно, не так. Вот каков, по мнению специалистов, был для язычников сокровенный, нравственный смысл легенды о Перуне и Змее.

Поначалу они относились друг к другу «нейтрально», быть может даже дружили. Равновесие между Злом и Добром оставалось «статическим», неподвижным, они в самом деле были неотличимы. Не было ни конфликта, ни драматических последствий, позволяющих отличить Зло от Добра.

Потом жадный Змей нарушил спокойствие: похитил жену Перуна, замкнул-заморозил озёра и реки, отнял у Земли плодородие. В конце концов, после долгих мук и страшной борьбы, Перун восстановил справедливость и путём испытаний отделил своего истинного сына от расплодившихся двойников. Так его поединок со Змеем принёс в мир нравственное начало, возможность выбора между Злом и Добром. Но побеждённый Змей не погиб, и борьба Зла с Добром будет длиться, пока существует Вселенная. Восстановленное равновесие сделалось «динамическим», то есть подвижным, о чём и свидетельствует, по мнению древних, годовой цикл природы. Язычники верили: зима и лето сменяют друг друга, отражая переменчивый баланс сил Зла и Добра... Чем же определяется это соотношение сил? Не в последнюю очередь – поведением Человека.

Человек, как мы помним, был создан Богами из дерева и святого Огня. Но любовные похождения Змея тоже породили целую ветвь людского племени, так что Человек сделался

«двуприроден»: в каждом сидит что-то от Богов, а что-то – от хищного и неразумного Волоса. Вот поэтому среди нас присутствуют самые разные типы: чистые, светлые дети Добра (их считают праведниками в любой из религий), отвратительные «нелюди» – и весь спектр между ними, смотря какое наследие перевесит.

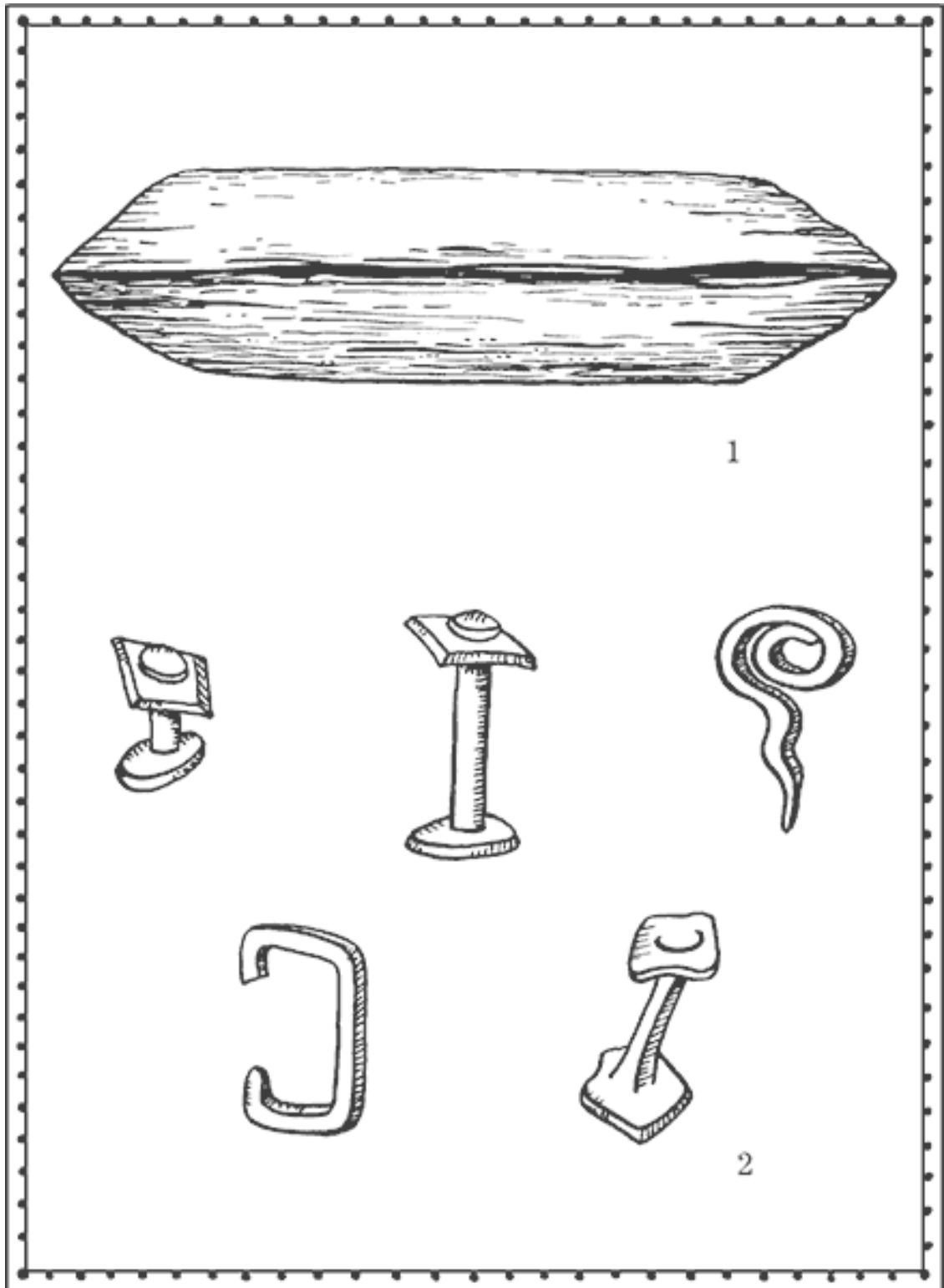
Борьба Зла и Добра происходит и на небесах, и в каждом из нас. Реальные и мистические испытания, которым подвергаемся мы все, очищают душу, выжигают в ней всё злое, приближают смертного к Богам, насколько он на это способен... И дело здесь не только и не столько в «генах», во врождённых достоинствах. Ведь самым первым, кого Бог Грозы подверг Посвящению, был его собственный сын...

Наше Посвящение длится всю жизнь, а физическая смерть лишь подводит итоги.

Погребение князя Глеба «меже двумя кладомы под насадом».
Миниатюра Жития святых мучеников Бориса и Глеба. XIV век

Если бы не было в славянском язычестве подобных идей, если бы тысячу лет назад вправду были мы «тёмными дикарями», разве смогло бы христианство с его нравственными установками пустить у нас такие прочные корни, так хорошо вписаться в систему традиционных верований славян? Разве мог бы состояться замечательный взлёт культуры, который дала Древняя Русь?

1. Погребение в двух колодах-челнах (по В. А. Городцову). 2. Ладейные заклепки, скобы и пробой, найденные в большом кургане Гнездовского могильника и в южном Приладожье в кургане на реке Рыбежке

Великие культуры никогда не занимаются выкорчёвыванием того, что было прежде. Великие культуры вырастают из могучих корней.

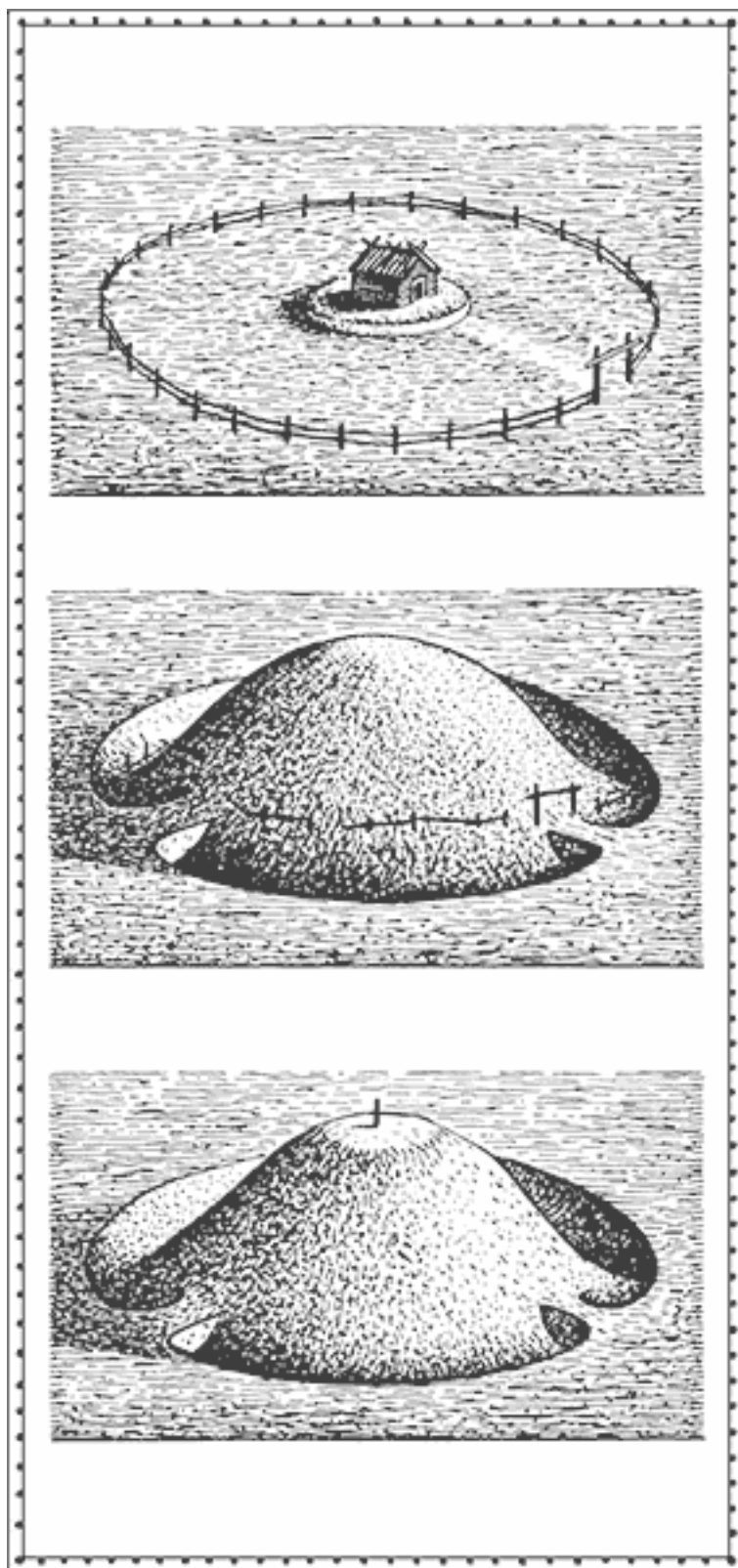
В сказаниях многих народов, близких славянам, упомянут мост в языческий рай, чудесный мост, пройти по которому способны лишь души добрых, мужественных и справедливых. По мнению ученых, был такой мост и у славян. Его мы видим на небе в ясные ночи. Теперь мы называем его Млечным Путём. Самые праведные люди без помех попадают по нему прямо в светлый ирий. Обманщики, мерзкие насильники и убийцы проваливаются со звёздного моста вниз – во мрак и холод Нижнего Мира. А иным, успевшим натворить в земной жизни и хорошего, и дурного, перейти через мост помогает верный друг – лохматая чёрная Собака...

Отношение древних славян к смерти и умершим предкам – целый мир, в который мы едва заглянули. Зачем оставляют на кладбищах немного еды и вино в рюмках? Затем, чтобы могли угоститься души умерших, слетевшиеся незримо или в облике птиц. Откуда примета: влетела птица в дом – не к добру? А вдруг это вернулась с того света чья-то душа и хочет «позвать» за собой кого-нибудь из домашних...

А чего стоит обычай посреди морозной зимы разжигать громадные костры из соломы, «чтобы умершие на том свете не мёрзли»!..

Упомяну ещё об одном обыкновении, которое наверняка покажется удивительным. Теперь считают достойным говорить об умершем обязательно с грустью, именно это служит знаком вечной памяти и любви. Между тем так было далеко не всегда. Уже в христианскую эпоху записана легенда о безутешных родителях, которым приснилась их умершая дочь. Та с трудом попевала за другими праведниками, так как ей приходилось всё время таскать с собой два полных ведра. Что же было в тех ведрах? Слёзы родителей...

Можно также припомнить, что поминки – мероприятие, казалось бы, сугубо печальное – даже теперь очень часто кончаются весёлым и шумным застольем, где о покойном вспоминают что-нибудь озорное. А дружный смех и приплясывание на похоронах и даже траурных митингах – обычай некоторых народов, им порой удивляет нас телевидение в международных программах? Что это – равнодушие, неуважение к покойному, кощунство?

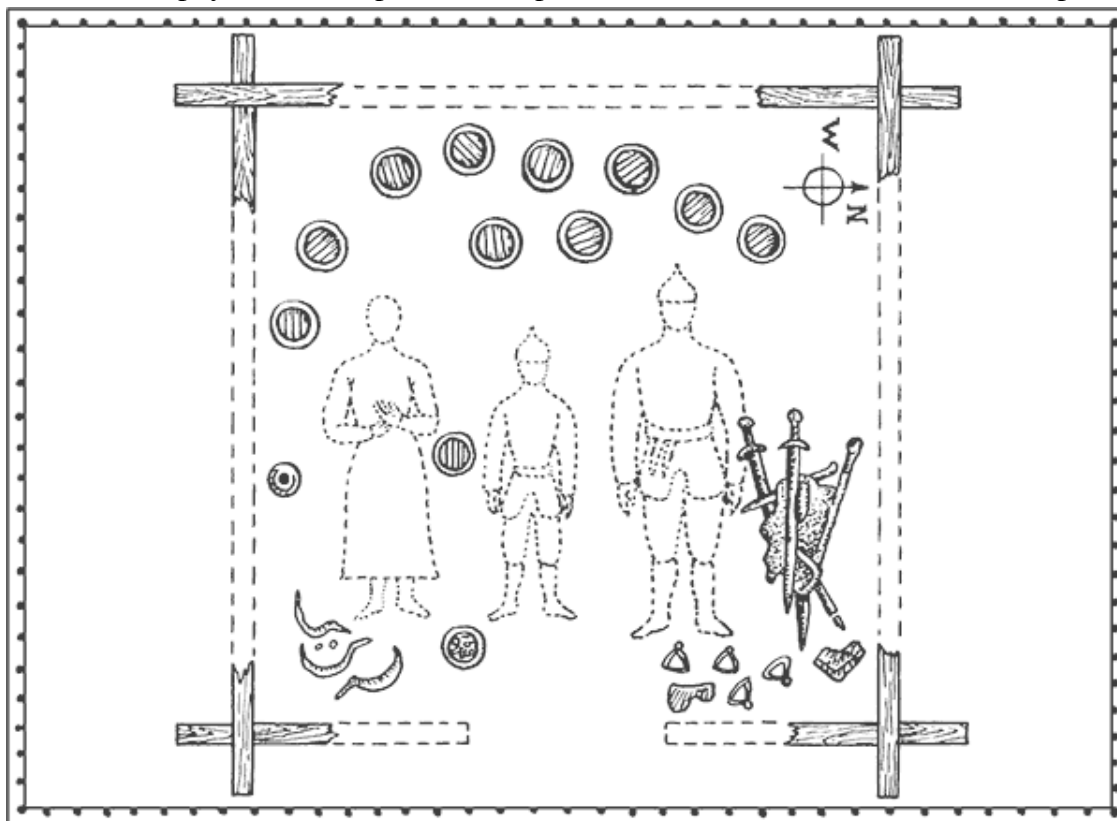

Курган Черная Могила в Чернигове. Конец X века. Реконструкция Б. А. Рыбакова. По преданию, это княжеское захоронение. Его коническая насыпь имеет диаметр у основания до 50 м и высоту до венчающей площадки 11 м

Вдумаемся, что такое смех. Смех – лучшее оружие против страха, и человечество давно это поняло. Не так страшно одному в пустой и тёмной квартире, если громко запеть и засмеяться. Совсем не случайно придумывают забавные анекдоты о жестоких и несправедливых правительствах: то, над чем смеются, уже не способно внушать страх и больше не кажется непобедимым. Точно так и со Смертью. Осмеянная Смерть не страшна, смех гонит её, как Свет гонит Тьму, заставляет уступать Жизни дорогу. Этнографами описаны случаи, когда мать пускалась в пляс у постели тяжело больного ребёнка. Всё просто: явится Смерть, увидит веселье и решит, что «ошиблась адресом». Смех – это победа над Смертью, смех – это новая жизнь...

Ту же идею жизнеутверждения, возрождения, воскрешения несёт, как мы помним, и ритуальная еда для поминок – кутья да блины.

Вот мы и вернулись от смерти снова к рождению, как было обещано в начале раздела.

Реконструкция погребения в Черной Могиле (по Б. А. Рыбакову)

Вера древних славян в вечное возвращение Жизни опять открывает перед нами новые горизонты, в частности, выводит на календарный цикл верований и обрядов. Но это – вновь тема для отдельного разговора...

Литература

- Афанасьев А. Н.* Древо жизни: Избранные статьи. М., 1982.
- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 1, 2, 3.
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Велецкая Н. Н.* Языческая символика антропоморфной ритуальной скульптуры // Культура и искусство средневекового города. М., 1984.
- Гринкова Н. П.* Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту (по материалам русской одежды) // Советская этнография. 1936. Вып. 2.
- Даркевич В. П.* Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // Советская археология. 1960. Вып. 4.
- Даркевич В. П.* Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // Советская археология. 1961. Вып. 4.
- Ерёмина В. И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. Вып. 1 (5).
- Иванов П. В.* Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках // Сб. Харьковского историко-филологического общества. 1893. Т. 5. Вып. 1.
- Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.
- Криничная Н. А.* Персонажи преданий. Л., 1988.
- Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930.
- Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937.
- Леви-Стросс К.* Структура мифов // Вопросы философии. 1970. Вып. 7.
- Липец Р. С.* Образ древнего тура и отголоски его культа в былинах // Славянский фольклор. М., 1972.
- Лихачёв Д. С., Панченко А. М.* Смех в Древней Руси. Л., 1984.
- Метешкин Ю.* Что такое сёриндзи-кэмпо // Кэмпо. 1993. Вып. 2.
- Миронова В. Г.* Языческое жертвоприношение в Новгороде // Советская археология. 1967. Вып. 1.
- Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев.* Новосибирск, 1987.
- Мифологический словарь / Под ред. Е. М. Мелетинского.* М., 1991.
- Мифы народов мира.* М., 1980. Т. 1; 1982. Т. 2.
- Неклюдов С. Ю.* О кривом оборотне // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979.
- Померанцева Э. В.* Русские рассказы о домовом // Славянский фольклор. М., 1972.
- Пропп В. Я.* Проблемы комизма и смеха. М., 1976.
- Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
- Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1993.
- Русский народный свадебный обряд.* Л., 1978.
- Рыбаков Б. А.* Календарь IV века из земли полян // Советская археология. 1962. Вып. 4.
- Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита // Советская археология. 1965. Вып. 1, 2.
- Рыбаков Б. А.* Русалии и бог Симаргл-Перефлут // Советская археология. 1967. Вып. 2.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.

- Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1953. Т. 50.
- Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII веках. М., 1982.
- Серов Н. В.* Хроматизм мифа. Л., 1990.
- Срезневский И. И.* Исследование о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848.
- Сумцов Н. Ф.* Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885.
- Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М., 1989.
- Токарев С. А.* Ранние формы религии. М., 1990.
- Топоров В. Н.* Ещё раз о Велесе-Волосе в контексте «основного» мифа // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. М., 1983.
- Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Фаминицын А. С.* Божества древних славян. СПб., 1884.
- Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь. М., 1980.
- Цивьян Т. В.* Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
- Чмыхов Н. А.* Истоки язычества Руси. Киев, 1990.
- Элиаде М.* Космос и история. М., 1987.

Жилище

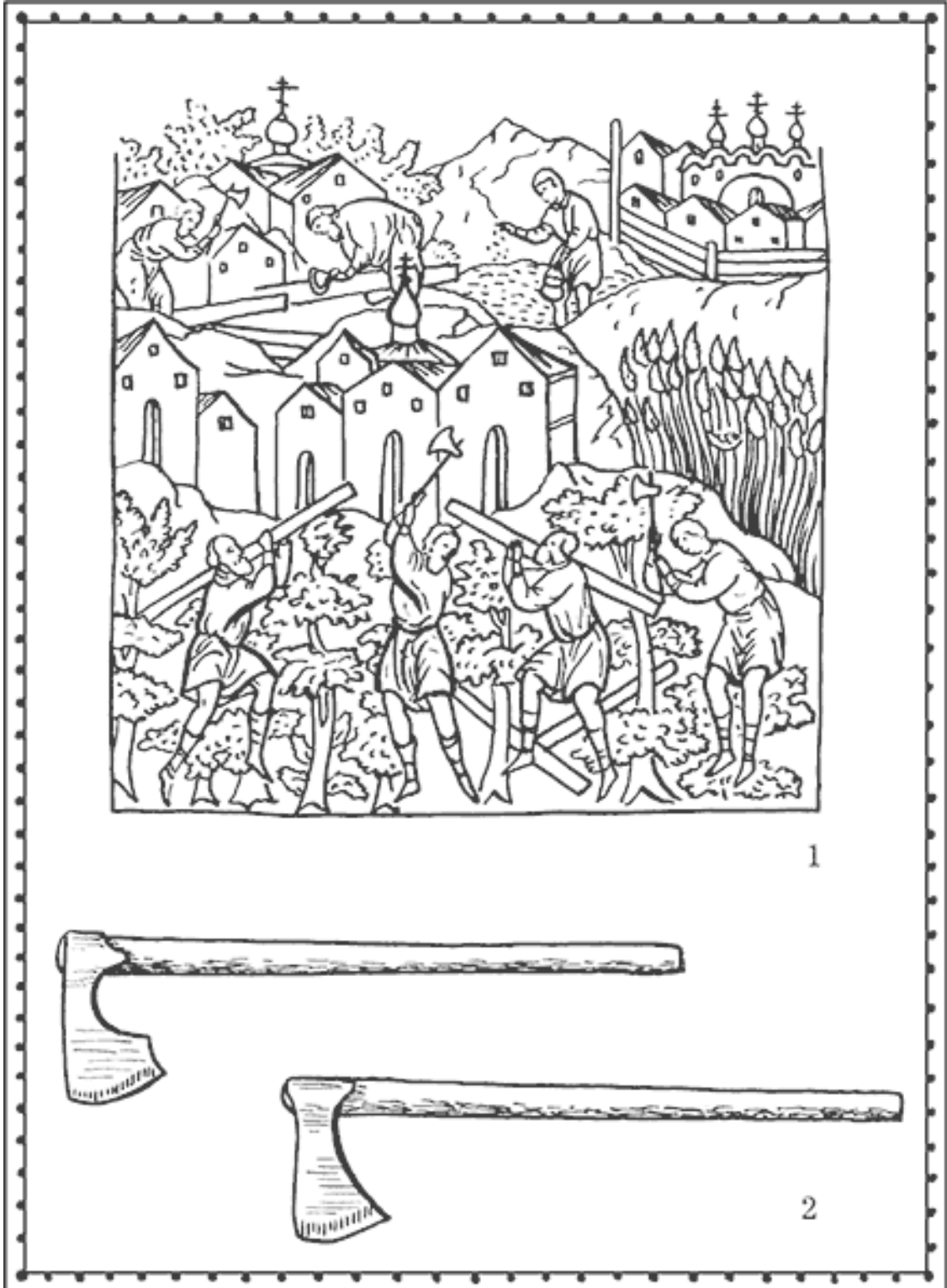
«Что нам стоит дом построить?»

Такой вопрос задавала некогда популярная песня и тотчас бесхитростно отвечала: «Просто вырыть котлован...» – и далее перечислялись едва ли не все этапы современного строительства. Между тем сооружение жилого дома, превращённое ныне в простой технический акт, для наших предков славян было исполнено глубочайшего, интимнейшего религиозного смысла. В древности каждый человек строил жильё для себя и своей семьи сам, – если требовалось, на помощь звали родственников, соседей, друзей. «Чужие руки» (артели профессиональных строителей-плотников) появились достаточно поздно, а когда появились, на них стали смотреть не только как на мастеров своего дела. Ещё в начале XX века их считали могучими колдунами, «знающими» людьми, властными над жизнью и смертью живущих в выстроенном ими доме. Почему так?

В разделе «Прядение и ткачество» будет рассказано, что женщина, прядущая самую обычную нить, ощущала себя младшей сестрой Богинь, вьющих нити человеческих судеб. Когда же воздвигалось жилище или другая значительная постройка (крепость, храм), наши предки чувствовали на своих плечах тень Богов, создавших и упорядочивших Вселенную.

Учёные пишут: древние племена лесной зоны Европы нередко строили дома и священные храмы (в том числе христианские) таким образом, что внутри помещения оказывались живые деревья. Чаще всего это были «благородные» деревья (дубы, ясени, берёзы), и притом почитаемые, овеянные легендами, наделённые, по мнению древних, божественной благодатью. Не правда ли, такая конструкция дома сразу заставляет вспомнить представления об организации Космоса, бытовавшие у наших языческих предков? (Подробнее об этом см. в главе «О земном устройении».) И сходство это не случайно. Дерево, растущее внутри дома, было для славян (и не только для славян) зримым воплощением Мирового Древа, зиждущего Вселенную: Землю и все девять небес. Отголосок этого древнего верования прочно держался в разных местах России ещё в начале XX века в некоторых обрядах, связанных со строительством. Вот наибо-

лее наглядный пример. Затевая постройку, выкапывали с корнем деревце и утверждали его на месте будущего сруба – посередине избы либо в красном, «святом» углу. Там оно и оставалось до завершения строительства, а то и долее. В Дмитровском крае для этой цели предпочитали рябинки, в Калужской губернии – дубки, на Верхней Волге – елочки и берёзки, в Западной Сибири – молоденькие кедры: «Вот тебе, суседушка (имелся в виду Домовый), тёплый дом и мохнатый кедр!»

1. Крестьяне, занятые рубкой леса. С миниатюры XVI века. 2. Древнерусские топоры

Языческая символика при этом часто дополнялась христианской иконкой, которую иногда прикрепляли к деревцу. А порою (во Владимирской губернии, например) вместо деревца ставили деревянный крест, специально изготовленный перед началом работы. Интересно отметить, что крест в данном случае ставился не просто «для святости» и уж вовсе не в противовес языческим деревцам. Дело в том, что, согласно христианской традиции, Голгофа, где принял крестные муки Иисус Христос, является центром Вселенной; по преданию, на этом месте был сотворён и впоследствии похоронен Адам; рассказывалось также, что Голгофа, как «вершина мира», не была залита и во время библейского потопа. А стало быть, крест, возводимый на месте будущего дома, нёс ту же смысловую нагрузку, что и Мировое Древо язычников. Человек собирался создавать Вселенную – маленькую, «домашнюю», но вполне настоящую, – и её следовало должным образом «урядить».

В главах «Огонь Сварожич», «Кузница и мельница» упоминается, что, по мнению древних, всеми своими навыками и познаниями человечество обязано Богам. Буквально всё, от бытовых мелочей до самых важных деяний, «в самый первый раз» было совершено или опробовано Богами на заре времён и лишь потом передано ими людям. Так, в сражении с врагом славянскому воину не требовалось особенно напрягать воображение, чтобы ощутить себя Перуном, разящим зловредного Змея. Обнимая любимого, славянская женщина порой отождествляла себя с Землёй, когда-то вступившей в брак с Небом: людская любовь мыслилась сознательным подражанием любви Богов. Вот и дом не просто возводился по священному образцу: самый акт строительства являлся священнодействием, будучи в определённой степени равен сотворению мира. Конечно, это подразумевало не только определённое отношение к делу, но и огромное количество магических действий, связанных с оптимальным выбором материала для постройки, выбором места для будущей «домашней Вселенной», выбором времени начала строительства, с разными этапами и деталями стройки и, наконец, с переездом в новую избу.

Выбор деревьев для строительства

Я знаю, что деревьям, а не нам
Дано величье совершенной жизни, —

сказал в начале XX века великий русский поэт. Наши далёкие предки могли бы подписаться под этими словами.

Хорошо известно, что для древних славян деревья были не просто строительным материалом. Наши языческие пращуры видели в них таких же, как и они сами, детей Земли и Неба, притом обладающих ничуть не меньшим правом на жизнь, – «Свободные, зелёные народы», как говорится в том же стихотворении Николая Гумилёва. Из дерева, согласно некоторым легендам, были сотворены самые первые люди, – значит, деревья древнее и мудрее людей. Срубить дерево – всё равно что убить человека. Но ведь и избу надо строить! Как поступить?

Священный дуб

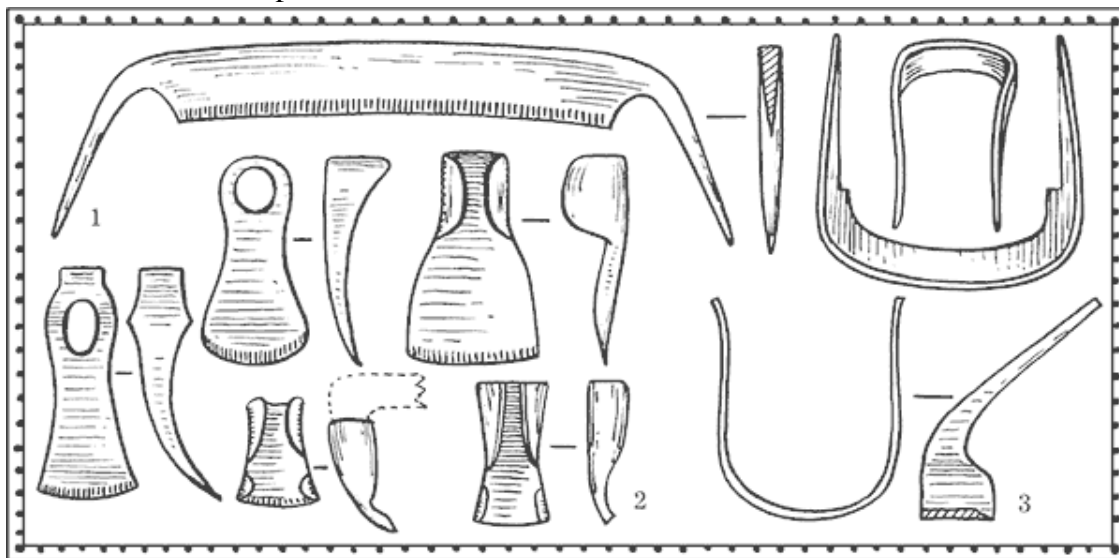
Конечно, даже и речи не шло о том, чтобы поднять руку на дерево, пользовавшееся почитанием, «священное». О почитании деревьев уже упоминалось в главе «Лес и Леший», здесь же

отметим, что священными могли считаться как целые рощи (их называли «заповедными», то есть «запретными»), так и отдельные деревья, привлекавшие внимание необычайными размерами, возрастом или особенностями развития. Как правило, с такими деревьями были связаны местные легенды. До нас дошли сказания о праведных стариках, на закате дней превращённых Богами в деревья. Мыслимо ли замахнуться на них топором?

Никогда не решился бы древний человек срубить дерево, выросшее на могиле. Ещё в конце XIX века крестьяне показывали учёным-этнографам большую сосну, выросшую якобы из косы загубленной девушки; а что, если в дереве поселилась человеческая душа? Верным признаком этого в Белоруссии считали издаваемый деревом скрип: в скрипучих деревьях, согласно поверьям, плакали души замученных людей. Тот, кто лишит их пристанища, наверняка будет наказан: поплатится здоровьем, а то и жизнью.

В некоторых местах России очень долго держался строгий запрет на рубку вообще всех старых деревьев. По мнению крестьян, грешно было отнимать у лесных патриархов право на естественную, «стихийную» смерть от ветровала или просто от старости. Покусившийся на подобное дерево неминуемо должен был сойти с ума, покалечиться или умереть. Грехом почиталась и рубка «молодика» – молодого, незрелого леса. В этом случае мифологическое воззрение основывалось на вполне естественном стремлении сберечь молодые деревья, не достигшие наилучших кондиций. По отношению же к «лесным старцам» действовал закон мифологического мышления: старший – значит, главный, значит, почитаемый, значит, священный.

Как тут не вспомнить, что в «цивилизованной» Америке порою валяли древние величественные секвойи... на дрова!..

Деревообрабатывающий инструмент (XI–XIII века): 1 – струг, 2 – тесла, 3 – скобели

Деревья с аномалиями развития – большим дуплом, вросшим в ствол камнем или другим каким-либо предметом, с необычной формой ствола, с удивительным переплетением корней – также рубке не подлежали: «не такие, как все» – мало ли какая сила могла в них затаиться!

В разных областях существовали и запреты на рубку некоторых пород. В первую очередь, конечно, это относилось к «проклятым» деревьям, таким как осина и ель. В главе «Лес и Леший» сказано, между прочим, что эти породы энергетически неблагоприятны для человека, «выкачивают» из него жизненную энергию, и это свойство сохраняют даже предметы, сделан-

ные из их древесины. Так что нежелание наших предков жить в еловом или осиновом доме было опять-таки не лишено оснований. С другой стороны, человек, срубивший вполне «доброжелательную» липу, должен был непременно заблудиться в лесу. Это убеждение стойко держалось, в частности, на Вологодчине. По всей видимости, Боги сурово вступались за дерево, веками обустраивавшее, а то и одевавшее народ...

Не годились для строительства мёртвые, сухие деревья. Оно и понятно: такие деревья не имеют в себе жизненных сил, на них печать смерти – чего доброго, занесут её в дом. И даже если в доме никто не умрёт, «сухотка» привяжется обязательно. В ряде мест по этой причине избегали рубить деревья зимой, когда они лишены соков и «временно мертвы».

С представлениями о смерти, загробном мире связан и запрет, налагавшийся на деревья, упавшие при рубке макушками в северную сторону, «на полночь»: эту сторону света наши предки ассоциировали с вечным мраком, зимой, безжизненным холодом – словом, потусторонним миром. Вставь такое дерево в сруб, и люди в доме долго не проживут!

Особая и очень опасная разновидность запретных деревьев – это «буйные», «злые», «прокудливые». Такое дерево как будто стремится отомстить человеку за свою гибель: может придавить лесоруба, а вытешут из него бревно для избы – того и гляди, обрушит весь дом на голову жильцам. Даже щепка от подобного дерева, нарочно подложенная злым плотником, способна была, по мнению русских крестьян, разрушить новый дом или мельницу. Если же «буйную» лесину рубили на дрова – следовало опасаться пожара!

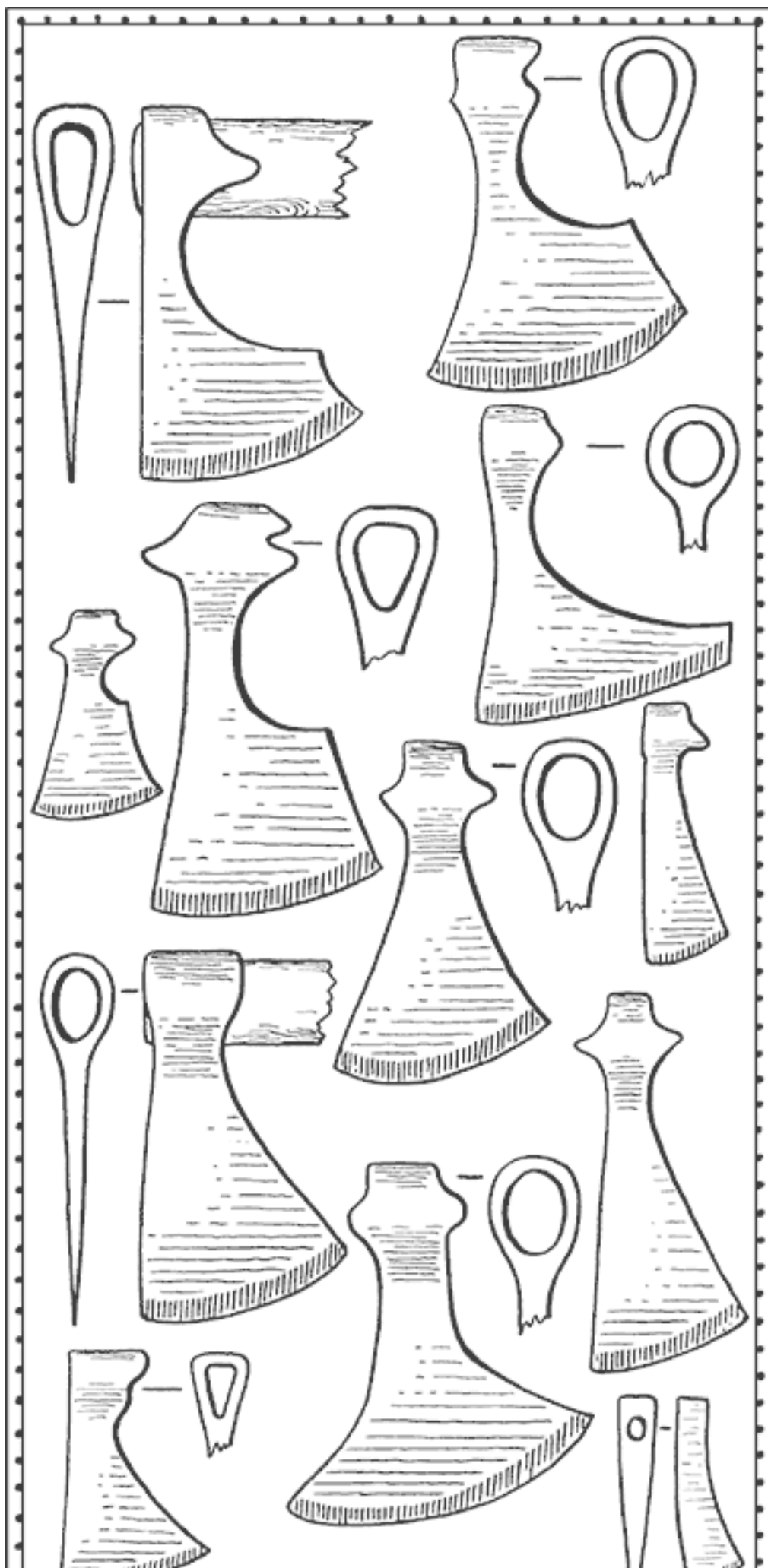
Белорусы называли «буйные» деревья «стояросовыми». Вот откуда наше выражение «дубина стоеросовая», означающее глупого и недоброго человека.

«Буйные» деревья, согласно поверьям, чаще всего выростали на заброшенных лесных дорогах, в особенности – на перекрёстках таких дорог. Дело в том, что славяне приписывали дороге большой мифологический смысл, притом отрицательный. Дорога, уходящая вдаль, по мнению наших предков, уводила в конечном итоге на тот свет – ибо за пределами племенной территории, как известно, начиналось царство неведомых сил и была близка граница между мирами умерших и живых. А кроме того, дорога мыслилась язычниками как своего рода «горизонтальная проекция» Мирового Древа, соединявшего миры. Не случайно сохранились загадки о дороге, типа: «Когда свет зародился, тогда дуб повалился; и теперь лежит», а учёные-этимологи утверждают, что слова «дерево» и «дорога» в русском языке восходят к одному корню.

Дровосек. С миниатюры XVI века

Может быть, уместно упомянуть здесь один способ погребения, который бытовал в языческие времена на Руси. Умершего предавали огню, после чего прах его в особом погребальном сосуде устанавливали «на столпе на путех». «На путех» – то есть близ дороги. Что касается выражения «на столпе» – возможны разные мнения, начиная от специально вкопанного столба до финно-угорского «домика мёртвых» на высоком древесном пне или вовсе на дереве. Так или иначе, связь дерева, дороги и погребения очевидна.

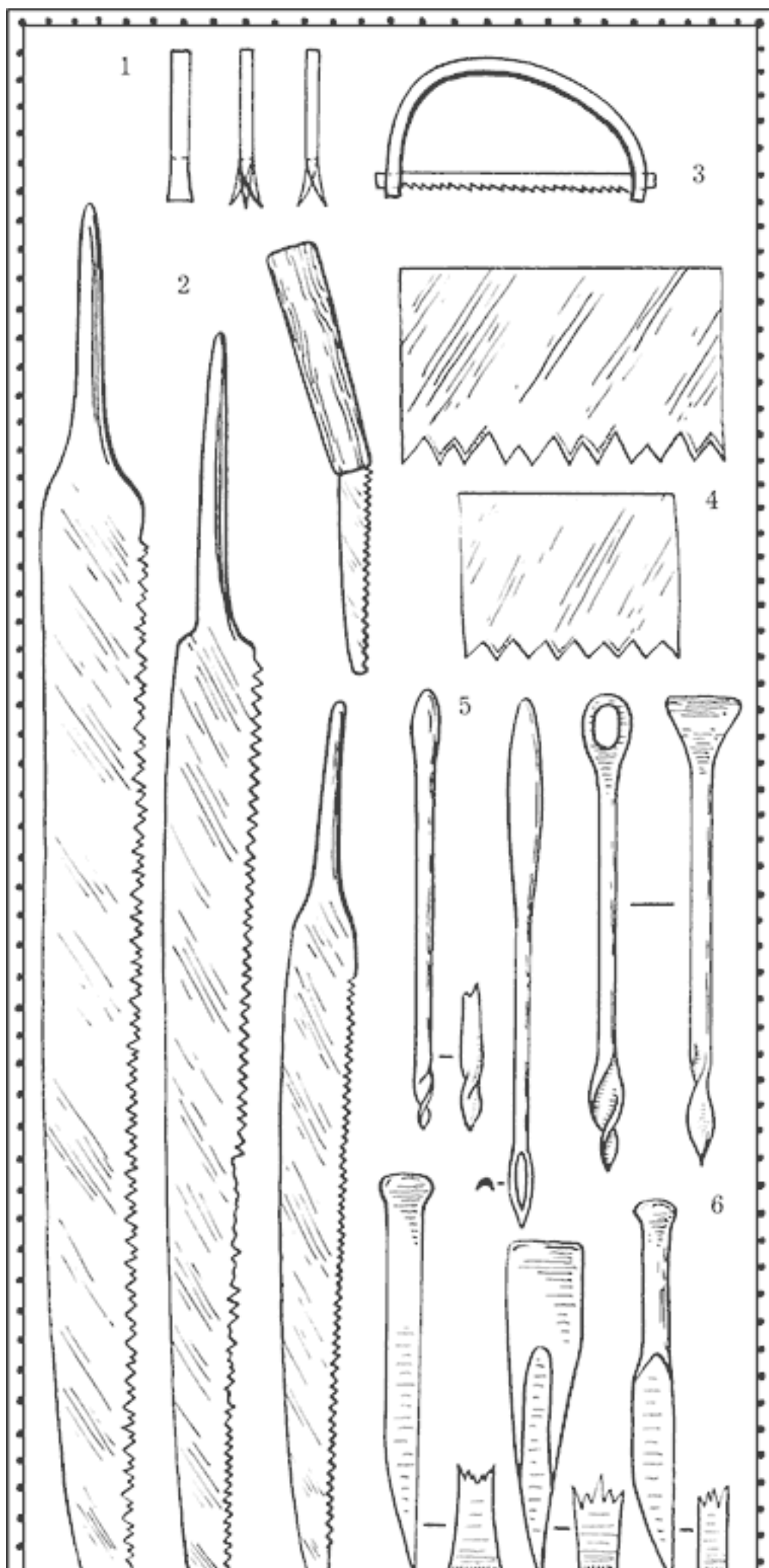
Рабочие топоры. XII–XIV века

Существовал и запрет на использование в строительстве деревьев, посаженных человеком. В первую очередь садовых деревьев, притом находящихся внутри ограды усадьбы. Учёные считают, что дело тут в мифологическом осмыслении таких противоположностей, как «свой» – «чужой», «природный» – «культурный», «дикий» – «домашний». Дерево, взятое в лесу и используемое для строительства человеческого жилья, непременно должно было претерпеть «смену качества»: из «чужого» сделаться «своим». С садовым деревом такого превращения заведомо произойти не могло, а кроме того, садовые яблони и вишни были для наших языческих предков едва ли не членами семьи. Отзвуки подобных представлений прослеживаются в русских сказках: там с плодовыми деревьями разговаривают, советуются. За ними ухаживают и в ответ на ласку ждут урожая. Как срубить родное дерево?

...Витой ствол, закрученный против солнца, не внушал доверия язычникам. В главе «Даждьбог Сварожич» подробно рассказано о магическом смысле движения «посолонь» и «противосолонь»: всё направленное против движения солнца так или иначе связано со злым колдовством...

Если первые три дерева, намеченные к рубке, по какой-либо причине оказывались непригодными, то в этот день лучше не браться за дело: не будет добра.

Но вот дерево выбрано. Привлекая этнографические материалы, касающиеся соседей славян, а также народов, до сих пор придерживающихся аналогичных воззрений, мы можем представить себе, как поступали с ним наши прапрадеды. В отличие от большинства современных людей, древние славяне твёрдо знали: когда дерево рубят, оно плачет от боли. Кстати, научные исследования подтвердили языческое убеждение. Цветок в горшочке буквально «сходит с ума» от ужаса, когда к нему приближается человек, только что погубивший другое растение: об этом поведали учёным электронные приборы, подключённые к его листьям. Стало быть, рассуждали наши предки, следует объяснить дереву, что ты не выродок, скуки ради замахнувшийся топором. Надо снять перед ним шапку, поклониться земным поклоном и рассказать о нужде, заставившей покуситься на его зелёную жизнь. А ещё – положить рядом с деревом угощение (например, кусочек хлеба с маслом), чтобы древесная душа выбежала из ствола полакомиться и не испытала лишних страданий.

Деревообрабатывающий инструмент (X–XIII века): 1 – профили полотен пил со сплошным разводным зубом, 2 – пилы разных типов, 3 – реконструкция лучковой пилы, 4 – двухвершинный и обычный треугольный зуб, 5 – сверла, 6 – долота

Так поступали на глазах исследователей африканские дровосеки; отголоски подобных же верований сохранились и в украинском обычае оставлять на земле хлеб-соль и денежку при начале сбора лекарственных трав.

Когда же дерево срублено, следует посмотреть, не легло ли оно макушкой на север (об этом см. выше) и не повисло ли на ветвях соседей: это знак – ищи другое место в лесу и начинай дело заново. И не худо также (согласно верованиям сербов) на свежем срезе пенька тем же самым топором срубить голову курице – на случай, если дерево всё-таки окажется «буйным»: эта жертва отвлечёт от человека внимание разгневанной древесной души...

И уж конечно, вернувшись из леса, непременно следует попоститься и тщательно вымыться: лучше всего – очистить себя банным потением, чтобы души деревьев «потеряли след» и не разыскали обидчика. (Точно так же, заметим, поступали после охоты на опасного зверя или убийства врага.) В некоторых африканских племенах после рубки железного дерева пищевые запреты, аналогичные нашим постам, соблюдались в течение целого года! Всё это время «деревубийцы» жили в отдельной хижине и не смели войти в общий дом, сесть к очагу, чтобы ненароком не навлечь беду на родных!

Мало, однако, было свалить дерево и перетащить ствол к месту строительства. Древние правила предписывали тщательно осмотреть приготовленное бревно: нет ли в нём какого опасного изъяна, к примеру «пасынка» – сучка, идущего из глубины, при выпадении которого остаётся скошенное отверстие? Ещё в XIX веке у славян от Польши до Алтая бытовало убеждение, что подобное бревно в срубе вызовет скорую смерть хозяина дома. Недаром в Польше такое бревно называли «волком», а также «свечой».

Но вот брёвна благополучно выбраны и привезены к месту строительства. Всякое ли место годилось для возведения дома?

Места добрые и недобрые

Современные научные изыскания подтверждают: на земле действительно есть места, благоприятные и неблагоприятные для жизни и деятельности человека. Это связано с расположением силовых линий некоторых энергетических полей нашей планеты, а также с факторами «местного значения», скажем с наличием глубоко под землёй родника, не достигшего поверхности. В наше время на подобные обстоятельства долго вообще не обращали внимания, предпочитая отмахиваться от «дремучих суеверий», а уж о том, чтобы учитывать их при строительстве, и по сей час речи нет. Но вот какой случай не так давно привлёк внимание учёных. В современном многоэтажном доме сразу в нескольких семьях, занявших квартиры друг над другом, у жильцов начали невыносимо болеть ноги. Врачи разводили руками: стоило людям выйти из дому – и сразу делалось легче. Приглашённый экстрасенс обошёл квартиры со своей рамкой, и что же? Оказывается, прямо под ними находилось «нехорошее», энергетически неблагоприятное место...

Наши предки, жившие тысячу лет назад, никогда бы здесь не поселились. Они прекрасно знали о «добрых» и «недобрых» местах и умели их отличать. Другое дело, что мифологическое мышление, свойственное эпохе, обладало вполне рациональную мудрость густым коконом мистических представлений.

Древние люди понятия не имели ни о силовых линиях, ни о тончайшем восприятии человеческого организма, которого не осознаёт наш разум, но которое тем не менее заставляет отклоняться проволочную рамку или деревянную рогульку в руке исследователя-«лозоходца». Наши предки считали, что всё это знаки, посылаемые Богами.

Выбор места для селения

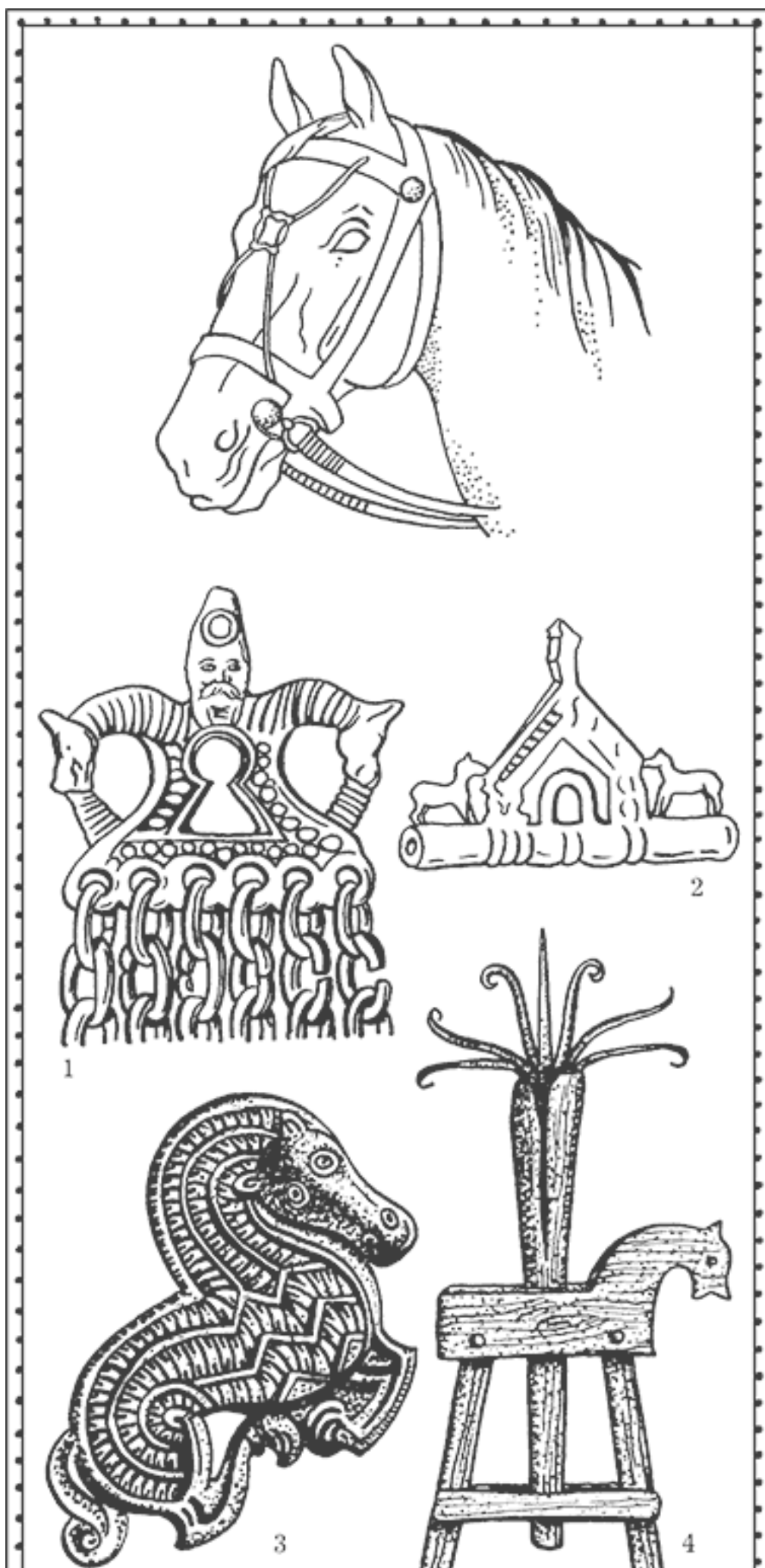
Очень часто Боги говорили с людьми через свои священные изображения, в том числе указывали места, пригодные для поселений. Подобные обычаи выяснения божественной воли встречались не только у славянских народов, да и традиция отнюдь не пресеклась после принятия христианства. Вот как поступали на Русском Севере христиане-новгородцы, пришедшие осваивать неведомые места: пускали по реке принесенную с собой икону (иногда трижды). Где прибьёт её к берегу, там и деревне быть.

Согласно древнегреческой легенде, город Трою основали на том месте, где был обретен дарованный Богами «палладий» – изображение Афины Паллады, вырезанное из дерева...

А вот как поступил в IX веке норвежский викинг Ингольв Арнарссон – первый скандинавский поселенец в Исландии. Завидев берег недавно открытого острова, он опустил с корабля в воду резные столбы с изображениями Богов, хранивших его род: в его прежнем доме, в Норвегии, они стояли по сторонам хозяйского места. Вышло так, что Ингольв потерял из виду священные столбы и нашёл их лишь два года спустя на отдалённом мысу. К тому времени у него был уже выстроен дом. Ингольв бросил всё и, невзирая на недовольство рабов, переехал туда, куда указали ему Боги. Теперь, кстати, на этом месте расположена столица Исландии – город Рейкьявик, а священные столбы Ингольва вошли в его герб.

В священных изображениях, по мнению верующих, присутствует божественный дух. Неверующие предпочитают говорить об энергетическом заряде, возникающем в результате многолетнего поклонения. Однако мы помним, что древние люди видели разумную душу во всех существах, явлениях и предметах. Если не было под рукой идола или иконы, к этим душам вполне можно было обратиться, испрашивая совета.

Якуты в старину срывали пучок живой зелёной травы и пускали по течению реки: где она остановится, там и устраивались жить. Северные славяне, карелы и скандинавы (племена, селившиеся в основном по берегам рек и озёр) часто использовали для гадания первый строевой лес (о мифологическом значении всего «самого первого» смотри подробнее, например, в главе «Границы во времени»). Согласно севернорусским преданиям, случалось, что лес, доставленный по воде к намеченному месту, вдруг сам собой отплывал прочь, увозя следом и людей. Похожие верования отразились и в рассказе об основании столицы современной Швеции – Стокгольма. В буквальном переводе это название означает «Остров Бревна»: «сток» по-шведски «бревно», «гольм» (правильнее «хольм») – «остров». Когда настало время выбирать место для города, по водам озера Меларен пустили бревно. Течение затащило его в пороги, туда, где воды озера изливаются в Балтийское море. Там оно и застряло у берега острова...

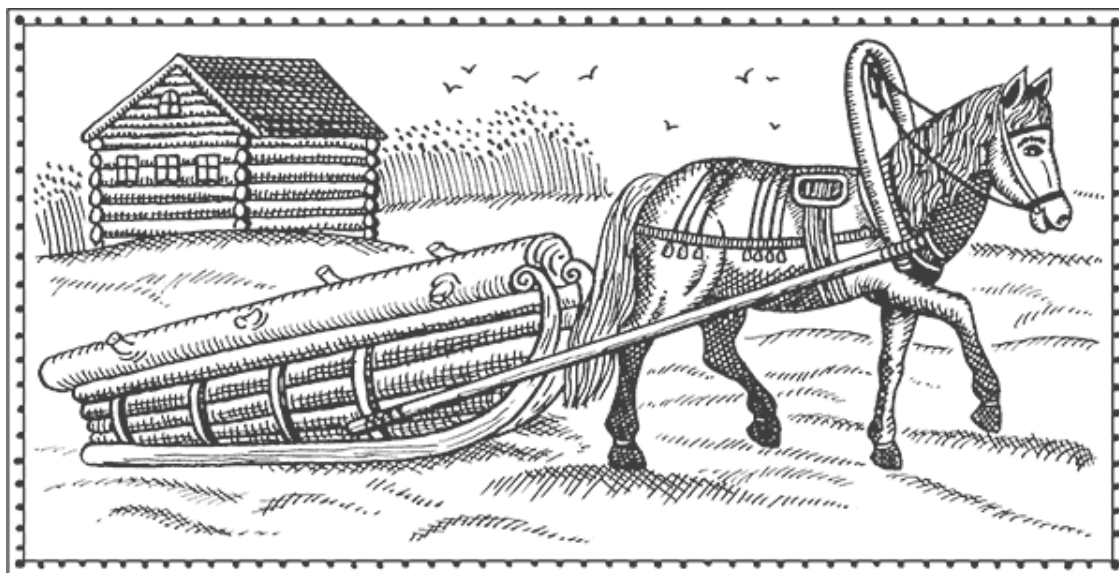

1. Подвеска с изображением Божества и двухконей. X век. 2. Бронзовый игольник с изображением коней по сторонам здания (храма?). XI век. 3. Бронзовая застежка-фибула. X век. 4. Кованный железный светец на деревянной подставке. Первая половина XIX века

Столь же часто Боги выражали свою волю через посредство священных животных, причём едва ли не чаще всего этим животным был конь. Подробнее о мифологическом смысле, который древние люди придавали коню, говорится в главе «Обереги». Здесь лишь заметим, что культ коня был свойствен как славянам (восточным и западным), так и многим их соседям – финно-уграм, балтам, германцам. Все эти народы (исторически довольно поздно освоившие верховую езду, в особенности конный бой) считали коня тесно связанным со светлыми, солнечными Богами: благородное животное не только хранило человека от сил зла, но и как нельзя лучше подходило для гаданий самого различного рода.

Гадание было для наших пращуров не просто способом заглянуть в будущее, как обычно понимают его теперь. Гадание должно было в первую очередь раскрыть волю Богов: помогут или не помогут в намеченном деле?

Собираясь закладывать новую деревню, уже в христианские времена славяне нередко запрягали в сани молодого, «неезженого» жеребца и, усердно помолясь, отправлялись с ним в лес. Там в сани грузили первое подходящее строевое дерево, после чего жеребцу позволяли идти, куда ему вздумается. Где он останавливался, можно было селиться. В частности, так выбирали место для церкви; хотя при внимательном рассмотрении все элементы обряда, кроме молитв, оказываются чисто языческими. Здесь и мистическое значение всего «самого первого» (впервые запряженный конь, первое дерево), и неперменные сани (в какое бы время года это ни происходило; сравним с этим обычай зимой и летом везти покойного на кладбище в санях). Кстати, если на месте остановки коня в самом деле закладывали сруб (церковь для будущей деревни), привезенное «самое первое» дерево устанавливали посередине будущего здания. В главе

Конь, запряженный в сани. Фрагмент русского лубка. XIX век

«Что нам стоит дом построить?» показано, что подобное дерево имело смысл «Мирового Древа» вновь создаваемой домашней или деревенской Вселенной. И вот тут русский этно-

графический материал поневоле заставляет вспомнить скандинавские мифы. Мировое Древо наших северных соседей называлось «Иггдрасиль» – буквально «Конь Игга», где Игг – «Ужасный» – было одним из имён-прозвищ Одина, верховного Бога скандинавов...

Выбор места для дома

Выше было описано, каким образом выбирали место для поселения, точнее, для его ритуального центра: языческого святилища либо, позднее, церкви. Но после того, как Боги указывали людям мыс на озере или поляну в лесу, на этой довольно обширной территории требовалось ещё отыскать конкретное место для каждого дома. Конечно, тот или иной уголок облюбовывали в первую очередь из практических соображений: чтобы не затапливало в паводок, чтобы было солнечно и не задували холодные ветры, чтобы поблизости была вода и так далее. К тому же требовалось, чтобы место было «добрым». Наши предки знали множество способов это проверить, и в любом из них, помимо более или менее ярко выраженного рационального начала, присутствует главная идея славянского язычества – о гармонии Вселенной и о роли Человека в этой гармонии. Вот некоторые способы определения «хороших» мест.

Ни в коем случае не годился участок, где ранее проходила дорога: чего доброго, по ней могли «уйти» из дому достаток, жизнь и здоровье. (В главе «Выбор деревьев для строительства» рассказано о мифологическом смысле дороги и упомянуто, что смертельно опасными считались даже деревья, выросшие на старой дороге.) Нельзя было строиться там, где прежде стояла баня: банный дух, Банник, был существом в общем недоброжелательным – вдруг проникнет в новую избу да примется кого-нибудь обижать?.. Спорный участок земли также не подходил для строительства: в таком доме, считалось, до веку ладу не будет, сразу пойдут споры и ссоры...

Верным признаком «недоброе» места были также найденные в земле человеческие кости, оставшиеся без должного погребения. Если же на этом месте хищные звери задрали какое-нибудь животное, или кто-то поранился до крови, или просто сломалась телега, опрокинулся воз, – строиться опять-таки опасались: разве в «добром» месте приключится такое? Лучше уж поискать где-нибудь в стороне!

Не годилось строить жильё и на месте дома, сожжённого молнией либо оставленного из-за болезни, наводнения, других несчастий. Там, куда однажды пал гнев Богов или случилась беда, всё это вполне могло и повториться...

Но если никаких недобрых признаков на облюбованном месте и не обнаруживалось – его непременно надо было «проверить». Вот как это делалось.

В главе «Хлеб» рассказано, какой божественной силой обладал этот священный для славян продукт. С хлебом, по мнению наших предков, была связана идея вечного возрождения, зарождения чего-то нового, живого, доброго, светлого. Соответственно, по хлебу очень часто гадали. Сажая хлебы в печь, «назначали» один из них на будущий дом. Если этот хлеб выходил высоким и пышным, стало быть, Боги благословляли строительство. Если же он поднимался плохо или вовсе разваливался – затея грозила бедой.

Хлеб, засеянное поле, женская беременность – в системе мифологического мышления древних славян эти понятия были тождественны и прямо связаны с образом «домашней Вселенной», а через неё – с Космосом, с гармонией мира. В самом деле, «знак засеянного поля» можно трактовать и как знак Вселенной со сторонами света, отмеченными перекрестьем, с Мировым Древом посередине. А теперь присмотримся к способу гадания, принятому в старину, в частности, у белорусов.

Приглядев место для хаты, хозяин приносил с четырёх разных полей по камешку (причём нёс под шапкой на голове либо за пазухой у голого тела) и раскладывал их на избранном месте, помечая будущие углы. Сам же становился в центр перекрестья – в центр Вселенной, на место Мирового Древа – и, обнажив голову, молился, причём с непременно обращением за благословением и помощью к умершим предкам. Через три дня приходили смотреть камешки: если они оказывались непотревоженными, значит, можно было строиться. Весьма показательно, что

вместо камней иногда насыпали кучки зерна. Зерном же зачастую обводили контуры будущего дома, «скрепляя углы». И надо ли говорить, что такое гадание, как и сев хлеба, совершалось исключительно мужчинами. Женщины в нём не участвовали никогда.

Другим воплощением идеи плодородия, размножения, достатка у славян был крупный рогатый скот. О мифологической функции быков и коров, об оберегающей силе бычьего рога подробнее говорится в главах «Перун Сварожич» и «Женский головной убор». В отношении «мировой гармонии» упомянем ещё, что, согласно верованиям наших соседей скандинавов, самого первого предка Богов «вылизала» из солёного камня и выкормила своим молоком корова по имени Аудумла.

У многих народов Земли скот был символом богатства. Когда английские мореплаватели XIX века познакомились с аборигенами одной из вновь открытых земель и стали рассказывать им о величии и несметных богатствах своей королевы Виктории, местный вождь спросил путешественников: «А сколько коров у королевы Виктории?»

Что же касается славян, то «Скотий Бог» Волос был отнюдь не просто «Богом Скота»: в его ведении находилось богатство вообще.

...Так вот, место, где спокойно уляжется, пережёвывая жвачку, молодая корова, считалось счастливым и безопасным. Не правда ли, от кроткой, доброй, безмятежно жующей коровы так и веет покоем, незыблемым крестьянским уютом, тёплым хлебом и парным молоком?.. Видимо, не случайно современные исследователи-экстрасенсы в один голос утверждают, что корова, в отличие, например, от кошки, ни за что не уляжется на месте, по своим энергетическим свойствам неблагоприятном для человека!

В главе «Верхняя одежда» упомянуто и о магических свойствах шерсти, которую славяне и многие другие народы считали одним из символов благополучия и достатка. Облюбовав место для дома, сухую овечью шерсть накрывали сверху горшком и оставляли там до утра. Отсыреет шерсть – значит, место «доброе». Если вспомнить, что говорилось чуть раньше насчёт рубки сухих деревьев, становится ясно, что «сухое» и «сырое» обозначает здесь «мёртвое» и «живое»; предполагалось, что место, где шерсть отсыреет, способствует жизни. Горшок же был связан с огнём, с очагом либо печью, то есть, как утверждают учёные, с самой сущностью дома, его ритуальным центром языческих времён. Горшок предназначался для приготовления пищи – для превращения «диких» веществ в «окультуренные». Это снова выводит нас на идею «домашней Вселенной» и превращения «дикого, чужого» в «домашнее, своё»... На Украине подобный способ гадания существовал ещё в конце XIX века в несколько ином виде: на месте будущего дома оставляли перевёрнутую сковородку и смотрели, появится ли под нею роса.

Вода, которую в данном случае явно считали «живой», в некоторых разновидностях гадания прямо обозначала «уровень жизни» в будущем доме. Например, с вечера приносили ведро колодезной воды, отмеряли из «непочатого» (то есть из которого никто ещё не пил и не черпал воды) трижды по девять стаканов (333), выливали в сухой горшок, плотно покрывали крышкой (из непокрытой, считалось, лакал ночами злой дух) и опять же оставляли до утра. Утром воду вновь измеряли стаканами. Окажется, что её несколько прибыло, – можно строиться, будет дом что «полная чаша». Если же воды убыло, делали вывод: «нет надобности строить дом на убыток хозяйству своему...»

Ещё одним символом домовитости почитались у славян муравьи. Заберутся ночью под оставленный на земле деревянный кружок – значит, место счастливое.

Вот как ответили бы наши предки-язычники на вопрос: «Что нам стоит дом построить?» А ведь строительство ещё и не начиналось!

«Без Троицы дом не строится»

Зная, насколько придирчиво наши предки выбирали строительный материал и место для будущего дома, следует предположить, что и время начала строительства выбиралось ими не менее тщательно. В самом деле, мы до сих пор ожидаем неприятностей от понедельника или от тринадцатого числа. Многие люди и по сей час избегают приурочивать к ним какие-то важные начинания: поездки, ответственные дела. Поньше дурной репутацией пользуется месяц май: предпринять что-либо в мае – « всю жизнь маяться ». Расспросив своих знакомых, каждый может убедиться, как мало среди них родившихся в мае: какие же отец с матерью решатся «заранее испортить жизнь» ребёнку? Столь же редко играют в мае и свадьбы: чего доброго, брак окажется несчастливым и непрочным.

Конечно, тысячу лет назад существовало гораздо больше верований и примет относительно счастливых и несчастливых периодов времени, да и придерживались их строже.

Мы привыкли считать астрологическую науку достоянием то ли восточной, то ли западной, но в любом случае чужой, не славянской премудрости (подробнее см. в главе «Род и Рожаницы»). Сейчас в ходу «непальские» гороскопы, «гороскопы друидов» (кельтских жрецов), а вот «древнеславянских» что-то не видно. Действительно, русское православие к астрологии («звездословию») всегда относилось настороженно. Между тем наши языческие пращурь, как и все древние народы, старались наилучшим образом вписать свою жизнь в гармонию Космоса, частицей которого они себя осознавали. Последние исследования учёных дают основания полагать, что древние славяне внимательно следили за движением звёзд и планет и использовали свои наблюдения не только для ориентировки ночью в лесу. Очень похоже, что наши предки были знакомы с зодиакальной системой, подмечали влияние далёких созвездий на склонности людей и таким образом на их судьбы – и старались жить в соответствии с ритмами Вселенной, сообразуя с ними все свои начинания.

Строительство дома, сотворение домашнего мира было, конечно, делом важнейшим. И очень жаль, что примет и поверий, касающихся выбора времени для начала строительства дома, сохранилось до наших дней относительно немного.

Вряд ли, однако, мы ошибёмся, предположив, что строительство избы редко затевали под вечер. «Утро вечера мудренее» – гласит русская поговорка, отражая древнее верование: утро, лучезарная мощь восходящего солнца олицетворяли для древних людей торжество добра, справедливости, светлых Богов. Вечер же и ночь – временную власть Тьмы, зла, всего враждебного людям. У славян и других народов существовала масса примет на сей счёт. Древние римляне с наступлением ночи прекращали, например, суд; любая сделка, заключённая ночью, была недействительна. Скандинавы, воинственные викинги, избегали ночных сражений. Напасть ночью у них считалось бесчестным, и не только напасть – даже казнить пойманного злодея. (По этой же, кстати, причине в средние века, да и позже, казнили чаще всего на рассвете: восходившее солнце как бы осеняло земное правосудие Божьей справедливостью.) Славяне же после захода солнца избегали, в частности, выбрасывать из дому сор, опасаясь «пробросаться» и обеднеть. Считалось, что жеребёнок, разрезвившийся на закате, в течение года будет непременно съеден волками; если же он играл утром, – ждали, что он будет хорошо расти...

1. Славянский сосуд для новогодних гаданий. IV век.
Поверх волнистой линии изображены символы 12 месяцев.
См. календарь. 2. Славянский сосуд-календарь. IV век

Похожие верования касались и лунных фаз. Почитанию месяца без преувеличения можно было бы посвятить целый раздел. Здесь лишь отметим, что строевой лес старались рубить в новолуние, ибо это, по мнению древних, не давало завестись в брёвках червям-древоточцам. И ни в коем случае не советовали начинать строительство при ущербной, «старой» луне: убыль или прибывь луны должна была прямо сказаться на благосостоянии дома и семьи, которая собиралась в нём жить. Русские крестьяне ещё в XIX веке ко всяким важным начинаниям старались приступать при растущей луне...

И конечно, важнейшую роль играл годовой солнечный цикл, к которому был тесно привязан сельскохозяйственный оборот и с ним последовательность календарных обрядов. Сотворение «домашней Вселенной» вполне закономерно старались приурочить ко дню... сотворения мира. Ибо наши язычники хорошо знали, в какой день это произошло: а именно, 21 марта, в день весеннего равноденствия. В дохристианские времена около 21 марта справляли Масленицу – древнейший праздник Солнца и Огня, который лишь гораздо позже оказался привязан Церковью к Великому посту и начал «путешествовать» по календарю взад и вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.